Sr I.
6
18.

17.6.8. Inv.
557

О

ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПОВѢСТЯХЪ

И

СКАЗАНІЯХЪ.

XI—XII СТОЛѢТІЕ.

И. П. Хрущова

Магистра Русской Словесности.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1878.

X-95

О

ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПОВѢСТЯХЪ

И

СКАЗАНІЯХЪ.

XI—XII СТОЛѢТІЕ.

И. П. Хрущова

Магистра Русской Словесности.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1878.

БИБЛІОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
им. Горького

Х-32

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Исторія литературы Русской не можетъ обойти молчаніемъ нашихъ лѣтописей и стоящихъ въ тѣсной связи съ ними повѣстей и сказаній. Изслѣдованія о происхожденіи, достовѣрности и составѣ лѣтописей создали цѣлую науку, представителями которой стали преимущественно ученые, занимающіеся отечественною исторіею.

А между тѣмъ особаго историко-литературнаго труда о такомъ богатомъ отдѣлѣ древней литературы нашей, каковъ отдѣлъ отечественной исторіи, у насъ еще не было. Образцовый трудъ М. И. Сухомлинова не имѣлъ продолжателей [1]).

Сознавая такой пробѣлъ, авторъ предлагаемой книги поставилъ своею задачею изслѣдовать и обозрѣть истори-

---

[1]) „О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ“.

ческія повѣсти и сказанія, въ ихъ взаимной связи, отъ самыхъ первыхъ временъ до начала XV столѣтія.

Погодная запись, сказаніе, памятная записка, повѣсть, хроника и наконецъ умильная повѣсть и хвалебное слово— вотъ виды древней повѣствовательной прозы, которые авторъ старался распознать, опредѣлить и обозрѣть.

Сказанія и повѣсти оказываются преобладающими видами нашей исторической литературы.

Сказанія, проникнутыя искреннею наблюдательностью и смиреніемъ, сообщили нашей древней письменности, тотъ охранительный характеръ, благодаря которому уцѣлѣли неприкосновенно и въ позднѣйшей перепискѣ наиболѣе древніе памятники. И составитель „лѣтописца“ подобно автору простодушнаго сказанія сторонился отъ премудраго искусства писать повѣсти:

Како могу пополнити, его же не видѣвъ предъ собою лежаща? Не имамъ-бо многыя памяти, ни научихся дохторскому наказанію, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы [2])?

Такимъ образомъ повѣсти, украшенныя „премудрыми словесы“ представлялись древнему книжнику нашему высшею формою повѣствовательнаго творчества.

---

[2]) XV т. П. С. Р. Л. стр. 142.

Борьба съ язычествомъ, борьба съ врагами отечества, торжество правды и добродѣтели надъ кривдою и злодѣяніемъ—вотъ что было источникомъ и силою, воодушевлявшею авторовъ повѣстей. Повѣсти XI—XII вѣка творчески возсоздали отдаленное прошедшее, произнесли судъ надъ современностью и будущимъ временамъ заповѣдали свои основныя воззрѣнія. Въ силу этихъ воззрѣній Русской народъ не призналъ себя побѣжденнымъ отъ Татаръ и, принявъ казнь отъ руки Божіей, нашелъ новые идеалы въ лицѣ мучениковъ за вѣру отцовъ. Несмотря на великую разницу въ формѣ и содержаніи, повѣсти имѣютъ сродство съ былинами: та же вѣра въ Святорусскую землю и въ силу таинственную „нездѣшнюю“ изливающуюся на Русскаго богатыря тамъ—посредствомъ дыханія Святогора, или дивнаго питья старцевъ-каликъ, здѣсь—посредствомъ благословенія Божія и помощи св. ангеловъ.

Руководимый трудами славныхъ изслѣдователей о лѣтописяхъ, авторъ шелъ по торному пути, но гдѣ считалъ нужнымъ, присоединялъ къ добытымъ истинамъ свои замѣчанія и изслѣдованія.

Обобщая ученые выводы, пересказывая содержаніе обозрѣваемыхъ памятниковъ, авторъ по неволѣ впадалъ

въ нѣкоторую неровность въ изложеніи. Спеціалистъ отличитъ строго научное отъ легко изложеннаго и быть можетъ признаетъ неизбѣжность послѣдняго въ трудѣ обозрительномъ и цѣльномъ.

Нынѣ предлагая вниманію читателя первую половину своего труда, авторъ доходитъ въ ней только до XIII столѣтія.

Во второй части найдетъ мѣсто разборъ новыхъ литературныхъ явленій, появившихся въ Галицкой землѣ съ началомъ XIII вѣка. Послѣ Галицкой хроники будутъ разсмотрѣны сказанія о Татарахъ и хвалебныя повѣсти до памятниковъ, прославившихъ Куликовскую битву, включительно [3]).

Кіевъ,
12 Сентября 1878 г.

---

[3]) Опытъ изслѣдованія и опредѣленія памятниковъ, прославившихъ Куликовскую битву былъ читанъ авторомъ на III-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ и напечатанъ въ Трудахъ этого съѣзда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стран.

Виды историческаго повѣствованія въ лѣтописяхъ: погодная запись, лѣтописный разсказъ, сказаніе и повѣсть . . 1.

Монастырскія сказанія XI столѣтія: сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Ѳеодосія . . . . . 11.

Сказаніе о волхвахъ . . . . . 23.

О нахожденіи Половцевъ . . . . . 25.

Сказаніе о князѣ Василькѣ Теребовльскомъ . . . . . 30.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Двѣ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ.

a) Повѣсть Іакова Мниха . . . . . 41.

b) Повѣсть Нестора . . . . . 59.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Повѣсти о св. Владимірѣ:

Хвалебная повѣсть Іакова Мниха . . . . . 68.

Стран.

Житіе, или испытаніе . . . . . 74.

Другія повѣствованія, какъ церковнаго, такъ и дружиннаго характера и ихъ размѣщенье въ Повѣсти временныхъ лѣтъ . . . . . 77.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вопросъ о Повѣсти временныхъ лѣтъ въ современной наукѣ нашей . . . . . 94.

Духъ и пріемы Нестора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Повѣсти . . . . . 98.

Составитель . . . . . 101.

Разсказы о временахъ до-Владимірovыхъ: о Кіи, Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ . . . . . 105.

Ольга и Древляне въ трехъ повѣствованіяхъ и повѣсть о кончинѣ Ольги . . . . . 109.

Переяславская повѣсть . . . . . 116.

Повѣсть объ усобицѣ дѣтей Святослава . . . . . 117.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сказанія XII вѣка—характера церковнаго:

Сказанія Кіевской лѣтописи до 1140 г. . . . . 121.

Проложныя сказанія: объ освященіи церкви Св. Георгія . . . . . 125.

О перенесеніи мощей Бориса и Глѣба . . . . . 127.

О Новогородскомъ Знаменіи . . . . . 129.

Сказаніе о чудѣ Десятинной Богородицы . . . . . 132.

О убіеніи Андрея Боголюбскаго . . . . . 138.

Сказаніе о призваніи Владимірцами Михалка и литературные пріемы Суздальскаго повѣствованія вообще . . . 143.

Стран.

Сказаніе о построеніи стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ . . . . . 150.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сказанія XII вѣка—свѣтскаго характера.

Памятныя записки о кончинѣ князей . . . . . 152.
Завѣщанія князей: „Духовная“ Мономаха со стороны повѣствовательной . . . . . 154.
Княжескія памяти въ Кіево-Выдубицкомъ сводѣ:
Сказаніе о сверженіи Игоря . . . . . 159.
Памяти о Святославѣ Ольговичѣ . . . . . 162.
Сказаніе объ убіеніи Игоря . . . . . 164.
Памяти объ Изяславѣ Мстиславичѣ . . . . . 167.
Кіевскія повѣствованія того-же времени и ихъ относительное безпристрастіе . . . . . 173.
Подробности битвъ и договорныя сношенія князей. . . 178.
Мемуаръ Петра Бориславича . . . . . 181.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сказанія о походахъ на Половцевъ, имѣющія характеръ повѣстей.

Сказанія первой половины XII столѣтія:
a) О походѣ Мономаха 1103 года . . . . . 183.
b) О его же походѣ 1111 и о славной битвѣ на Сальницѣ . . . . . 187.
Сказанія второй половины того-же столѣтія:
a) О походѣ Мстислава Изяславича . . . . . 192.
b) Два лѣтописныхъ разсказа о походахъ Святослава Всеволодовича . . . . . 194.

Страп.

c) Два сказанія о походѣ Игоря Святославича и отношеніе ихъ къ Слову о Полку Игоревѣ:

Южное сказаніе . . . . . 195.

Сѣверное сказаніе . . . . . 204.

Взглядъ на повѣствовательную сторону Слова о полку Игоревѣ . . . . . 208.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Виды историческаго повѣствованія въ лѣтописяхъ: погодная запись, лѣтописный разсказъ, сказаніе и повѣсть.

—

Монастырскія сказанія XI столѣтія: объ обрѣтеніи мощей св. Ѳеодосія, о волхвахъ, о нахожденіи Половцевъ. — Сказаніе о князѣ Василькѣ Теребовльскомъ.

Литературѣ историческихъ повѣстей и сказаній мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ богатую преданіями начальную исторію своего народа. Но лѣтописи наши развернулись въ повѣсть о быломъ уже тогда, когда духъ христіанскаго и монашескаго смиренія господствовалъ въ литературной школѣ. Внутреннія войны со всѣми ихъ дѣйствіями и нашествія варварскихъ племенъ поддерживали строгость аскетическаго взгляда. Подслушивая народныя преданія, лѣтописатель нашъ, на сколько могъ, пріурочивалъ ихъ къ своему книжному міросозерцанію, никогда не нисходилъ до бытовыхъ чертъ, никогда не вдавался въ живыя подробности о личности своей или даже своего героя. Скромный, грѣшный, худый,—онъ проситъ прощенія, если впалъ въ ошибку; имя свое вноситъ рѣдко на страницы лѣтописи,—да и то лишь для того, чтобы

помянули его въ молитвахъ. Чаще-же всего онъ не считаетъ нужнымъ не только повѣствовать о себѣ, но даже заявлять о своемъ существованіи. Погодинъ припоминаетъ, что Шлецеръ отдавалъ преимущество нашимъ лѣтописямъ передъ западными за то, что въ нихъ не было ничего умышленнаго, невѣрнаго, что онѣ писаны просто, ясно, безъ украшеній. Но если такъ, то онѣ были бы наивны, не подчинены руководящей идеѣ и поэтому въ высшей степени поэтичны, поэтичны какъ безъискуственный эпосъ, а этого нѣтъ: лѣтописи наши отличаются простодушіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и искуственностью съ самыхъ раннихъ поръ. Ясностью и безыскуственностью отличаются Новгородскія лѣтописи, но онѣ уже чужды поэзіи. Это какія-то дѣловыя, правда, простодушныя, но крайне прозаическія записи. Безъ искуственности, безъ школы не возникаетъ письменность, и безъ руководящей идеи не возможно развиться въ ней творчеству. Поэзія проникаетъ въ наши лѣтописи въ цвѣтущую кіевскую пору, и эта-то лѣтописная литература замѣняетъ намъ все, что уцѣлѣло отъ живыхъ народныхъ преданій. Она доноситъ до насъ идеалы, какими жила образованная часть общества.

Народная жизнь однакоже проникала въ лѣтописи настолько, на сколько лѣтописатели оставались вѣрны интересамъ своего города и земли, или даже партіи. Въ приговорахъ ихъ замѣтно пристрастіе къ тѣмъ или другимъ князьямъ, сочувствіе и несочувствіе къ городамъ и областнымъ землямъ русскимъ. Текстомъ изъ Священнаго Писанія они подкрѣпляютъ свое личное воззрѣніе на событіе. Признаніе благословенія Божія и воззваніе къ Его праведному суду часто находится въ связи съ личнымъ и пристрастнымъ воззрѣніемъ автора.

Такимъ образомъ древній русскій лѣтописатель иногда выступалъ изъ области идеальнаго христіанскаго міросозерцанія и погружался въ страстныя волны житейскаго моря.—Лѣтописатель русскій не всегда былъ затворникомъ, не покидавшимъ своей кельи. Изъ оживленнаго разсказа его иногда видно, что онъ присутствовалъ на вѣчевой сходкѣ или при спорѣ князя съ дружиной и гражданами—что онъ участвовалъ въ походѣ, бывалъ очевидцемъ сѣчи и осады города; ликовалъ съ побѣдителемъ, сѣтовалъ съ побѣжденнымъ, слушалъ князей, договаривавшихся о мирѣ и присутствовалъ при обычномъ крестоцѣлованіи. Духовникъ княжескій, или пономарь, или свѣтскій человѣкъ, употреблявшійся княземъ для писанія крестоцѣловальныхъ, судныхъ и дарственныхъ грамотъ,—онъ писалъ свои замѣтки по большей части на досугѣ, и, принимаясь за перо, все таки старался отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ и усвоить себѣ роль безпристрастнаго судьи-христіанина, какъ того требовало литературное направленіе.

Учеными нашими доказано, что мы воспользовались системою лѣтосчисленія отъ Византійцевъ [1]),—и это былъ первый шагъ нашего научнаго сближенія съ образованнымъ міромъ. Пасхальныя таблицы съ готовыми рядами годовыхъ цифръ были важнымъ подспорьемъ, которымъ воспользовалась наша юная грамотность для погоднаго записыванія событій. Первоначальныя лѣтописи наши велись, какъ видно, людьми не духовными. Въ тѣ времена, когда религія христіанская не была еще господствующею на Руси, княжьи люди стали записывать событія жизни ратной. Доказательствомъ тому, что

[1]) Сухомлиновъ: О древней русской лѣтописи, какъ о памятн. литерат., 30—45.

древнѣйшія лѣтописи не были писаны духовными лицами, служитъ то, что въ нихъ не отмѣчены событія, важныя для успѣховъ христіанства [2]). Кратка и сжата форма первоначальныхъ лѣтописей. Онѣ состоятъ изъ упоминаній о походахъ, о рожденіи или смерти князей, или о необычныхъ небесныхъ явленіяхъ [3]).

Но при простыхъ, сжатыхъ упоминаніяхъ можно и въ первоначальныхъ лѣтописяхъ встрѣтить стремленіе къ освѣ-

---

[2]) Срезневскій: Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, стр. 17.

[3]) Такъ, напримѣръ: лѣто 6428 Игорь воеваше на Печенѣгы. Въ лѣто 6423 пріндоша Печенѣзи первое на Русскую землю (лѣтопись временъ Игоря). Въ лѣто 6419 явися звѣзда копіинымъ образомъ (временъ Олега). Въ лѣто 6474 Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложи. Въ лѣто 6490 иде Володимеръ на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ. Въ лѣто 6508 преставися Малъфрѣдь и т. п. Подобнаго рода записи помѣщались въ клѣточкахъ пасхальной таблицы. Такъ, въ пасхальной таблицѣ 1350 изъ Псаломника синодальной библіотеки, изданной г. Сухомлиновымъ, а потомъ г. Срезневскимъ въ приложеніяхъ къ „Памятн. древн. письма и языка“, встрѣчаемъ записи подъ разными годами, но по недостатку мѣста въ еще большей сжатости: „Олександръ князь преставися. Торжекъ святъ“... Подобныя замѣтки встрѣчаются въ молитвенникахъ, псалтиряхъ, сборникахъ и ранѣе, и позднѣе XIV вѣка. Такъ, напримѣръ въ сборникѣ молитвеннаго содержанія, конца XV вѣка (библ. Моск. Дух. Акад. № 515, л. 511), встрѣчаемъ краткую лѣтопись безъ поясненій, съ характеромъ, свойственнымъ календарной замѣткѣ: „Лѣта 7017 преставися внукъ князь Димитрій. Лѣта 7038 гости приходили изъ Ногаи с'товаромъ и с'конъми и пригону было 8.000. Лѣто 7042. Приходили гости Ногаи, коней 5.000. Преставися благовѣрный инокъ Варлаамъ. Шемячичеву княгиню съ 2 дщерьми постригли неволею въ Каргеполе“.

щенію факта. Запись оживляется подробностью, которая уже не могла умѣститься въ клѣткѣ пасхальной таблицы [4]). „Подробности эти“ сохраняютъ намъ драгоцѣнныя черты быта, „бросаютъ свѣтъ на промыслы, образъ жизни, обычаи нашихъ предковъ, даютъ намъ представленія объ одеждѣ, вооруженіи монетахъ“,—такъ говоритъ академикъ Срезневскій въ своихъ чтеніяхъ о первопачальныхъ лѣтописяхъ X вѣка, дошедшихъ до насъ въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. То-же можно сказать о лѣтописяхъ послѣдующихъ временъ, и здѣсь было-бы неумѣстно подробно указывать на археологическіе, бытовые, юридическіе выводы о древней Руси, сдѣланные многими учеными на основаніи этихъ мелкихъ, случайныхъ подробностей въ лѣтописяхъ.

Краткія свѣдѣнія о событіяхъ оживляются съ самыхъ раннихъ поръ разговорною рѣчью [5]). До сихъ поръ на сѣверѣ Россіи, гдѣ крѣпко хранится старина, замѣтна любовь къ вносимъ рѣчамъ. Слушая ново-или архангело-городскую рѣчь, по неволѣ замѣчаешь это безпрестанное: „онъ ска, она ска“. Сходно съ этимъ и реченіе: „молъ“.

Лѣтописи Новгородскія и Псковскія отличаются, какъ извѣстно, простотой и безыскуственностью. Онѣ свѣжи, народны, первообразны, кратки и правдивы въ непосредственной

[4]) —„Козари имаху на Полянѣхъ—но бѣлѣ и выверицѣ отъ дыма.—Иоча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ и имаше на нихъ дань по черни кунѣ“.

[5]) Уже въ извѣстіи о походѣ Олега на Сѣверянъ встрѣчается разговорная форма, и она-жъ еще полнѣе обрисовываетъ его отношеніе къ Радимичамъ: „Кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“ и т. д.

передачѣ впечатлѣній. Поэтому онѣ и остаются на долго образцомъ первоначальной литературной формы повѣствованія. Въ нихъ нѣтъ стремленія остановиться на быломъ, давно прошедшемъ, что уже составляетъ высшую степень историческаго творчества. Замѣчательно, что Новгородо-Псковское лѣтописаніе, до XVII вѣка включительно, сохранило свой древній характеръ немногословнаго, скупаго на подробности изложенія, при языкѣ сжатомъ и выразительномъ. Разговорная форма составляетъ особенность этихъ лѣтописей. Одинъ изъ древнѣйшихъ разсказовъ служитъ тому доказательствомъ: „а вы илотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити“. Разговорная рѣчь часто нарушаетъ теченіе разсказа, едва начавшагося. Новогородцы, разсказываетъ лѣтописатель, задумавъ изгнать Всеволода, „въсадиша его въ епископль дворъ съ женою и съ дѣтьми... а се вины его творяху: 1, не блюдеть смердъ. 2“—но тутъ форма разсказа нарушается безъ всякихъ оговорокъ личнымъ обращеніемъ къ князю: „чему хотѣлъ его сѣсти Переяславли. 3, ѣхалъ еси съ пълку передн всѣхъ“... [6]). Сжатый разсказъ, оживленный вносною рѣчью, свидѣтельствуетъ о свѣжести событія въ то время, когда оно описано.

Разговорная форма и молитвенные возгласы и восклицанія—вотъ тѣ стихіи. которыми оживилась погодная запись.

Отъ записи или сжатаго разсказа, писаннаго подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событія, слѣдуетъ отличать разсказъ, составленный по прошествіи нѣкотораго времени, когда лѣтописатель оглядывается назадъ и группируетъ событія извѣстнаго года. Тутъ требуется умѣнье представить

[6]) П. С. Р. Л. т. III стр. 1 и 7.

нить событій и объединить ихъ по возможности. Оглядываясь назадъ, лѣтъ за десять или болѣе, при сведеніи въ одно различныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ одного года, лѣтописатель прибавляетъ къ сему матеріалу свои собственныя воспоминанія и даетъ нѣчто цѣльное, окопченное. Въ сжатыхъ, немногословныхъ разсказахъ Новгородскихъ лѣтописей замѣтно умѣнье точно очерчивать событія многихъ мѣсяцевъ, а иногда и годовъ. Такъ, напримѣръ, подъ 6675 годомъ (Новгор. 1-я) встрѣчаемъ нѣсколько разнородныхъ извѣстій. Изъ нихъ одни кратки, и по всей вѣроятности, переписаны изъ погодныхъ, какъ-бы календарныхъ, помѣтокъ. Мы ихъ находимъ въ началѣ и въ концѣ статьи, помѣченной годовою цифрою. Въ началѣ мы читаемъ: „сѣде Мстиславъ Изяславиць Кыевѣ на столѣ. На ту же весну заложи Съдко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславиць, при архіепископѣ Иліи“. Въ концѣ: на ту же зиму ходи Мстиславъ на Половцы... Преставися раба Божія Анна игуменія святыя Варвары и поставиша на мѣсто ея Маремьяму“. Но средина посвящена разсказу объ усобицѣ Новогорода съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ. Разсказъ этотъ обнимаетъ событіе отъ начала до конца. Усобица началась лѣтомъ и отъ Семенова дня (1-го сентября) до Пасхи Новгородцы сидѣли безъ князя. Очевидно, разсказъ лѣтописи писанъ не прежде Пасхи, то-есть, онъ писанъ по вокняженіи Романа Мстиславича, который сѣлъ на столѣ 14-го апрѣля во вторую недѣлю по Пасхѣ, слѣдовательно, по наступленіи новаго мартовскаго года,—и лѣтописатель отложилъ говорить объ этомъ до новой рубрики: до 6676 года. Вникая въ группировку событій, описанныхъ подъ 6675 годомъ, мы

видимъ, что лѣтописатель имѣлъ въ виду ихъ послѣдовательность по времени. Въ началѣ мартовскаго года, вскорѣ послѣ смерти дяди своего Ростислава, умершаго 21-го марта, вокняжился Мстиславъ Изяславичъ (правнукъ Мономаха) въ Кіевѣ. Весною была совершена закладка церкви Бориса и Глѣба въ Новгородѣ. Лѣтомъ Новгородцы извѣстились о пріѣздѣ митрополита Константина въ Кіевъ, и тутъ-же вскорѣ князь Святославъ отправился въ Луки, съ чего и началась усобица, продолжавшаяся до Семенова дня. Зимою, къ концу года, Кіевскій князь, какъ слышалъ Новогородецъ, одержалъ побѣду надъ Половцами, а въ Новгородѣ отмѣчена была перемѣна игуменьи въ монастырѣ св. Варвары.

Группировка событій по годамъ и есть собственно трудъ и заслуга составителя лѣтописи. Такимъ образомъ, лѣтописи состоятъ: a) изъ помѣтокъ о только-что случившемся происшествіи и b) изъ разсказовъ по воспоминанію лица нищущаго, которое иногда пользовалось и немногословными помѣтками пасхальныхъ таблицъ.—Разсказы преобладаютъ надъ помѣтками, ими полны лѣтописи,—и вездѣ видно, что они ведутся спустя долгое время послѣ того года, о которомъ идетъ рѣчь. За это говорятъ многіе признаки. Такъ, напримѣръ, при извѣстіяхъ о смерти князей или духовныхъ лицъ по большей части не означено числа и мѣсяца. О событіяхъ, совершившихся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже годовъ, разсказывается такъ точно и опредѣленно, какъ это возможно по прошествіи нѣкотораго времени, когда изчезнутъ слѣды горячаго перваго впечатлѣнія. Наконецъ части разсказа связываются между собою частицею тогда (тъгда-же родися у князя сынъ у Ярослава).

Но во всякомъ случаѣ краткіе погодные разсказы на-

шихъ лѣтописей писаны не потомками современниковъ, а самими современниками событій, хотя и не по слѣдамъ первыхъ живыхъ впечатлѣній, а по воспоминанію. Не современное событію лицо не могло-бы знать подробности, не освѣщенныя никакою поэзіей, и слѣдовательно не прочныя для преданія, какъ напримѣръ: „и иде въ городъ воевода поимя съ собою попа, Ивана Легена (Новг. 1, П. С. Р. Л. т. III, стр. 21). Иногда нельзя не видѣть въ этихъ погодныхъ разсказахъ и личныхъ впечатлѣній автора.

Лѣтописные разсказы, въ которыхъ группируются факты и характеризуются современныя автору, но уже давно минувшія событія, составляютъ, послѣ записи, вторую степень повѣствовательнаго искусства. Погодные разсказы оживляются: а) вносными рѣчами дѣйствующихъ лицъ и b) религіознымъ воодушевленіемъ, когда событіе наводитъ лѣтописателя на разсужденіе о неправдѣ людской, когда онъ, ища оправданія въ Богѣ, умиляется, вздыхаетъ, кается въ грѣхахъ своихъ, поучаетъ, обличаетъ и грозитъ Божіимъ судомъ.

Въ бѣгломъ описаніи событій цѣлаго года мы замѣчаемъ большее или меньшее умѣнье очертить ихъ, и отъ этого бѣглаго описанія съ высоты птичьяго полета, съ высоты хроникера-наблюдателя, отличаемъ сказаніе, которымъ воскрешается одно какое-нибудь событіе, и на немъ повѣствователь сосредоточивается, черпая свои свѣдѣнія изъ самаго перваго источника: онъ или самъ видѣлъ „очима своима“, или слышалъ отъ очевидцевъ.

Сказанія, записанныя очевидцами и лицами, испытавшими непосредственное впечатлѣніе событія, составляютъ существенную и наиболѣе творческую часть нашихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Только съ появленіемъ отдѣльныхъ сказаній, цѣльныхъ и сосредоточенныхъ, образовалась и литература повѣстей. Сперва сказанія, а потомъ повѣсти составляютъ высшую степень творчества. Только что сдѣланное нами опредѣленіе записи и разсказа показываетъ относительную высоту сказанія и повѣсти.

Сказаніе отличается отъ повѣсти прежде всего правдивостью, близостью автора къ событію и отсутствіемъ того вдохновенія, которое необходимо для повѣсти. Для появленія цѣлаго сказанія объ отдѣльномъ событіи необходимо, чтобъ авторъ былъ сильно заинтересованъ этимъ событіемъ, остановился-бы на немъ, сосредоточился. И вотъ онъ обыкновенно вводитъ читателя въ такой особый разсказъ словами: „скажемъ вкратцѣ, скажемъ мало... се же хощю сказати яже слышахъ“.

Монахъ-историкъ пользовался подобными отдѣльными сказаніями, приводилъ ихъ въ порядокъ, по годамъ; вставлялъ тамъ и сямъ свое наставленіе, свой молитвенный возгласъ, присоединялъ свою монастырскую лѣтопись, и такимъ образомъ создавался цѣлый лѣтописный сводъ, цѣлый лѣтописецъ. Отдѣльныя сказанія появились ранѣе сводовъ лѣтописныхъ и входили въ послѣдніе или цѣликомъ, или въ сокращеніи и передѣлкѣ. Самая-же эпоха, въ которую стали чаще и чаще писаться отдѣльныя сказанія, и была эпохою появленія лѣтописныхъ сводовъ. Лѣтописатель перестаетъ довольствоваться лишь современнымъ: онъ хочетъ творить, возсоздавать былое, разсказывать о томъ, что не записано, подтверждать или отрицать преданія городскія, сельскія приноравливать къ своему своду готовыя сказанія и тутъ-же вставлять готовыя поученія; во всемъ этомъ имъ двигаетъ желаніе по-

вѣдати о старинѣ забытой: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ“. Повѣствователь былаго становится историкомъ въ строгомъ значеніи слова, хочетъ сдѣлать извѣстнымъ забытое (повѣдати), отодвинутое въ даль событіе, и излагая современныя произшествія, имѣетъ въ виду потомство. Творчество и вдохновеніе необходимы для повѣсти или повѣданія. Названія эти первоначально относятся къ разсказу о завѣтномъ быломъ, о чемъ звучала пѣсня и твердило народное преданіе.

На основаніи вышеизложеннаго опредѣленія повѣстей и сказаній мы усвоимъ произведеніямъ близкимъ по времени къ описываемымъ въ нихъ событіямъ названіе сказаній; названіемъ-же повѣстей обозначимъ произведенія, писанныя съ цѣлью воскресить или прославить давно минувшее событіе, хотя-бы подобныя произведенія случайно названы были сказаніями, а не повѣстями.

Въ одинадцатомъ столѣтіи мы встрѣчаемъ на Руси уже достаточное развитіе письменности. Вѣкъ Ярослава, „насадившаго вспаханное отцемъ поле книжными словесы“ вѣкъ Всеволода, владѣвшаго, по свидѣтельству сына его, пятью иностранными языками, вѣкъ Янки Всеволодовны, начитанной устроительницы женской обители въ Кіевѣ, путешествовавшей въ Царьградъ,—вѣкъ молодости и мужества Мономаха; вѣкъ краснорѣчиваго митрополита Иларіона, учительнаго Ѳеодосія, пламеннаго Іакова Мниха и возвышеннаго въ своихъ литературныхъ пріемахъ Нестора имѣлъ тѣ данныя, при которыхъ повѣствовательная литература развилась и окрѣпла. Живнему на рубежѣ двухъ столѣтій, XI-го и XII-го, составителю „По-

вѣсти временныхъ лѣтъ“ пришлось воспользоваться многими готовыми письменными сказаніями.

Изъ этихъ сказаній по безъискуственности и непосредственной правдивости первое мѣсто принадлежитъ *Сказанію объ обрѣтеніи мощей преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго.*

Отличающееся простотою изложенія, сказаніе это начинается съ самаго дѣла, безъ всякихъ вступительныхъ рѣчей: „игуменъ и черноризци совѣтъ творше рѣша: не добро есть лежати отцю нашему Ѳеодосьеви кромѣ монастыря и церкве своея“. Самъ авторъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ семъ важномъ для монастыря дѣйствіи. За три дня до праздника Успенья игуменъ повелѣлъ рушити то мѣсто, гдѣ лежало тѣло Ѳеодосія. Повелѣніе игумена было обращено къ автору сказанія, какъ это онъ самъ и объясняетъ: „еже скажю не слухомъ бо слышавъ но самъ о семъ начальникъ“. Такія слова подтверждаются самымъ содержаніемъ этого замѣчательнаго по простодушію и искренности памятника нашей монашеской литературы, не всегда простой и безъискуственной.

Мы слышимъ какими словами игуменъ пригласилъ автора пойдти съ собою въ пещеру, видимъ какъ они оба спустились туда и стали распознавать мѣсто, гдѣ копать.— Игуменъ запрещаетъ нашему автору говорить о предпринятомъ ими дѣлѣ и повелѣваетъ ему взять съ собою только одного помощника. Таинственность придаетъ событію новую окраску—и вотъ въ молчаніи смиренный повѣствователь нашъ въ тотъ-же день приготовляетъ себѣ рогаліе, чѣмъ копать [7]).

---

[7]) Въ Лавр. спискѣ сказано: азъ же пристроихъ семь

Отпѣвъ псалмы, не вѣдущу никомуже, спускается онъ въ сумерки съ своимъ помощникомъ въ пещеру и начинаетъ рыть землю. Утрудился, далъ другому брату рогаліе и потомъ опять копалъ до полуночи и всё еще не могъ докопаться. И началъ я тужить—повѣствуетъ копатель—уже не въ сторону-ли мы копаемъ. Однакоже онъ вновь взялся за работу и сталъ сильно копать, а другой братъ пошелъ отдохнуть на воздухѣ, передъ пещерою. „И въ то время, какъ братъ мнѣ сказалъ: ударили въ било, я прокопалъ до самыхъ мощей и въ то самое время, когда братъ сказалъ мнѣ: ударили въ било, я говорилъ ему: прокопахъ уже. Егда-же прокопахъ обдержашеть мя ужасть и начахъ звати: Господи помилуй“! Наступила желанная минута открытія мощей. И не смотря на величіе этой минуты рѣчь автора обходится безъ прикрасъ и восторженныхъ восклицаній. Но минута эта сопровождалась чудесами, о которыхъ авторъ узналъ въ послѣдствіи. Два монаха, угадавшіе тайну открытія мощей, видѣли огненные столбы надъ пещерою. Стефанъ епископъ, пребывавшій временно въ своемъ монастырѣ, неподалеку отъ Печерской обители (на Кловѣ), увидалъ зарю велику надъ пещерою. Онъ зналъ о замыслѣ игумена и подумалъ съ сожалѣніемъ, что безъ него перенесятъ тѣло Ѳеодосія. Онъ сѣлъ на коня и поспѣшно пріѣхалъ къ пещерѣ, въ сопровожденіи игумена Климента.

дни рогаліе въ Инат.: семь дни т. е. о семь дни, въ тотъ же день. За три дня до Успенья, 11-го августа, игуменъ изрекъ свое повелѣніе, мощи открыты въ ночь съ 12-го на 13 августа, а 14-го торжественно перенесены. Изготовленіемъ же застуна монахъ занялся 12-го же, и къ вечеру у него все было готово. Нѣкоторые ученые неправильно читаютъ: пристроихъ 7 дній рогаліе (о составѣ Рус. лѣт. Бестужева-Рюмина стр. 12-я).

Разсказавъ съ евангельскою простотою объ этихъ чудныхъ видѣніяхъ, нашъ вѣрующій авторъ тѣмъ придастъ важность событію, въ которомъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.—Когда Стефанъ и игуменъ Климентъ пришли въ пещеру, труженики мирно сидѣли у мощей въ ожиданіи своего игумена, которому послали сказать: „приди да вынемъ его“. Спокойный тонъ разсказа не нарушенъ и тогда, когда глазамъ автора предстало не распавшееся по суставамъ тѣло святаго отца и примятые его волосы. Тѣло возложили на мантію, вынесли и положили передъ пещерою. На другой день—заключаетъ повѣствователь—„собрашася епископи Ефремъ Переяславскій, Стефанъ Володимерьскый, Іоаннъ Черниговьскый, игумени отъ всѣхъ монастыревъ съ черноризци и придоша и людье благовѣрніи и взяша мощи Ѳеодосьевы съ темьяномъ и съ свѣщами и принесше положиша въ церкви своей ему, в'притворѣ, на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, въ день четвертъкъ, въ 1 часъ дне индикта 14 лѣта. Праздноваша свѣтло въ тъ день“.

Но сказаніе тутъ не оканчивается. Ѳеодосій былъ положенъ въ церкви 14 августа, а 16-го въ той-же церкви, противъ гроба Ѳеодосьева погребли знатную благочестивую жену Марію, супругу тысяцкаго Яна Вышатича. Ѳеодосій при жизни, по словамъ нашего повѣствователя, любилъ этихъ благочестивыхъ супруговъ и посѣщалъ ихъ домъ. Не только о черноризцахъ, но и о душахъ мірянъ пекся Ѳеодосій, утѣшалъ, поучалъ приходящихъ къ нему, а другой разъ и самъ хаживалъ въ домы ихъ, подавая благословеніе. Обрисовавъ такимъ обра-

зомъ отношенія Ѳеодосія къ мірянамъ, повѣствователь разсказываетъ, какъ святой отецъ предсказалъ женѣ Яневой, что по смерти её положатъ тамъ, гдѣ ляжетъ и онъ самъ. И вотъ на осьмнадцатый годъ сбылось пророченье Ѳеодосія—и только перенесли тѣло Ѳеодосія въ церковь, какъ тамъ-же погребли и жену Яневу.

„Се же новѣмъ мало нѣчто, еже ся сбысть пророченье блаженнаго отца нашего Ѳеодосія“—говоритъ авторъ, приступая къ разсказу о женѣ Яневой. Се же сбысться пророченье блаженнаго отца нашего Ѳеодосія, добраго пастуха и т. д.“ говоритъ онъ въ заключеніе и тутъ-же переходитъ къ восхваленію своего учителя: „Азъ же грѣшный рабъ твой и ученикъ недоумѣю чимъ похвалити добраго твоего житья и воздержанія. Но се реку мало нѣчто: радуйся отче нашъ и наставниче и т. д.“.

Похвала эта не предназначалась для церковнаго употребленія. Сравнительно съ похвалою, сопровождающею въ Патерикѣ житіе Ѳеодосія, она весьма не многословна и кратка. Нашему повѣствователю трудно творить искусный канонъ: онъ только хочетъ сказать мало нѣчто (любимое его выраженіе) и молитъ честнаго отца соблюсти его своими молитвами. Многорѣчивая похвала въ Патерикѣ прославляетъ главнымъ образомъ Ѳеодосія по отношенію къ его лаврѣ (sic) и какъ насадителя монашескихъ отраслей; теплое мало нѣчто хвалитъ Ѳеодосія за чисто иноческій подвигъ и за побѣду, одержанную имъ надъ міромъ и діаволомъ.

Сказаніе это въ печатномъ Патерикѣ приписывается пр. Нестору. Нѣтъ никакого повода приписывать Нестору разсказъ, писанный ученикомъ Ѳеодосія, а не постриженъ-

никомъ Стефана, какимъ былъ Несторъ, по собственному его свидѣтельству въ житіи Ѳеодосія. Несторъ не зналъ нашего сказанія и не пользовался имъ. Самое пророчество святаго по поводу жены Яневой не нашло мѣста въ житіи Несторовскомъ. Да и кромѣ того авторъ житія Ѳеодосіева былъ писателемъ нѣсколько другаго склада, чѣмъ нашъ простодушный разскащикъ.

Но за то сказаніе объ обрѣтеніи мощей Ѳеодосія имѣетъ много общаго съ другими двумя Печерскими сказаніями, а именно съ сказаніемъ: *„чего ради прозвася Печерьскый монастырь и съ Сказаніемъ объ успеніи Ѳеодосія“* [8]).

Оба сказанія эти, стоящія между собою въ непосредственной связи, какъ двѣ части одного и того-же повѣствованія, писаны монахомъ, пришедшимъ къ Ѳеодосію въ молодыхъ годахъ: „къ нему же и азъ пріидохъ... и пріятъ мя, лѣтъ ми сущу 17-ти“. Въ первомъ изъ этихъ сказаній все личное горячее сочувствіе автора обращено къ Ѳеодосію, то-же видимъ и во второмъ, то-же и въ третьемъ, разсмотрѣнномъ нами. „Се же написахъ и положихъ в'кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зоветься Печерскый. А о Ѳеодосьевѣ житьи паки скажемъ“. Такими словами авторъ округля-

[8]) Первое изъ этихъ сказаній пріурочено въ „Повѣсти вр. лѣтъ“ къ году поставленія Ярославомъ Иларіона митрополитомъ Руси (6559), второе къ году смерти Ѳеодосія (6582).—Строгій изслѣдователь состава Русскихъ лѣтописей и весьма осторожный въ своихъ предположеніяхъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ не чуждъ мнѣнія, что лицо, написавшее сказаніе объ обрѣтеніи мощей, могло быть авторомъ и другихъ сказаній. (О составѣ Рус. лѣтописей стр. 12).

есть первое сказаніе, обѣщая продолжить начатое о Ѳеодосіи. Въ сказаніи объ успеньи Ѳеодосія онъ тѣмъ-же складомъ теплымъ и не напыщеннымъ исполняетъ свое обѣщаніе и повѣствуетъ объ образѣ жизни святаго отца.

Какъ сказаніе объ обрѣтеніи мощей слито съ разсказомъ о погребеніи Яневой жены, такъ и повѣствованіе объ успеніи Ѳеодосія и его образѣ жизни и кончинѣ влечетъ автора повѣдать о подвигахъ Ѳеодосіевой братіи. Благочестіе, оставленное Ѳеодосіемъ своимъ преемникамъ въ наслѣдіе, есть лучшее слѣдствіе подвиговъ и наставленій Ѳеодосія.

Описавъ общими чертами христіанскіе подвиги братіи Печерской обители, авторъ восклицаетъ: „таци бо бѣша любовници и въздержьници и постници, отъ нихъже намѣнію нѣколико мужь чюдныхъ“. Такими словами связывается съ повѣствованіемъ объ успеніи Ѳеодосія новая часть сказанія: о презвитерѣ Даміанѣ—цѣлебникѣ, о прозорливомъ Матвѣѣ и наконецъ объ Исаакіи, борцѣ съ нечистыми духами. „Таци ти быша черноризци Ѳеодосьева монастыря“—говоритъ въ заключеніе авторъ и новымъ прославленіемъ этихъ святыхъ монаховъ и Ѳеодосія оканчиваетъ свою на этотъ разъ длинную, но всё таки безъискуственно и просто сложенную повѣсть.

Авторъ не засталъ въ живыхъ Антонія, и потому все, касающееся этого преподобнаго, чуждо живыхъ красокъ и носитъ характеръ глухаго, переданнаго съ чужихъ словъ свѣдѣнія. То, что случилось при Стефанѣ, преемникѣ Ѳеодосія, и Никонѣ, поступившемъ на игуменство въ слѣдъ за Стефаномъ, живо памятно нашему повѣствователю. Такъ у него являются подробности при описаніи юродства Исаакія, при игуменѣ Стефанѣ переселившагося изъ затвора въ монастырь; такъ онъ

1081

помнитъ имя повара, насмѣявшагося надъ юродствовавшимъ монахомъ и прибавляетъ, что иному „и самъ я былъ самовидецъ“.

По духу, по языку и по содержанію всѣ три сказанія написаны однимъ и тѣмъ-же лицомъ, съ 17 лѣтняго возраста, поселившимся въ обители Печерской. Авторъ, писавшій эти сказанія уже въ совершенно зрѣлыхъ годахъ, обнаруживаетъ въ себѣ человѣка, воспитавшагося въ монастырѣ. Это дѣйствительно чадо Ѳеодосія, принесшее въ даръ духовному отцу и обители горячія чувства любви и безъусловной преданности. Вникая въ сказанія, писанныя Печерскимъ авторомъ, мы видимъ именно тотъ идеалъ лѣтописателя, который иногда мелькаетъ въ лѣтописяхъ нашихъ и который представлялся Пушкину въ его Пименѣ. Не мудрствуя лукаво, описываетъ нашъ авторъ видѣнное и слышанное имъ и преимущественно „угодниковъ святыя чудеса“. Его кругозоръ исключительно—монастырскій и едва-ли онъ могъ описывать „управу государей“.—Онъ владѣетъ хорошо церковнославянскимъ языкомъ и народныхъ, не книжныхъ выраженій у него весьма мало. Оно и понятно: съ 17 лѣтняго возраста онъ ежедневно, а часто и еженощно, упражнялся въ слушаніи и чтеніи св. писанія и молитвъ. Тепло вѣрующій и непосредственно воспринимавшій впечатлѣнія, онъ былъ чуждъ всякой надуманности и писалъ безъ всякихъ риторскихъ украшеній, не изыскивая сравненій, не усиливая своихъ мыслей текстами св. писанія. У него нѣтъ и большаго запаса книжной мудрости, почему и самый разсказъ его дышетъ простодушною искренностью. У него нѣтъ ничего обличительнаго: онъ только стоитъ за свой монастырь и умѣетъ поставить его выше другихъ, иноческихъ обителей. Въ разсказѣ о кончинѣ Ѳеодосія у него проглядываетъ сочувствіе

къ той партіи, которая хотѣла имѣть преемникомъ Ѳеодосія Іакова, пришедшаго съ Льтьца (Альты), а не Стефана. Но и тутъ онъ вѣренъ себѣ и не осуждаетъ сторонниковъ этого послѣдняго.

Правдивость и прямое отношеніе къ дѣйствительности сдѣлали слѣдующее мѣсто его сказанія классическимъ въ нашей древней литературѣ: мнози бо монастыри отъ цесарь и отъ бояръ и отъ богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ: Антоній бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемъ..... [9]).

---

[9]) Сказаніе чесо ради прозвася Печерскій монастырь.

О житіи Антонія свидѣтельствуетъ въ XIII столѣтіи Симонъ еписк. Суздальскій, въ посланіи къ Поликарпу: и се слышахъ от того Вавила, исцѣленнаго имъ (св. Аѳанасіемъ); аще ли кому невѣрно мнится се написанное да почтетъ житіе св. отца нашего Антонія. Онъ же въ Сказаніи о созданіи церкви Печерской: Въ житіи св. Антонія сего пространнѣе обрящеши (объ огнѣ спадшемъ съ неба). Поликарпъ въ посланіи къ Акиндину: се же вписано есть в'житіи св. отца нашего Антонія, еже о Моусѣи (Угринѣ). Есть другія указанія на житіе Антонія у Симона и Поликарпа. См. подробнѣе у Казанскаго: Критич. разборъ свидѣтельствъ Патерика о лѣтописи Нестора. Временникъ, 1849, кн. 1.

Съ убѣжденіемъ присоединяемся къ мнѣнію П. С. Казанскаго о томъ что житіе Антонія не имѣло особаго значенія и въ свое время. Житія Антонія въ XI вѣкѣ, по нашему мнѣнію, не было. Монастырь былъ Ѳеодосіевъ, а не Антоніевъ. Антоній оставался въ таинственномъ, глухомъ отдаленіи. Это—дословическая личность въ исторіи монастыря. Не было письменныхъ свѣдѣній ни о времени его кончины, не знали и мѣста его погребенія.

Благодаря простотѣ и правдѣ, сказаніе объ основаніи обители Печерской осталось до позднѣйшаго времени въ нашей рукописной литературѣ, тогда какъ житіе Антонія не сохранилось. Даже въ Макарьевской Минеи мы тщетно искали слѣдовъ житія Антоньева. Подъ 10 числомъ іюля, когда празднуется память Антонія, мы находимъ въ упомянутой Минеи, собравшей со всѣхъ угловъ Россіи всё, что было написано о святыхъ мужахъ Русскихъ, только—„сказаніе чего ради прозвася Печерскій монастырь“, гдѣ сохранились единственныя свѣдѣнія объ Антоніи. Подъ 7 же числомъ мая мы читаемъ слово о Антоніи черноризци, бывшемъ въ Руси начальнику Печерскаго монастыря, въ коемъ видимъ позднѣйшую передѣлку того-же сказанія съ опущеніемъ всѣхъ подробностей. Сказаніе это безъ передѣлки и дополненій вошло въ Патерикъ Печерскій.

„Сказаніе о Ѳеодосіи, его образѣ жизни и успеніи“ совсѣмъ не вошло въ Патерикъ; по простотѣ своего изложенія, по сравнительной краткости и безъискусственности—оно уступило мѣсто житію этого святаго, искусно написанному Несторомъ. Только часть сказанія, гдѣ говорится о черпецахъ временъ Ѳеодосія вошла въ Патерикъ, но съ передѣлкой начала и пропускомъ одного замѣчательнаго по простодушію, мѣста [10]).

„Сказаніе объ обрѣтеніи мощей“ также не вошло въ Патерикъ древней редакціи. Всѣ три сказанія встрѣчаются въ

---

[10]) Мѣсто это слѣдующее: „Единою ему (Матвѣю) стоящу на утрени, возведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона и видѣ осла стоища на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ есть игуменъ“.

первомъ лѣтописномъ сводѣ: „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и отдѣлены одно отъ другаго хронологическими извѣстіями о другихъ событіяхъ.

Теперь остается разрѣшить вопросъ: были-ли эти три сказанія вызваны къ жизни погоднымъ записываніемъ событій, или-же онѣ были написаны отдѣльно и потомъ внесены въ лѣтописный сводъ?

Вопросъ этотъ отчасти рѣшенъ г. Бестужевымъ-Рюминымъ: сказанія имѣютъ отдѣльное отъ лѣтописи происхожденіе въ особенности же первое и третье [11]). Сказаніе же „объ успенія Ѳеодосія“ на первый разъ кажется какъ-бы зависящимъ отъ внесеннаго подъ 6582 (1074) г. извѣстія о смерти Ѳеодосія. Но отсутствіе всякихъ другихъ замѣтокъ подъ этою годовою цифрою и внесеніе хронологическихъ данныхъ въ середину сказанія [12])—все это говоритъ за независимость сказанія отъ погодныхъ записываній. Но за то сказаніе это непосредственно связано съ „сказаніемъ о началѣ Печерскаго монастыря“ и есть его прямое продолженіе [13]).

---

[11]) О сост. Русскихъ лѣтописей, стр. 10—13.

[12]) — и наставшу дню осмому, въ 2 суботу по Пасцѣ въ часъ 2 дне предасть душю въ руцѣ Божии, мѣсяца мая въ 3 день, индикта.....

[13]) Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зоветься Печерскій. А о Ѳеодосьевѣ житіи паки скажемъ; скажемъ же о успеньи его мало. Ѳеодосій бо обычай имяше и т. д. вотъ какъ живо и естественно сливаются эти сказанія въ одно. Частица паки при часто употребляющемся въ церкви выраженіи: паки Господу помолимся, является прямою связью непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ предложеній.

На вопросъ-же о томъ, писалъ-ли авторъ нашъ лѣтопись? мы отвѣтимъ слѣдующимъ предположеніемъ: если въ монастырскихъ книгахъ, среди молитвъ и поминальныхъ записокъ попадаются, краткія извѣстія въ родѣ замѣтокъ, иногда встрѣчающихся на бѣлыхъ листахъ недавнихъ календарей,—то отчего-же и у нашего автора среди его сказаній не могло быть нѣкоторыхъ отрывочныхъ погодныхъ записокъ, благодаря которымъ, быть можетъ и сказанія его попались въ лѣтописный сводъ и пріурочились къ лѣтописи? Но во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ въ виду вести погодную лѣтопись даже и монастырскихъ событій; тогда около его сказаній гнѣздились-бы хронологическія данныя о смерти по крайней мѣрѣ игуменовъ Печерскихъ, начиная отъ Никона.

Самовидецъ обрѣтенія Ѳеодосіевыхъ мощей могъ записать нѣсколько свѣдѣній о физическихъ явленіяхъ, бывшихъ вскорѣ послѣ обрѣтенія, какъ напримѣръ „Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета—спаде превеликъ змѣй отъ небесе. Или: земля стукну яко мнози слышаша“. Онъ могъ и ранѣе повѣсти объ обрѣтеніи записать свѣдѣніе объ освященіи церкви Печерской митрополитомъ Іоанномъ, подъ 1089 годомъ.—Равнымъ образомъ извѣстіе 1075 г. просится подъ перо нашего самовидца: лѣта 6583 почата бысть церкы Печерская..... Изъ основанья Ѳеодосій почалъ, а основаньи Стеѳанъ поча; и кончана бысть на третье лѣто мѣсяца Іуля 11 день.

Во всякомъ случаѣ „сказаніе объ основаніи Печерской обители“ было началомъ историческаго творчества въ этомъ монастырѣ. Собраніе во едино монастырскихъ преданій „въ сказаніи объ успеніи Ѳеодосія“ говоритъ за думы о быломъ,

за потребность оставить дорогое былое въ наслѣдіе будущимъ поколѣніямъ. Открытіе самимъ авторомъ мощей любимаго учителя вдохновило это повѣствовательное творчество, и всѣ три сказанія связываются въ одно этимъ самымъ Ѳеодосіемъ.

Среди составныхъ частей „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ попадается *сказаніе о волхвахъ*, пріуроченное составителемъ къ 1071 году. Въ немъ повѣствуется, по поводу появленія въ Кіевѣ прорицателя, о другихъ волхвахъ, появлявшихся въ недавнее время на сѣверѣ въ Бѣлозерской странѣ, въ Чудской землѣ и Новѣгородѣ. Сказаніе это было самостоятельно и первоначально не принадлежало лѣтописи. Оно не начиналось словами: въ лѣто такое то... а неопредѣленно, безъ отношенія къ извѣстному году, въ началѣ его стояло выраженіе: въ сн бо времена въ сн бо лѣта. Изъ всѣхъ трехъ разсказовъ о волхвахъ самый подробный—о Янѣ Вышатичѣ, Кіевскомъ тысяцкомъ, собиравшемъ дань на Бѣлѣ-озерѣ и Шекснѣ, гдѣ и пришлось ему обличить двухъ зловредныхъ волхвовъ. Разсказъ этотъ напоминаетъ пріемы автора сказанія о Ѳеодосіи и о первыхъ подвижникахъ Печерскихъ. Какъ тамъ повторяются рѣчи бѣсовъ, смущавшихъ затворника, такъ и здѣсь приводятся грубыя языческія представленія о созданіи человѣка отъ Бога и сатаны съ точностью, свойственною простодушію [14]).

[14]) Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ“ онъ же рече: како? Она же рекоста: Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся отерся ветъхомь, и верже съ небесе на землю; и распрѣся сатана съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка и т. д. Въ сказаніи объ успеніи Ѳеодосія: и рече имъ старець: камо идете? и рече сѣдя на

Подробности пренія съ кудесниками могли имѣть источникомъ устный разсказъ самаго Яня... Самовидецъ Ѳеодосьева обрѣтенія, какъ мы видѣли, зналъ семейство Яня и вѣроятно, подобно учителю своему, посѣщалъ иногда домъ тысяцкаго. Съ обычною у автора выше разсмотрѣнныхъ Печерскихъ сказаній точностью переданы здѣсь подробности судьбы, постигшей волхвовъ [15]). Здѣсь также нѣтъ искуственности и высокопарности: волхвы обличаются фактами, какъ бѣсы въ разсказѣ объ искушеніи Исаакія. Самое разсужденіе о мечтаніи бѣсовскомъ, помѣщенное передъ послѣднимъ разсказомъ о волхвѣ, убитомъ княземъ Глѣбомъ въ Новѣгородѣ, не отличается многорѣчивостью и страстностью [16]). Свѣдѣнія о волхвахъ Ветхаго и Новаго Завѣта скудны и сбивчивы. Сперва поминается Симонъ волхвъ, потомъ Аннѣй и Маврій (ветхозавѣтные) потомъ Киносъ, искушавшій Іоанна Богослова на Патмосѣ. Словомъ всё говоритъ за то, что сказаніе о волхвахъ могло быть написано не мудрствовавшимъ и не сильно книжнымъ самовидцемъ Ѳеодосіевымъ.

Скромный, выросшій въ обители монахъ, писавшій около 1091 года (годъ обрѣтенія мощей Ѳеодосія) не оставилъ своего

свиньи бѣсъ „по Михаля, по Тольбековича“, и тому подоб.

[15]) Янъ же повелѣлъ бити я и поторгати брадѣ ею.... и повелѣ Янъ вложити рубль въ уста има и привязати я къ упругу.

[16]) Сице ти есть бѣсовская сила, и лѣнота, и немощь; тѣмже прельщають человѣкы, велящи имъ глаголати видѣнія.... паче же женами бѣсовьская волъшвенья бываютъ; искони, бо бѣсъ жену прельсти....

имени. Простая рѣчь его не произвела въ свое время впечатлѣнія на грамотниковъ. Несторъ, авторъ житія Ѳеодосіева, не зналъ, или не хотѣлъ знать, сказаній нашего автора. А между тѣмъ правдивыя, безъискуственныя сказанія имѣли въ древней литературѣ русской славную будущность. Въ началѣ XII столѣтія онѣ попались подъ руку составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ, и два изъ нихъ вошли въ составъ Патерика Печерскаго, да еще съ написаніемъ на нихъ имени Нестора. Громкое имя этого послѣдняго, весьма книжнаго и искуснаго творца повѣстей, отняло всякое воспоминаніе объ имени скромнаго автора сказаній, подобно тому, какъ въ послѣдствіи за этимъ-же громкимъ именемъ Нестора скрылись имена многихъ писателей и даже самаго составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Набѣгъ половцевъ, пришедшихъ первое на Русскую землю въ 1061 году, нагналъ страхъ на все Приднѣпровье. Писавшій по памяти о пережитыхъ имъ самимъ впечатлѣніяхъ лѣтописатель исчислялъ худыя предзнаменованія грядущихъ бѣдъ [17]). Черезъ семь лѣтъ, послѣ перваго набѣга, иноплеменницы, половци мнози опять нашли на Русскую землю. Съ половецкимъ нашествіемъ связываются три сказанія, вошедшія въ Повѣсть временныхъ лѣтъ. Первое изъ нихъ (подъ 1068 годомъ) передаетъ краткое извѣстіе о пришествіи иноплеменниковъ и о побѣдѣ, одержанной ими надъ тремя Ярославичами: Изяславомъ, Святославомъ, и Всеволодомъ. Извѣстіе это ведетъ къ разсказу о послѣдствіяхъ этой побѣды и о томъ, что случилось въ Кіевѣ, по возвращеніи

[17]) См. Костомарова монографіи и изслѣдованія. С.-Петербургъ, 1863 г. стр. 11; П. С. Р. Л. т. I, стр. 71.

туда Изяслава. Весь разсказъ этотъ, живо обрисовывающій бурную сцену вѣча и освобожденіе народомъ Всеслава Полоцкаго изъ заключенія, есть одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ разсказовъ въ нашей лѣтописной литературѣ. Авторъ его былъ современникомъ событія и лицомъ близкимъ къ очевидцу, если не очевидцемъ событія. Онъ знаетъ, когда Изяславъ посмотрѣлъ въ окно на шумѣвшую толпу, знаетъ, что князю сказалъ „Тукы Чюдинъ братъ“. Разсказъ этотъ слѣдитъ за движеніемъ Половцевъ на Черниговъ и заключается побѣдою, одержанною надъ ними Святославомъ Ярославичемъ.

Событіе внезапнаго набѣга Половцевъ даетъ лѣтописателю поводъ вставить въ разсказъ обширное поученіе, обличающее грѣхи, поганскіе нравы и обычаи соотчичей. Торжество Всеслава Полоцкаго—по мнѣнію лѣтописателя—есть оправданіе силы креста Господня. Всеславъ вѣровалъ въ крестъ честный, а Изяславъ преступилъ крестное цѣлованіе.—Разсказъ о событіи и разсужденіе о силѣ креста принадлежитъ едва-ли иноку, скорѣе-же духовному городскому лицу, не чуждому вѣча, да сверхъ того еще и близкому къ Всеславу Брячиславичу. Поученіе о поганскихъ обычаяхъ вставлено было въ послѣдствіи составителемъ лѣтописнаго свода, подъ впечатлѣніемъ общаго религіознаго характера первоначальнаго разсказа. Тотъ-же составитель могъ въ концѣ распространить разсужденіе о силѣ крестной, начиная со словъ: Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй и т. д.

Второе сказаніе о нахожденіи Половцевъ, являющееся какъ-бы продолженіемъ разсказа о вокняженіи Святополка—Михаила, передаетъ событія битвы подъ Кіевомъ, гибель юноши князя Ростислава, утонувшаго въ рѣкѣ Стугнѣ. Бѣды, нане-

сенныя Половцами, да еще въ праздничные дни, приводятъ повѣствователя къ горькимъ сѣтованіямъ о грѣхахъ людскихъ. Среди этихъ обличеній, не холодныхъ и не надуманныхъ, встрѣчаемъ мы живое изображеніе положенія русскихъ плѣнныхъ, мучимыхъ гладомъ и жаждою: печальни, мучимы, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лици, почернѣвше телесы; незнаемою страною нази ходяще и босы ноги имуще сбодены терньемъ; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“ а другіе: „азъ сея веси“ и т. д. (П. С. Р. Л. т. I, стр. 96).

Полный состраданія къ несчастливымъ согражданамъ, повѣствователь боится ропота на Бога со стороны читателя и, спѣша предупредить горькія сѣтованія на судьбу, обращаетъ разсказъ свой въ поученіе о покорности волѣ Божіей, о праведномъ гнѣвѣ Его и человѣколюбіи. „Се бо азъ грѣшный — оканчиваетъ онъ свое плачевное сказаніе и много и часто Бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни“. Ставя себя въ положеніе смиреннаго грѣшника, навлекшаго вмѣстѣ съ другими гнѣвъ Божій на родную землю, авторъ этимъ заключеніемъ какъ-то невольно заставляетъ вспомнить простодушнаго Ѳеодосіева самовидца. Но не смотря на такой конецъ, самое сказаніе его инаго склада и инаго характера. Тутъ мы видимъ не наивную передачу видѣннаго и слышаннаго, а живую образность, слышимъ огненное слово обличенія, вдохновенное изученіемъ израильскихъ пророковъ. Частые, риторскіе обороты говорятъ за ученость автора. „Гдѣ бо бѣ у насъ умиленіе? нынѣже вся полна слезъ. Гдѣ бо бѣ вздыханіе? нынѣ-же плачь по всѣмъ улицамъ упространися избьеныхъ ра-

ди, иже избиша безаконьнїи и т. п.“ Все это чуждо слога безъискуственнаго Ѳеодосьева самовидца. Сказаніе это, по проницательному замѣчанію ученаго, едва-ли написано въ Печерскомъ монастырѣ [18]).

Но въ стѣнахъ Кіево-Печерской обители написано было третье сказаніе о нашествіи Половцевъ.

Авторъ *сказанія о нашествіи Боняка* (подъ 1096 годомъ) отличается взглядомъ, отреченнымъ отъ мірскихъ событій. Раздраженный прямымъ столкновеніемъ съ Половцами и разграбленіемъ своего монастыря, онъ измѣняетъ спокойному тону. Живо затронутый погромомъ своей обители, монахъ предаетъ то, чему былъ очевидцемъ. И 20-го того-же мѣсяца приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хищникъ къ Кыеву внезапу... и придоша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутренѣ, и кликнуша около монастыря и поставиша стяга два предъ врата монастырьскими...“ Одни изъ насъ припрятались за домъ монастыря, другіе взбѣжали на самыя зданія; безбожные-же сыны Измаиловы вырубили монастырскія ворота и пошли по кельямъ. Высѣкали двери и выносили все, что находили въ кельѣ; потомъ зажгли домъ Святыя Владычицы нашея Богородицы; пришли къ церкви, зажгли двери, устроенныя на югъ и другія на сѣверъ. Влѣзли въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, брали иконы, зажигали двери и

---

[18]) Бестужевъ-Рюминъ: О составѣ Русск. Лѣтописей, стр. 27. Въ Печерскомъ монастырѣ осталась худая слава о Ростиславѣ Всеволодовичѣ, какъ это видно изъ житія Григорія чудотворца, котораго этотъ князь въ пылу досады велѣлъ бросить въ воду, за что и погибъ самъ, по житію, злою смертью въ водахъ Стугны.

укоряли Бога и законъ нашъ и говорили: гдѣ есть Богъ ихъ? „да поможетъ имъ и яша словеса хульная глаголаху“. Видимо Богъ не помогъ христіанамъ. Самъ разскащикъ въ молитвѣ къ Богу-отмстителю говоритъ, что поганые осквернили домъ Его и монастырь Матери Его и трупы рабовъ Его, ибо они убили—поясняетъ онъ читателю—нѣсколькихъ отъ братіи нашей. На эта-то покорность волѣ Божіей и сознаніе труднаго пути, по которому Богъ ведетъ рабовъ своихъ, дастъ возможность возвыситься надъ временными бѣдами. Этимъ-то исповѣданіемъ духовнаго преимущества христіанъ передъ язычниками разсказъ возвышается до искренняго молитвеннаго воодушевленія и оканчивается объясненіемъ происхожденія Половцевъ на основаніи библейскихъ преданій.

Обыкновенно несчастная битва и погромъ давали поводъ къ возгласамъ о грѣхахъ и беззаконіяхъ полуязыческаго общества. Здѣсь же, въ сказаніи о Бонякѣ, нѣтъ обличительнаго элемента: въ авторѣ видѣнъ человѣкъ, живущій въ средѣ чисто христіанской, то-есть, въ монастырѣ, каковъ былъ Печерскій. Онъ принимаетъ Божью кару скорѣе какъ испытаніе, чѣмъ какъ угрозу. Впечатлѣнію, произведенному на монаха разграбленіемъ монастыря Половцами, мы обязаны цѣлому разсужденію о происхожденіи ихъ. Это книжное мудрствованіе свое авторъ подкрѣпляетъ свѣдѣніемъ о другомъ таинственномъ, заключенномъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, народѣ Югрѣ, который, какъ онъ слышалъ отъ Новгородца Гюряты Роговича, мѣняетъ Новгородцамъ звѣриныя шкуры на желѣзо.

Въ этомъ повѣствователѣ мы не узнаемъ ни нашего самовидца Ѳеодосьева, ни горячаго автора сказанія о Половецкомъ нашествіи 1068 года. Склонный къ книжной мудрости и

посвященный въ нее, авторъ сказанія о Бонякѣ не столько интересуется успѣхомъ русскихъ ратей въ борьбѣ съ иноплеменниками, сколько мыслями о происхожденіи невиданнаго народа. Слышанное имъ Новогородское сказаніе объ Югрѣ, „языкѣ нѣмомъ“, наводитъ его на мысли о походѣ Александра Македонскаго, съ личностью котораго было связаны въ средніе вѣка представленія о далекихъ странахъ и о невѣдомыхъ народахъ.

Авторъ этого сказанія безъ сомнѣнія занимался лѣтописаніемъ. Склонный къ догадкамъ, предположеніямъ онъ былъ начитанъ и интересовался вопросомъ о происхожденіи народовъ. Въ немъ ничто не препятствуетъ видѣть того, кто задумалъ начать „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ отъ сыновъ Ноевыхъ. Теперь мы перейдемъ къ сказанію, полу-духовному, полу-свѣтскому, полному историческаго интереса и отличающемуся особыми литературными пріемами.

Переходя къ *сказанію о князѣ Василькѣ Теребовльскомъ*, мы остановимся нѣсколько на томъ, что въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ предшествуетъ этому сказанію.

Слѣдя за лѣтописными разсказами „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ эпоху дѣтей и внуковъ Ярослава, мы видимъ такіе же бѣглые погодные разсказы, какъ и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, но только кругозоръ лѣтописателя шире. Рѣже и рѣже попадаются частныя городскія или монастырскія замѣтки. Все вниманіе сосредоточено на князьяхъ, множившихся и распространявшихъ свои удѣлы на широкомъ пространствѣ отъ Галича Краснаго до Мурома, Ростова, и съ Новгородскимъ ополченіемъ доходившихъ до Чуди и Югры. Характеризуя событія своимъ приговоромъ, легкимъ словомъ осужденія или похвалы, лѣтописатель имѣетъ главною задачей свить

нить событій вокругъ даннаго года. Живы и образны эти разсказы. Они передаютъ слова князей, посыльныя ихъ рѣчи, обрисовываютъ подробности побѣдъ. Но иногда одно событіе, среди всѣхъ остальныхъ, блеститъ подробностями. Таковъ, напримѣръ, разсказъ объ убійствѣ Итларя, писанный или переданный лѣтописателю однимъ изъ дружинниковъ Владиміра или знатнаго княжаго мужа Ратибора. Разсказъ передаетъ всѣ подробности, всѣ имена; знаетъ не только числа, но дни, недѣли и часы происшествій.

Въ событіяхъ слѣдующаго затѣмъ года (6604) появляется сказаніе о нашествіи Боняка съ Половцами на Кіевъ и монастырь Печерскій, писанный монахомъ Печерскаго монастыря.

Объ этомъ сказаніи мы говорили выше. Оно какъ-бы вклесно въ повѣствованіе о борьбѣ Святополка и Владиміра съ Олегомъ Святославичемъ. Подробности этого послѣдняго повѣствованія, какъ напримѣръ, стягъ Мономаха, который Мстиславъ отдалъ пѣхотѣ, составлявшей, подъ начальствомъ Половца Купуя, правое крыло выступившаго въ сраженіе войска, едва-ли возможно было записать монаху Печерской обители. Но составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ воспользовался готовымъ сказаніемъ о борьбѣ Олега съ сыновьями Мономаха и тѣмъ окончилъ 6604 годъ.

Слѣдующій годъ былъ памятенъ устроеніемъ мира въ Любичѣ и ослѣпленьемъ Василька.

О первомъ событіи сохранилось краткое лѣтописное извѣстіе, вѣрное, точное, живое, писанное не въ Любичѣ, не на мѣстѣ, а въ Кіевѣ, гдѣ велась лѣтопись. „И приде Святополкъ съ Давыдомъ Кіеву и ради быша людье вси, но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей, и влѣзе

сатана въ сердце нѣкоторымъ мужемъ и начаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекущее сице: яко Володимеръ сложился есть съ Васильком̀ъ на Святополка и на тя"... Здѣсь начинается подробное *сказаніе о судьбѣ князя Василька* [19]).

Сперва мы слышимъ какъ Давидъ смущаетъ Святополка, какъ Святополкъ понемногу склоняется на сторону Давида и рѣшается взять Василька. Потомъ взятіе князя въ плѣнъ обманомъ.

Ослѣпленіе Василька разсказано съ такою живостью и съ такими подробностями бытовыми, какія не часто встрѣчаются въ нашихъ памятникахъ. Разсказъ быстро переходитъ къ послѣдствіямъ ослѣпленія, къ справедливому гнѣву князей на Святополка и Давида, къ миру подъ Кіевомъ, заключенному между Святополкомъ и Владиміромъ, при содѣйствіи мачихи послѣдняго,—миру, условіемъ котораго было сдѣлано нападеніе Святополка на Давида. Тутъ авторъ высказываетъ сочувствіе къ личности Мономаха. Онъ говоритъ о его слезахъ, называетъ его добрымъ, говоритъ, какъ князь этотъ

---

[19]) Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ русск. лѣтоп. до конца XIV вѣка, стр. 48) называетъ этотъ памятникъ сказаніемъ объ ослѣпленіи Василька. Академикъ Срезневскій называетъ его же лѣтописными сказаніями Василія, но вслѣдъ затѣмъ какъ-бы склоняется къ мысли, что это не сказанія, а сказаніе объ ослѣпленіи Василька и о событіяхъ затѣмъ послѣдовавшихъ (Древн. памятн. русск. письма и языка, стр. 20). Назвать это сказаніе Василія „сказаніемъ объ ослѣпленіи Василька" трудно, потому что оно не ограничивается однимъ этимъ событіемъ. Между тѣмъ нѣтъ и повода отдѣлить разсказъ объ ослѣпленіи отъ разсказа о дальнѣйшихъ событіяхъ, гдѣ собственно и является авторъ Василій.

уважалъ отца и чтилъ мачиху, и какъ онъ былъ милостивъ къ духовенству и бѣднымъ. Потребность отдохнуть на Мономахѣ, послѣ разсказа объ гнусномъ дѣлѣ, потребность представить Владиміра защитникомъ праваго дѣла,—вотъ что заставило автора прямо съ осени перенестись къ событію весеннему и потомъ возвратиться къ продолженію своего разсказа.

Возвращаясь къ тому, что случилось во Володимірѣ, гдѣ всю зиму просидѣлъ въ заключеніи ослѣпленный Василько, стерегомый двумя отроками Давида, авторъ впервые говоритъ о себѣ: „Василькови же сущю Володимери, на прежерѣченномъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великій и мнѣ ту сущу Володимери, во едину нощь присла по мя князѣ Давидъ“... Послѣ разсказа о переговорахъ между Васильком и Давидомъ, которые не привели князей ни къ какому соглашенію, и которыхъ проводникомъ былъ самъ авторъ, онъ переходитъ къ послѣдующимъ событіямъ: къ столкновенію Давида съ братомъ Василька, слѣдствіемъ котораго было освобожденіе Василька и возвращеніе его въ свой удѣлъ. Это случилось около Святой, а весною Василько и Володарь пошли ратью на Давида. Авторъ повѣствуетъ и объ этой рати, о мщеніи Василька и затѣмъ послѣдовательно переходитъ къ войнѣ Святополка съ Давидомъ, которая, послѣ перваго бѣгства этого послѣдняго князя, обратилась въ войну Святополка съ Володаремъ. Къ Володарю въ послѣдствіи примкнулъ Давидъ, подкрѣпленный Половцами; на помощь къ Святополку пришли Угры. Счастье склонилось на сторону Давида; Святополкъ потерялъ сына, убитаго на заборолѣхъ Володиміра Волынскаго. Городъ этотъ, послѣ войны, возвратилъ себѣ Давидъ Игоревичъ „и сѣде въ немъ“. Но на второе лѣто, заключаетъ повѣствователь, Святополкъ, Володиміръ, Давидъ (Святославичъ)

и Олегъ не дали ему Владиміра, но дали ему Дорогобужь, гдѣ онъ и умеръ: „въ немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимеръ и посади въ немъ сына своего Ярослава".

Тутъ оканчивается сказаніе о смутахъ на Волыни, главною причиною которыхъ было ослѣпленіе Василька.

Сказаніе обнимаетъ событія отъ осени 6605 (1097) до 30-го августа 6608 года, слѣдовательно, событія трехъ лѣтъ. Событія эти составляютъ послѣдовательность историческую. Автору хотѣлось разсказать, чѣмъ кончилась крамола Давида, и не прерывалъ онъ своего повѣствованія до тѣхъ поръ, пока не довелъ его до конца, пока не свелъ Давида со стола Владимірскаго въ ничтожный удѣлъ, гдѣ этотъ князь уже потерялъ всякое значеніе до самой смерти.

Авторъ сказанія, Василій, какъ онъ себя называетъ устами Давида Игоревича, былъ Волынецъ. Онъ, какъ самъ говоритъ, жилъ зимою 6605 въ Володимірѣ Волынскомъ, когда однажды, ночью послалъ за нимъ Давидъ Игоревичъ. Князь этотъ зналъ его лично и довѣрялъ ему. Изъ этого можно заключить, что онъ былъ не только Волынецъ, но и Володимірецъ. Онъ слѣдитъ за судьбою Володиміра Волынскаго и оканчиваетъ сказаніе тѣмъ, что городъ этотъ достался сыну Святополкову, а Давидъ такъ и умеръ въ Дорогобужѣ. Володимірцы не любили Давида; это ясно изъ того, что они крѣпко стояли за Мстислава Святополчича противъ своего природнаго князя и по убіеніи Мстислава они сами по себѣ держались противъ осаждавшаго ихъ Давида, къ Святополку-же посылали вѣсть, чтобы скорѣе шелъ, а то голодъ принудитъ ихъ сдаться. Лишь только подошелъ къ городу воевода Кіевскій Путята, Володимірцы выскочили изъ города „и почаша сѣчи

вое Давыдовы". Такъ передаетъ самъ Василь въ своемъ сказаніи.

Сказаніе это получаетъ нѣсколько болѣе опредѣленную хронологію при томъ обстоятельствѣ, что авторъ его зналъ, что Давидъ Игоревичъ умеръ въ Дорогобужѣ, а что Володимиръ Волынскій все еще въ рукахъ Ярослава Святополчича.

Сказаніе писано послѣ 25-го мая 6620 года и до лѣта 6625 года, то-есть, въ пятилѣтіе между 1112 и 1117 годами, слѣдовательно, въ началѣ XII-го столѣтія, спустя болѣе 15 лѣтъ послѣ ослѣпленія Василька.

Вспоминая о событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Василь пересказалъ ихъ съ точностію современника. Разсказъ его чуждъ всякой искусственности; онъ говоритъ о томъ, что знаетъ близко, и не нуждается ни въ какихъ посторонихъ письменныхъ источникахъ и ни въ чьей помощи. Разсказъ его, дышащій правдою, производитъ тѣмъ самымъ сильное впечатлѣніе. Авторъ чуждъ всякаго лиризма, онъ не останавливается надъ тѣмъ, что передалъ, не восклицаетъ и не передаетъ своихъ соболѣзнованій, воспроизводя сцену ослѣпленія. Съ этой стороны онъ рѣзко отличается отъ другихъ своихъ собратій по перу, какъ напримѣръ, отъ лѣтописателя, разсказывавшаго о нашествіи Половцевъ. Сверхъ того, онъ не вдается и въ религіозный лиризмъ, не сѣтуетъ о грѣхахъ и не превращаетъ разсказа своего въ поученіе. Онъ отчетливо и подробно говоритъ о частностяхъ, и въ томъ собственно цѣль его сказанія: передать то, чему былъ свидѣтелемъ. Въ томъ, что составляетъ продолженіе его разсказа, о военныхъ событіяхъ, онъ точенъ, правдивъ и вмѣстѣ быстръ, скоръ, какъ и другіе лѣтописатели, пересказывавшіе не эпизоды войнъ, а самыя войны и ихъ послѣдствія. Но и тутъ въ

одномъ эпизодѣ, когда онъ говоритъ о борьбѣ Угровъ съ Половцами, талантъ его далъ себя знать однимъ выраженіемъ. Человѣкъ, умѣвшій талантливо изображать дѣйствительную жизнь, не могъ не быть чуткимъ къ живому народному поэтическому слову—и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ. Онъ не пропустилъ и того, какъ Боякъ, союзникъ Давида, по вытью волка предъугадываетъ побѣду.

Въ другомъ мѣстѣ этотъ человѣкъ не могъ не откликнуться на другое живое, поэтическое знаменіе, слухъ о которомъ прошелъ почти на самомъ мѣстѣ дѣйствія. Святополкъ, ослѣпившій Василька, давшій обѣщанія Мономаху и другимъ братьямъ-князьямъ идти за Василька на Давида и тѣмъ изгладить вину свою, цѣловалъ крестъ Василько и Володарю на томъ, что хочетъ имѣть съ ними миръ и любовь. И вотъ онъ, послѣ того какъ справился съ Давыдомъ и прогналъ его въ Ляхи, идетъ со всѣмъ войскомъ на Володаря и Василька; тѣ напоминаютъ ему его клятву, его крестоцѣлованіе, но онъ преступаетъ крестъ, „надѣяся на множество вои“. Приготовились къ бою, сошлись на полѣ Рожни, и Василько, возвысивъ крестъ, произнесъ: „ты цѣловалъ его! сначала ты отнялъ у меня зрѣніе, а теперь хочешь взять душу,—да будетъ между нами крестъ сей. И когда сошлись полки, мнози человѣци благовѣрніи видѣша крестъ надъ Васильковы вои, возвышься вельми“.

Разсказъ Василя простой, живой и образный, чуждъ, какъ мы сказали, лиризма. Онъ только разъ приводитъ текстъ пророка, который былъ въ то время на устахъ у лицъ духовныхъ, какъ противодѣйствіе мести. Язычество, всегда согласное съ природными инстинктами человѣка, покровительствовало этому чувству, возводило его въ добродѣтель; учители новой вѣры твердили, что Богъ—отмститъ, и мщенье надо

возложить на Него, по слову пророка: „вздасть месть врагомъ и ненавидящимъ его“. Это-то изреченіе приводитъ Василь послѣ того, какъ упомянулъ о казни Василькомъ тѣхъ совѣтниковъ Давыда, которые дали ему мысль ослѣпить Василька: „Се же второе мщеніе створи (Василько) его же не бяше лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ— якоже рече пророкъ“ и т. д.

Василь-авторъ поражаетъ своимъ безпристрастіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стоитъ на нравственной высотѣ практическаго христіанина. Онъ ни разу не произноситъ отъ себя суда надъ злодѣйскимъ поступкомъ Святополка и Давыда, что не преминулъ бы сдѣлать другой повѣствователь его же времени. Но судъ этотъ въ рукахъ читателя, передъ которымъ такъ подробно и ясно очерчены крамола и клятвопреступленіе. Къ одному Васильку онъ нѣсколько строже, но и то потому, что онъ требуетъ отъ него большаго, какъ отъ невинно пострадавшаго. По его понятію, такому страдальцу не подобало мстить. Тѣмъ не менѣе, личности князей въ разсказѣ Василя необыкновенно полно очерчены съ нравственной стороны. Василько является въ привлекательномъ свѣтѣ. Объясняя автору свои ратныя намѣренія, подавшія поводъ опасаться его, онъ говоритъ откровенно о своихъ благородныхъ замыслахъ и вмѣстѣ самъ изрекаетъ себѣ осужденіе за самопадѣянность, за упоеніе этими замыслами: Но се повѣдаю ти: по истинѣ яко на мя Богъ наведе за мое возвышеніе, яко приде ми вѣсть, яко идутъ ко мнѣ Берендичи и Печенѣзи и Торци, и рекохъ въ умѣ своемъ: оже ми будутъ Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайте ми дружину свою молодшюю, а сама пійта и веселитася. И помы-

слихъ: на землю Лядьскую наступлю на зиму—и мьщю Русьскую землю. И посемъ хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера пти на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю.—И се кленуся Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ зла братьи своей ни въ чемъ же, но за мое възнесенье низложи мя Богъ и смири".

Повторяя такія слова Василька, авторъ видимо сочувствуетъ ему и здѣсь и при разсказѣ о его страданіи. Но нигдѣ не выражаетъ ему похвалы своей. Во всемъ сказаніи выражено сочувствіе только къ одному Владиміру Мономаху.

Былъ-ли Василь очевидцемъ ослѣпленія? Конечно, не былъ. А если былъ свидѣтелемъ ослѣпленія, то былъ и свидѣтелемъ поимки князя и сопровождалъ его до Здвиженя, и видѣлъ попадью, мывшую окровавленную сорочку князя? Но это не изъ чего не видно. Изо всего этого онъ знаетъ то, что Василько ему могъ разсказать. Да онъ не могъ никакъ быть свидѣтелемъ всего этого. Василько былъ пойманъ безъ людей своихъ, да и онъ не былъ его человѣкомъ. Иди къ тезу своему, а не къ господину своему, говоритъ ему Давидъ, посылая его къ Васильку, съ которымъ онъ и сблизился на Вакѣевѣ дворѣ, въ Володимірѣ, и впервые узналъ о замыслахъ Василька. Ни Святополкъ, ни Давидъ не могли его послать съ палачами, онъ не былъ изъ числа людей, подобныхъ Сновиду-ослѣпителю. Такъ откуда-жь онъ взялъ всѣ эти подробности?

Склоняя Василька возложить мщеніе на Бога, онъ могъ успокоить мстительную душу князя обѣщаніемъ описать злодѣяніе, чтобы случившееся было извѣстно всѣмъ князьямъ-

братьямъ и всѣмъ Русскимъ людямъ. Съ этою цѣлью Василько и могъ разсказать ему всѣ впечатлѣнія свои съ тѣхъ поръ, какъ прислали въ Выдубицкій монастырь звать его къ Святополку на именины.

Никто, кромѣ самого страдальца, не могъ съ такою точностью передать всѣ обстоятельства событія. Слѣпцу памятна была минута, когда въ его глазахъ Торчинъ острилъ ножъ, когда притиснули его досками передъ страшною пыткой. Взывая къ праведному суду, Василько постарался узнать всѣхъ людей Святополковыхъ во время пути: онъ еще до ослѣпленія десять верстъ проѣхалъ съ ними и могъ узнать, что Торчина звали Беренди; остальныхъ мужей Святополковыхъ онъ и прежде могъ знать.

Послѣ первой мучительной боли, Василько лишился чувствъ и очнулся только въ другомъ городѣ—Здвижени. И мы ничего не знаемъ, что происходило въ этотъ промежутокъ времени. Съ тѣхъ поръ, какъ очнулся князь, мы опять знаемъ все то, что онъ чувствовалъ, слышалъ, говорилъ, требуя окровавленную сорочку, которую отдали мыть, и въ которой онъ хотѣлъ предстать передъ Всевышнимъ Судіею. Василько помнилъ и трудный путь по замерзлой грязи вплоть до Володиміра-Волынскаго.

Такимъ образомъ, живымъ источникомъ Васил ія былъ разсказъ самого Василька Ростиславича. Эпизодъ о перемиріи въ Кіевѣ, гдѣ авторъ приводитъ слова Мономаха, онъ скорѣе всего узналъ въ Кіевѣ. Онъ не постоянно жилъ во Владимірѣ—это очевидно изъ его словъ: „мнѣ сущу тогда въ Володимерѣ“. Объ остальныхъ событіяхъ, связанныхъ съ ослѣпленіемъ Василька, авторъ разсказываетъ какъ всѣ лѣтописатели. Подробности при осадѣ Володиміра-Волынскаго ука-

зываютъ на то, что все, касавшееся этого города, было близко извѣстно автору: онъ тамъ живалъ. Подробнѣе извѣстны автору событія въ лагерѣ Волынскихъ и Галицкихъ князей, чѣмъ событія въ лагерѣ Святополка-Михаила. Склонность къ Мономаху и пребываніе въ Кіевѣ во время Мономахова нашествія, несочувствіе къ Святополку-Михаилу показываютъ, что авторъ не чуждъ былъ дому Всеволода, и быть можетъ, и монастырю Всеволожу—Выдубицкому. Монастырь этотъ, куда заѣзжалъ помолиться Василько, и былъ, можетъ быть, первою связью между Теребовльскимъ княземъ и авторомъ сказанія о немъ, уроженцемъ земли Волынской. Сильвестръ, игуменъ Выдубицкій, включилъ повѣсть Василя въ лѣтописецъ, переписанный имъ. Вѣроятно постриженникъ Печерскаго монастыря, Сильвестръ, въ монастырѣ, куда призвало его игуменство, могъ встрѣтить Василево сказаніе или даже самаго Василя, который передалъ ему свой трудъ.

Повѣствователь Василь принадлежитъ къ одному разряду повѣствователей съ Вильгардуиномъ. О немъ мы можемъ сказать то же, что французы говорятъ о своемъ хроникерѣ-разскащикѣ: онъ христіанинъ, хотя и не богословъ; онъ проникнутъ чистою вѣрой и простотой христіанина, когда искренно разсказываетъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Его основное убѣжденіе—то, что Богъ наказываетъ за грѣхи. Онъ—не глубоко вдумывающійся въ событія историкъ, а правдивый и практическій разскащикъ. Вѣра въ Бога у него идетъ рука объ руку съ жизненнымъ интересомъ рати. Онъ чутокъ къ нравственному злу, какъ чутокъ и къ жизни военной—въ подробности и въ мелочахъ. Онъ сынъ своего вѣка—вѣка междоусобій и первоученія христіанской религіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Двѣ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ.

—

а) Повѣсть Іакова Мниха.

Самовидецъ Ѳеодосіевъ, въ сказаніи объ успеніи сего святаго, говоритъ, что Ѳеодосій назначилъ себѣ преемникомъ нѣкоего Іакова пресвитера, пришедшаго въ обитель уже въ иноческомъ санѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Павломъ. Но братія не пожелала имѣть игуменомъ лицо, постриженное въ другой обители и указала на Стефана, взросшаго подъ рукою Ѳеодосія. Діаконъ Несторъ, авторъ житія преподобнаго Ѳеодосія, постриженный этимъ самымъ Стефаномъ, совсѣмъ не упоминаетъ о волѣ Ѳеодосія касательно Іакова, хотя и не скрываетъ, что на Стефана указала братія, а не самъ святой игуменъ.

Такимъ образомъ обдуманная и стройная повѣсть Нестора о Ѳеодосіи не донесла до насъ имени славнаго пресвитера, котораго передъ всѣми отличилъ самъ Ѳеодосій и о которомъ хорошо помнилъ авторъ праздиваго, безъискусственнаго сказанія [20]).

---

[20]) Ѳеодосіевъ самовидецъ: Ѳеодосій же рече имъ: „да аще отъ мене хощете игумена пріяти, то азъ ство-

Учительный Ѳеодосій назначилъ себѣ въ преемники безъ всякаго сомнѣнія просвѣщеннаго черноризца, способнаго поучать братію словомъ и перомъ. Этотъ замѣтный, просвѣщенный инокъ открытъ былъ въ наше время учеными въ лицѣ автора трехъ памятниковъ нашей духовной литературы XI вѣка. Перу Іакова Мниха, по доказательнымъ выводамъ академиковъ: архіепископа Макарія, Погодина, Срезневскаго, принадлежатъ: a) Сказаніе о убіеніи Бориса и Глѣба, b) Память и похвала Владиміру и c) Посланіе къ великому князю Изяславу-Димитрію Ярославичу [21]).—Въ Сказаніи „О страстотерпьцю свя-

---

рю вамъ по Божьему строенью“ и паречемъ Пякова презвитера, Братьи же нелюбо бысть глаголюще: яко не здѣ есть постриженъ; бѣ бо Пяковъ пришелъ с'Летьца с'братомъ своимъ Пауломъ. (Лѣтопись по Лавр. списку подъ 1074 г.). У Нестора: на вопросъ Ѳеодосія: кто достоинъ быть игуменомъ? вси рекоша, яко Стефану быти достойно по тебѣ игуменство пріяти; блаженный же того призвавъ и благослови на игуменство.... (Памятники Рус. литературы XII и XIII вѣковъ изд. Яковлевымъ. Спб. 1872, стр. LVIII).

[21]) Погодинъ въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. Рус. яз. и Слов., I, 326; II, 81, 113, 145, 209. Срезневскій въ статьѣ: „Древнія жизнеописанія Русскихъ князей X—XI в.“ тамъ-же II, 113—130. Архіеп. Макарій въ томъ же изданіи, II, 145—157 и въ Исторіи Русской церкви, II, стр. 141—158. Бутковъ отрицалъ тожественность Іакова, назначавшагося преемникомъ Ѳеодосія, съ авторомъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ (см. Разборъ трехъ древнихъ памятниковъ Русской духовной литературы—Современникъ т. XXXII, 1852 г.). Мнѣнія Срезневскаго и въ особенности архіеп. Макарія, разобравшаго списки этого памятника по тремъ редакціямъ, дали противу-вѣсъ мнѣнію Буткова. Прибавленныя позднѣйшими переписчиками вставки, не встрѣчающіяся въ наиболѣе достовѣрныхъ спискахъ, уничтожаютъ сомнѣнія, высказан-

тую мученику Бориса и Глѣба" авторъ говоритъ, что онъ предполагаетъ писать и объ отцѣ ихъ: „прочая же того (Владиміра) добродѣтели ипдѣ скажемъ". Въ Похвалѣ же Владиміру онъ свидѣтельствуетъ особѣ, какъ объ авторѣ вышеупомянутаго Сказанія, при чемъ называетъ себя понмени: тако же и азъ худый мнихъ Іаковъ слышахъ отъ многихъ о блаженномъ князѣ Володимерѣ... написахъ и о сыну его, реку же, святую и славную мученику Бориса и Глѣба. Церковное правило митрополита Іоанна II, возсѣдавшаго на Кіевской каоедрѣ тоже во время великаго князя Изяслава-Димитрія, надписано черноризцу Іакову, обращавшемуся съ нѣкоторыми вопросами къ своему архимастырю. Такое надписаніе, по мнѣнію архіепископа Макарія, говоритъ за то почетное значеніе, какимъ пользовался этотъ черноризецъ въ кругу современныхъ ему

ным Бутковымъ (Макарія, Истор. Рус. церкви, т. II, стр. 146—147). Въ послѣднее время Д. И. Иловайскій высказался противъ преобладающаго мнѣнія о Іаковѣ Мнихѣ (см. Исторія Россіи примѣчаніе 58). Мы съ своей стороны совершенно не раздѣляемъ мнѣнія нашего талантливаго ученаго по этому вопросу.

Мнѣніе о томъ, что Іаковъ Мнихъ, авторъ Похвалы Владиміру и инокъ прен. Ѳеодосія, написалъ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ; по словамъ г. Иловайскаго, основано на томъ, что въ Похвалѣ Владиміру сочинитель говоритъ о себѣ, что онъ прославилъ его св. сыновей. Развѣ только на одномъ этомъ? А соотвѣтствующее мѣсто въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ? а Переяславль и Альта и проч? Г. Иловайскій, не признавая въ авторѣ Іакова Ѳеодосіева, естественно приходитъ къ тому, что Несторово сказаніе древнѣе т. н. Іаковлева. Послѣднее-же относитъ къ позднѣйшему времени. На доводы почтеннаго ученаго мы отвѣтимъ ниже, въ примѣчаніяхъ, при дальнѣйшемъ разборѣ повѣстей о Борисѣ и Глѣбѣ.

духовныхъ лицъ. Однако-же Патерикъ Печерскій умалчиваетъ объ Іаковѣ, не смотря на его авторскія заслуги и на любовь къ нему Ѳеодосія. Можно думать, что, по поставленіи Стефана игуменомъ, Іаковъ переселился въ другой монастырь, княжескій, городской, каковъ былъ между другими и монастырь св. Димитрія, и Печеряне, и прежде того не расположенные къ нему, какъ къ пришельцу, совсѣмъ исключили его изъ числа своихъ подвижниковъ.

Еще при жизни Ѳеодосія, въ 1072 году, братья Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрались въ Вышегородѣ, для перенесенія мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь, построенную Изяславомъ. Между духовными лицами, съѣхавшимися на это торжество, было два лица изъ Переяславля: епископъ Петръ и игуменъ Николай. Съ ними могъ прибыть оттуда-же и пресвитеръ Іаковъ монахъ. На этомъ священномъ празднествѣ послѣдній могъ сойдтись съ Ѳеодосіемъ Печерскимъ и въ слѣдъ за тѣмъ остаться даже въ его обители до смерти святаго отца, послѣдовавшей черезъ три года послѣ перенесенія мощей Бориса и Глѣба [22]). Свидѣтель

[22]) Въ Повѣсти врем. лѣтъ, подъ 6580, сокращенъ подробный разсказъ Іакова о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба: совокупившеся Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, Михаилъ Юрьевскый, Ѳеодосій же игуменъ Печерьскый, Софроній святаго Михаила игуменъ, Германъ игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславьскый... и празднованіа свѣтло". Въ сказаніи Іакова (по списку Сильвестрова Сборника; см. „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ" изд. Срезневскимъ по порученію Имп. Археол. Общ. 1860 г.) переписчикомъ пропущены имена: князя Святослава и Николы игумена Переяславскаго. въ

умилительнаго торжества Іаковъ могъ слышать и видѣть то, о чемъ онъ повѣствуетъ по поводу благодатныхъ ощущеній князя Святослава, прикоснувшагося къ рукѣ одного изъ святыхъ князей мучениковъ. Прославленіе святыхъ братьевъ необходимо вызвало церковныя письменныя произведенія въ ихъ честь: тропарь, стихиры, канонъ и паремін. Повѣсть же о ихъ подвигѣ и о злодѣйствѣ Святополка должна была быть основною темою этихъ богослужебныхъ пѣснопѣній. И вотъ, свидѣтель торжества, Іаковъ, взялся за трудное дѣло прославленія святыхъ братьевъ.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли каковы были историческія сказанія XI столѣтія, писанныя подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, недавно совершившихся и весьма памятныхъ очевидцу. Воспроизведеніе событія давно минувшаго требуетъ отъ автора значительно большей силы творчества и умѣнья владѣть книжной рѣчью. Письменное прославленіе того, чему были свидѣтели отцы, а не мы сами, требуетъ вдохновенія и нѣкоторой, относительно обширной, образованности и школьной выработки. Книжный черноризецъ, діаконъ Несторъ, поступившій въ число Печерской братіи, при преемникѣ Осодосія, Стефанѣ игуменѣ, задумалъ написать повѣсть о житіи святаго устроителя обители, на основаніи господствовавшихъ и упрочившихся въ монастырѣ преданій.

Еще ранѣе Нестора, при Ярославѣ первомъ, митрополитъ Иларіонъ прославилъ князя Владиміра, и есть основаніе полагать, что Ольга была прославлена въ особомъ сказа-

Повѣсти же врем. лѣтъ пропущено также одно имя Никиты, епископа Бѣлозерскаго.

нія о принятіи сю христіанской вѣры, гдѣ она сравнилась съ луною въ нощи, съ зарею передъ свѣтомъ [23]).

Въ нашу задачу не входитъ разборъ повѣстей о лицахъ, прославившихся святостью. Повѣсть же Іакова Мниха: о убіеніи князей Бориса и Глѣба, какъ повѣсть о событіи, обставленномъ всѣми условіями историческаго разсказа и какъ одна изъ первыхъ повѣстей о событіяхъ русской исторической жизни, вполнѣ принадлежитъ избранному нами кругу литературныхъ памятниковъ.

Второе междоусобіе князей новосложившагося государства имѣло особый, отличный отъ перваго характеръ. Не споромъ изъ за охоты, не навѣтомъ какого нибудь Свѣнельда объясняли Кіевляне поступокъ Святополка, а личною его крамолою и злодѣйствомъ. Ненависть Кіевлянъ къ властолюбивому и крамольному князю, опиравшемуся на пригородъ Кіевскій (Вышгородъ) или на Ляховъ, по браку его съ Болеславною, совпала съ воззрѣніемъ на него духовныхъ лицъ: „Онъ любилъ только пиры да вино съ гуслями“ [24]). Воспитанный въ язычествѣ, онъ былъ совершенно не похожъ на Бориса, сына христіанки матери, христіанина съ колыбели. Борисъ и Глѣбъ были убиты не на войнѣ, а обманомъ и предательствомъ и тѣмъ вызвали еще болѣе жалости въ сердцахъ современниковъ. Преданія о нихъ были свѣжи, спустя шестьдесятъ лѣтъ по

---

[23]) Похвальныя Словеса Ольгѣ входятъ въ составъ Похвалы Владиміру соч. Іаковомъ Мнихомъ, но въ лѣтописный сводъ онѣ не вошли. У составителя лѣтописнаго свода былъ совершенно другой письменный источникъ объ Ольгѣ.

[24]) Въ Повѣсти врем. лѣтъ по поводу Святополка сказано: лютѣ бо граду тому, въ немъ же князѣ уныъ, любяй вино пити съ гуслями.

ихъ кончинѣ, въ то время, когда Іаковъ монахъ взялся за письменное ихъ прославленіе.

Представитель новыхъ, свѣтлыхъ началъ Борисъ, какъ о немъ сохранилось преданіе, велъ благочестивую жизнь, съ молоду прилежно читалъ святыя книги, упражнялся въ молитвѣ и добрыхъ дѣлахъ, былъ послушливъ къ отцу, отличался смиреніемъ и разумомъ въ совѣтѣ княжескомъ [25]). Въ добавокъ былъ нѣжно любимъ отцемъ своимъ и любимъ Кіевлянами. Его наружность соотвѣтствовала его качествамъ: онъ былъ прекрасенъ (по словамъ Іаковлева сказанія) высокъ ростомъ, плечи имѣлъ широкія; былъ тонокъ въ поясѣ, лицомъ всегда веселъ и царственно привѣтливъ.

Подлежащій разбору нашему памятникъ повѣствовательнаго творчества XI вѣка отличается не только искренностью и задушевностью, но и художественностью. Не считая нужнымъ всецѣло пересказывать его содержаніе, мы разсмотримъ его настолько, на сколько это нужно для литературной оцѣнки. Въ своей Исторіи Русской церкви архіепископъ Макарій изслѣдовалъ составъ памятника и указалъ на измѣненія его въ разныхъ спискахъ, онъ же отмѣтилъ позднѣйшія прибавки, вошедшія только въ нѣкоторые списки. Намъ остается указать на литературныя достоинства памятника и сравнить его съ другимъ близкимъ къ нему по времени и по содержанію.

„Родъ правьдьнихъ въ вѣкы въ благословеніи будетъ“—такими словами начинается наша повѣсть, смиренно озаглавленная сказаніемъ [26]). Прославленіе рода

[25]) Сказаніе Нестора по изд. Срезневскаго, стр. 7 и 8.

[26]) Сказания страстотерпцю святую мученику Бориса и Глѣба. Это сказаніе, вмѣстѣ съ сказаніемъ Нестора,

князей русскихъ, изъ племени которыхъ были братья страдальцы, было основною мыслью автора.

„Сице убо бысть“ говоритъ онъ въ слѣдъ за тѣмъ „малымъ прежде сихъ лѣтомъ, сущю самодержцю Рускыя земля Володимеру, сыну Святославлю, внуку же Игореву, иже святымъ крещеніемъ просвѣти всю землю Рускую. Прочая же его (Владиміра) добродѣтели индѣ скажемъ, нынѣ же нѣсть время, а о сихъ поряду сице есть“. Воспоминаніе о Борисѣ и Глѣбѣ вызывало воспоминаніе и объ отцѣ ихъ. Потребность восхваленія первыхъ мучениковъ юной Русской церкви сливалась съ потребностью воздать честь просвѣтителю земли. Свое обѣщаніе индѣ сказать о добродѣтеляхъ Владиміра Іаковъ исполнилъ, написавъ житіе и похвалу этому святому князю [27]).

Свой прямой разсказъ авторъ начинаетъ съ перечисленія двѣнадцати сыновей Владиміра отъ разныхъ женъ. Въ этомъ перечисленіи встрѣчаются два Мстислава, два Вышеслава и нѣтъ Станислава, Судислава и Позвизда [28]). Преданіе о мно-

---

напечатано было въ Христ. Чтеніи 1849, II. 329—386 и великолѣпно издано Имп. Археол. Общ., какъ мы уже упомянули выше. Архіеп. Макарій перечисляетъ до 12 извѣстныхъ ему списковъ Іаковлева сказанія (Ист. Рус. церкви; II, примѣч. 240, 241, 242 и 243).

[27]) Похвала князю Владиміру и житіе его соч. Іаковомъ мнихомъ изданы въ Христ. Чтеніи 1849 II, и въ приложеніяхъ къ 1 т. Ист. Рус. церкви архіеп. Макарія.

[28]) Это одно изъ обвиненій противъ относительной древности Іакова со стороны г. Буткова, опирающагося на Татищева и Іоакимову лѣтопись и на (быть можетъ очень поздніе) списки Кіевскихъ монастырей. Между тѣмъ какъ въ Повѣсти врем. лѣтъ,

гочисленныхъ сыновьяхъ Владиміра могло быть не точно. Борисъ и Глѣбъ были рождены отъ Болгарини, по словамъ Іакова Мниха. Указавъ на удѣлы, розданные нѣкоторымъ изъ сыновей Владиміра, авторъ самъ удерживаетъ себя отъ сообщенія читателю историческихъ подробностей, боясь распространить свой разсказъ и отвлечься отъ главнаго его предмета: „да не въ многописанїи въ забыть влѣземъ, но о немъ же начахомъ си скажемь“.

„Шелъ двадцать восьмой годъ по крещеніи земли Русской. Владиміръ, заслышавъ о томъ, что Печенѣги двинулись ратью на Русь, сталъ готовиться къ оборонѣ, но вдругъ заболѣлъ и былъ въ великой печали, что не могъ идти противъ безбожныхъ. Въ то время пришелъ къ нему Борисъ изъ Ростова—и вотъ ему то, блаженному и скоропослушливому, передаетъ отецъ много воиновъ и посылаетъ его противъ Печенѣгъ. Борисъ съ радостью взялся за исполненіе возложеннаго на него дѣла“. Вотъ первый поводъ повѣствователю восхвалить, на основаніи текстовъ св. писанія, въ Борисѣ послушливаго сына. Не ограничиваясь тѣмъ, онъ влагаетъ въ уста самому Борису рѣчь, обращенную имъ къ отцу своему. Съ похода Борисова на Печенеговъ начинается и самая драма, и нить разсказа нашего автора болѣе не прерывается. Слѣдя за ходомъ событій, авторъ всецѣло отдается имъ, отдается самой драмѣ. Порою онъ изливаетъ свои чувства, но выражаетъ ихъ не иначе какъ въ драматической формѣ, влагая изобрѣтенныя имъ рѣчи въ уста дѣйствующихъ лицъ.

подъ 980 г.: Владиміръ роди сыны... а отъ Болгарини Бориса и Глѣба.

„Не найдя Печенѣговъ, Борисъ возвращался домой, какъ на пути его встрѣтила вѣсть, что отецъ его умеръ и Святополкъ скрылъ на время смерть отца: на Берестовомъ, гдѣ умеръ князь, проломали помостъ и спустили на веревкахъ обернутое въ коверъ тѣло и потомъ тайно отвезли на саняхъ въ Кіевъ, въ церковь святой Богородицы". Плачъ Бориса и его разсужденія о томъ, какъ поступить въ отношеніи къ Святополку, отъ котораго онъ ожидаетъ себѣ погибели составляютъ цѣлый эпизодъ, развивающій передъ читателемъ образъ мыслей блаженнаго князя и борьбу его съ помыслами о славѣ и богатствѣ, о красотѣ лица своего и молодости лѣтъ своихъ. Удаленный отъ событія на многія десятилѣтія, авторъ стоитъ тутъ исключительно на почвѣ внутреннихъ ощущеній Бориса. Рѣчами святаго онъ возбуждаетъ въ читателѣ жалость къ молодому, добровольному мученику (сердце ми горить, душа ми смыслъ смущаетъ) и уже облекаетъ его во всеоружіе христіанина, обдумывающаго свой подвигъ:

Что пріобрѣтоша братія отца мосго, или отецъ мой? Гдѣ бо ихъ житіе и слава міра сего и багреница и брачины, сребро и злато, вина, медъ и брашна честная, и быстріи кони и великіи, имѣнія многа и дани, и чести безчисленныя, и гордѣнія, яже о боляръхъ своихъ.

Разговоръ Святополка въ Вышегородѣ съ Путшею и другими боярами, которыхъ этотъ князь тайно, ночью, созвалъ, отзывается несомнѣнно живымъ преданіемъ, хотя и оснащенъ пояснепіями о роли діавола въ этомъ дѣлѣ и сравненіемъ „треклятаго, окаяннаго" Святополка съ Каиномъ.

Борисъ стоитъ станомъ на р. Альтѣ. Дружина убѣждаетъ его идти сѣсть на столѣ Кіевскомъ: „мы всѣ воины

подъ твоею рукою". Подготовленный заранѣе читатель уже ждетъ отъ Бориса великодушнаго отказа: „не буди ми взяти руки на брата своего еще же и на старѣйша мене". Воины разошлись и князь остался только съ отроками своими.

„Былъ день суботній. Въ горѣ, съ отягченнымъ сердцемъ, жалостно гласъ испускаетъ Борисъ, сидя въ шатрѣ своемъ". Съ этого мѣста повѣствователь уже не разлучается съ Борисомъ до послѣдней минуты его жизни. „Слезъ моихъ не презри, Владыко„ молился Борисъ и помышлялъ о мученіи и страданіи святаго Никиты и святаго Вячеслава, убитыхъ подобнымъ-же образомъ; вспоминалъ и о святой Варварѣ, какъ убійцею ея былъ ея же собственный отецъ. Его утѣшало и радовало только слово Соломона: праведники во вѣки живутъ и мзда имъ отъ Господа Бога. „Послѣ горячей вечерней молитвы (которой на этотъ разъ не излагаетъ повѣствователь). Борисъ легъ спать. Но сонъ его отъ многихъ мыслей и отъ печали не крѣпокъ: сердцемъ онъ чувствуетъ опасность и помышляетъ о томъ: какъ бы ему вѣру соблюсти и принять вѣнецъ отъ руки Вседержителя. Проснувшись рано и увидавъ, что пора пѣть заутреню, онъ будитъ своего пресвитера: встань, начни заутреню. Самъ же, обувъ нозѣ и умывъ лице, началъ молитися Господу Богу. Посланные отъ Святополка приблизились къ шатру еще ночью и слышали голосъ Бориса, пѣвшаго заутреню. Среди шестопсалмія князю сказали, что близка опасность, а онъ себѣ продолжалъ пѣть: Господи, что ся умножиша стужающія ми, мнози возстаютъ на мя—и продолжалъ пѣть псалмы и канонъ, и послѣ заутрени вновь молился передъ иконою Іисуса Христа, просилъ сподобить его принять страсть".

„И послышался топотъ золъ около шатра, и затрепталъ Борисъ, и лилъ слезы, и опять молился. Священникъ и отрокъ, увидавъ его смущеніе, подняли плачъ и говорили: „милый нашъ господинъ, дорогой! ты не хотѣлъ противиться брату любви ради Христовой“ и т. д. Наконецъ увидали они идущихъ къ шатру: блистало оружіе, гремѣли мечи. И безъ милости прободено бысть честное тѣло святаго, блаженнаго страстотерпца Христова Бориса. Путша, Талецъ и Еловичь Ляшко насунули на него копья. Отрокъ Борисовъ бросился на тѣло его и вопіялъ: „я не отстану отъ тебя, господине, дорогой мой“.... Онъ былъ родомъ Угринъ, именемъ Георгій. Борисъ возложилъ на него золотую гривну; онъ былъ любимецъ своего князя. Его также пронзили. Раненый Борисъ выскочилъ изъ шатра. И стали говорить убійцы: „что стоимъ, да смотримъ, окончимъ повелѣнное намъ“. Услышивъ это, блаженный молилъ ихъ дать ему малое время еще помолиться Богу“. Тутъ авторъ излагаетъ горячую молитву Бориса и новую трогательную исповѣдь его въ невиновности передъ братомъ, по окончаніи которой онъ сказалъ: „Братіе скончайте службу вашу и буди миръ брату моему и вамъ, братіе“.....

Умилительныя рѣчи Бориса передъ Богомъ обрисовываютъ весь ужасъ поступка брато-убійцы, объ отпущеніи грѣха которому страдалецъ тутъ же молитъ Бога. Восхваленіе Бориса авторъ влагаетъ въ души лицъ, присутствовавшихъ при его кончинѣ. Слыша умиленныя слова его, они отъ горькой печали не могли выговорить ни одного слова, но въ душѣ ихъ слагались цѣлые возгласы на похвалу добродѣтелей князя. Такимъ образомъ скудное подробностями преданіе облечено творчествомъ повѣствователя въ форму одушевленнаго разсказа.

Борисъ предаетъ духъ „въ руцѣ Бога жива“, какъ бы подъ звуки хора, признающаго его нравымъ и добродѣтельнымъ. Въ слѣдъ за тѣмъ и преданіе вторгается въ повѣсть и даетъ нѣсколько живыхъ подробностей, не совсѣмъ согласныхъ съ только что описаннымъ торжественнымъ моментомъ кончины Бориса. Тутъ узнаемъ мы, что Борисъ былъ еще живъ дорогою, когда его везли боромъ, въ верхъ по лѣвому берегу Днѣпра: начать восклонити святую свою главу.... а два варяга прободоста и мечемъ въ сердце и тако скончася, въспріятъ неувядомый вѣнецъ [29]). Если въ разсказѣ о погребеніи Бориса проглядываютъ и другія живыя подробности (снятіе гривны съ трупа Георгія, обверченіе тѣла Борисова въ полотно шатра и везеніе его на колѣхъ), то въ слѣдующемъ за тѣмъ эпизодѣ, гдѣ повѣствуется о новомъ злымъ умыслѣ Святополка, мы видимъ отсутствіе всякого преданія, и какихъ бы то ни было живыхъ чертъ. Тутъ являются передъ нами бѣсы и поясняется ихъ пагубное вліяніе на людей, при чемъ злому человѣку дается, въ дурномъ смыслѣ, предпочтеніе передъ бѣсомъ, ибо „злой человѣкъ и креста не боится“. Съ замѣчательнымъ простодушіемъ авторъ приписываетъ Святополку, взвѣшивающему свой поступокъ, убѣжденія догматическаго свойства: онъ до-

[29]) Все это мѣсто о вторичной смерти Бориса и о двухъ варягахъ очевидно вставлено въ послѣдствіи, при переписке, какъ и нѣкоторыя другія мѣста, на которыя укажемъ ниже.—Борисъ подъ перомъ одного автора не могъ два раза отдавать душу свою Богу. Въ Повѣсти времен. лѣтъ, гдѣ Борисъ умираетъ отъ варяжскаго меча, не сказано ранѣе того о его кончинѣ, хотя-бы и мимоя.

рожитъ одною земною выгодою и самъ себѣ доказываетъ, что онъ и безъ того уже вычеркнутъ изъ книги живота.

До Глѣба доходитъ другаго рода вѣсть: „отецъ твой боленъ“ посылаетъ ему сказать Святополкъ, „и зоветъ тебя къ себѣ“. И Глѣбъ спѣшитъ изъ Мурома съ малой дружиной [30]). Дорогою конь подъ нимъ споткнулся и упалъ въ ровъ и въ этомъ паденіи Глѣбъ надломилъ себѣ ногу. За Смоленскомъ, на р. Смядинѣ шелъ онъ въ кораблецѣ, какъ новая вѣсть пришла ему отъ Ярослава: “не иди въ Кіевъ, отецъ умеръ, а братъ Борисъ убитъ отъ Святополка“. Глѣбъ сталъ плакать объ отцѣ и о любимомъ единоутробномъ братѣ. Причитанье юнаго Глѣба о своемъ сиротствѣ и объ ужасной смерти брата написано въ самомъ трогательномъ стилѣ. Сцена встрѣчи Глѣба съ его убійцами есть лучшее мѣсто произведенія, по художественности.

Мы видѣли, что Борисъ предугадалъ опасность и, томясь предчувствіемъ, готовился къ смерти и подвигу. Глѣбъ же

---

[30]) „Какъ на признакъ позднѣйшаго происхожденія (сказанія) укажу еще на искаженный разсказъ о смерти Глѣба, будто-бы именемъ отца вызваннаго Святополкомъ изъ Мурома“ говоритъ Д. И. Иловайскій. Между тѣмъ въ Пов. вр. лѣтъ, въ древности которой не сомнѣвается нашъ ученый, разсказъ точно также невѣроятенъ (и пришедшю Глѣбу на Волгу)... Бутковъ доказалъ невѣроятность поѣздки Глѣба изъ Мурома въ Кіевъ въ такое короткое время, но изъ этого ничего другаго не слѣдуетъ, какъ только то, что повѣсть, воскрешая отдаленное былое, грѣшила противъ точности, а иногда и вѣроятія. Но и другое свѣдѣніе о Глѣбѣ тоже невѣроятно. Борисъ былъ убитъ 24 іюля, Глѣбъ бѣжалъ изъ Кіева тотчасъ-же и никуда не убѣжалъ до 5 сентября; онъ все еще плаветъ куда то, и убійцы настигаютъ его, ѣдущаго въ лодкѣ съ малымъ числомъ слугъ.

изображенъ у нашего автора безпечнымъ, довѣрчивымъ ребенкомъ. Когда лодка его повстрѣчалась съ лодками Горясѣра и его дружины, онъ обрадовался и сталъ грести на встрѣчу убійцамъ. Они, увидавъ его, сдѣлались сумрачными (омрачахуся и гребяхуся къ нему), а онъ ждалъ отъ нихъ „цѣлованія“. „И плыли они рядомъ. И злодѣи стали перескакивать въ его лодку и обнажили мечи свои блещащи аки вода. У гребцовъ Глѣбовыхъ весла выпали изъ рукъ и всѣ отъ страха помертвѣли. Борисъ послалъ миръ и прощеніе брату и молился за убійцъ, какъ мужъ, обдумавшій свой подвигъ, какъ христіанинъ, не хотѣвшій поднять руки на брата старѣйшаго; Глѣбъ, увидавъ, что хотятъ убить его, посмотрѣлъ на враговъ своихъ умиленными очами—весь слезами разливаяся, жалобно вопіялъ: не губите меня, братія милые и дорогіе, не губите меня. Чѣмъ обидѣлъ я брата моего и васъ, господъ моихъ? Если я сдѣлалъ дурное, ведите меня къ вашему князю, а къ моему брату и господину. Помилуйте юность мою, помилуйте и будьте моими господами, а я стану вашимъ рабомъ. Не пожинайте колоса, еще не зрѣлаго, не порѣжьте лозы, еще невыросшей. Это не убійство а бойня (се нѣсть убійство, нъ сыворѣзаніе). Я не жалуюсь; если хотите крови—я въ рукахъ вашихъ [31]). Они

[31]) Въ Стихирахъ св. Борису и Глѣбу, по списку нач. XIV в.: Возъписта Борисъ и Глѣбъ къ брату..... не убивай наю агньцю младу, не порѣжи лозы несотворшее плода. Не пожни класу несъзрѣлу (Срезневскаго—Древніе памятники русскаго письма и языка стр. 242). У Іакова же дословно такъ: „Не пожнѣте мене отъ житія несъзрѣла. Ни пожнѣте класа не оуже съзрѣвша, но млеко безлобія носяща. Не порѣжьте лозы не до конца възърастъшія.....

схватили его, а онъ взывалъ къ отцу, къ матери, къ братьямъ Ярославу и Борису, къ дружинѣ, потомъ опять къ отцу и наконецъ сталъ молиться. Тогда окаянный Горясѣръ повелѣлъ его зарѣзать, и поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, взялъ ножъ и закололъ блаженнаго. И принесеся Господеви жертва чиста, свята и благовонна, и взыде въ небесныя обители къ Богу".

Послѣ этого въ своемъ родѣ прекраснаго эпизода, Іаковъ переходитъ къ событіямъ борьбы Ярослава и Святополка. Судьба „новаго Каина", послѣ побѣды надъ нимъ Ярослава, обрисована мастерскою кистью. Побѣжденный, онъ обращается въ бѣгство и тутъ поражаетъ его ужасная болѣзнь. Погоня прекратилась, а ему все кажется, что его гонятъ, и лежа на постелѣ онъ твердитъ: „побѣжимъ, насъ гонятъ. Охъ мнѣ!" Онъ не можетъ остановиться въ своемъ бѣгствѣ и погибаетъ въ пустынѣ, между Ляшской и Чешской землею. Могила его, въ противуположность благоуханной могилѣ мучениковъ, представляется испускающею смрадъ золъ.

Прежде чѣмъ дойдти до исполненія гнѣва Божьяго надъ братоубійцею, авторъ останавливается на Ярославѣ, какъ на мстителѣ за смерть братьевъ. Три эпизода изъ исторіи борьбы Ярослава съ Святополкомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ. Всѣ они встрѣчаются въ лѣтописяхъ, какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ; въ древнѣйшихъ-же спискахъ нашего памятника ихъ нѣтъ, что свидѣтельствуетъ о томъ, что они вставлены позднѣйшими переписчиками изъ лѣтописей. Первый изъ этихъ эпизодовъ—избіеніе Ярославомъ Новогородцевъ и примиреніе съ ними въ виду похода на Святополка; второй—встрѣча Новогородцевъ съ Кіевлянами на берегахъ Днѣпра „а вы плотници суще что придосте съ хромцемъ"..... и третій—встрѣча

союзника Святополкова Болеслава съ Ярославомъ на р. Бугѣ: „воевода Буды нача укоряти и т. д.“ [32]). Если эти эпизоды и заимствованы изъ другихъ источниковъ позднѣйшими распространителями сказанія, то разсказъ о сраженіи при Альтѣ, рѣшившемъ дѣло междоусобія, несомнѣнно принадлежитъ автору повѣсти. Ярославу тутъ влагаются въ уста молитвенныя слова; на мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ Борисъ, онъ говоритъ: „Се кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ, Владыко, яко же и Авелева“ и т. д. Сравнивъ погибшаго Святополка съ Каиномъ, Ламехомъ и Іуліаномъ цесаремъ, авторъ оканчиваетъ кровавую драму междоусобія словами: „и оттолѣ крамола преста въ Рустѣй земли и Ярославъ прія всю власть земля Рускыя.

Открытіе мощей есть существенное подтвержденіе святости убитыхъ князей. Съ разсказомъ объ обрѣтеніи нетлѣнныхъ тѣлъ мучениковъ авторъ соединяетъ хвалебныя свои моленія, искусно составленныя и проникнутыя любовью ко всей землѣ Русской. Сравнивая братьевъ-мучениковъ съ св. Димитріемъ, а Вышьгородъ съ Солунью, Іаковъ вновь, и быть можетъ не безъ намѣренія, приводитъ христіанское имя любившаго его Изяслава-Димитрія.

Молитвою къ заступникамъ Русской земли и къ Богу

---

[32]) Эти эпизоды по слогу, способу выраженія и содержанію рѣзко выдѣляются изъ повѣсти. Отсутствіе ихъ въ древнѣйшихъ спискахъ подтверждаетъ ихъ вставку. Эпизодъ о красотѣ Бориса, нарушающій технику нашей повѣсти, вставленъ также для полноты и не у мѣста: такъ какъ онъ слѣдуетъ послѣ заключительнаго прославленія св. Троицы и передъ сказаніемъ о чудесахъ.

милосердному стройно оканчивается самая повѣсть о князьяхъ-мученикахъ [33]).

Сказаніе о чюдесѣхъ святою страстотерпцю есть какъ-бы новая повѣсть съ своимъ особымъ вступленіемъ. Перенесеніе мощей въ новую церковь, при Изяславѣ, отличается у нашего автора не измышленіемъ, а живыми, наглядными подробностями, свидѣтельствующими о томъ, что авторъ былъ очевидцемъ этого духовнаго торжества [34]).

Разсказы о чудесахъ съ 1072 года конечно не могли существовать до Нестора, ибо Несторъ говоритъ о нихъ, какъ очевидецъ. Разсказы эти, равно какъ и повѣствованіе о перенесеніи мощей, во времена Владиміра Мономаха, не входятъ въ тѣ списки Іаковлева произведенія, которымъ Архіеп. Макарій придаетъ значеніе списковъ первичной редакціи. (Ист. Р. церкви, II, стр. 147).

Древнѣйшая, дошедшая до насъ повѣсть есть протестъ противъ крамолы и междоусобія. „Се коль добро и коль красно еже жити братома вкупѣ“ восклицаетъ авторъ послѣ приведеннаго нами выше мѣста о чистой жертвѣ, принесенной Богу въ лицѣ мученика Глѣба.

---

[33]) И тутъ вдругъ говорится о достоинствахъ и наружномъ видѣ Бориса. Очевидная вписка, быть можетъ по ошибкѣ поставленная не на свое мѣсто.

[34]) Въ дверехъ ста рака не поступящи..... Святославъ имъ руку митрополичю держащу святаго руку, прилагаше къ вреду имъ же боляше на шіи, и ко очима и къ темени.... и Святославъ рече къ Берновии.... и сия клобукъ и видѣ Беричь ноготь святаго Глѣба, „снять съ главы и вдасть Святополку“.

b) Повѣсть Нестора.

За Іаковомъ Мнихомъ выступаетъ другая авторская личность—преподобнаго Нестора, діакона въ Печерской обители, автора, называющаго себя по имени, въ написанномъ имъ-же житіи преподобнаго Ѳеодосія, гдѣ онъ говоритъ, что написалъ и о Борисѣ и Глѣбѣ. Дошедшее до насъ „*Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба*“ весьма отличается отъ разобраннаго нами произведенія Іакова. Несторъ не знаетъ Іаковлева сочиненія подобно тому, какъ и въ описаніи жизни Ѳеодосія онъ не знаетъ сказанія Ѳеодосіева самовидца [35]). Несторъ—это писатель наиболѣе книжный. Несклонный обрисовывать событіе живыми чертами, онъ по канвѣ слабаго преданія обыкновенно старается воспроизвести образы, наиболѣе подходящіе къ идеальнымъ представленіямъ церковной литературы житій святыхъ угодниковъ. Онъ дѣлаетъ прославляемыхъ имъ свя-

[35]) Д. И. Иловайскій говоритъ: „нѣтъ вѣроятія, чтобы Несторъ не зналъ и не упомянулъ о трудѣ, сдѣланномъ до него другимъ Печерскимъ инокомъ, еслибы таковой трудъ существовалъ“. Однако же разсказъ о кончинѣ Ѳеодосія, писанный самовидцемъ, существовалъ и писанъ былъ также Печерскимъ инокомъ, а Несторъ не знаетъ этого труда и совсѣмъ не упоминаетъ о немъ. Да и долго-ли былъ Іаковъ Печерскимъ инокомъ? Не существовало ли своего рода литературное соперничество между писателями Печерской обители и княжьими городскими монахами? „Не могъ бы Несторъ“—продолжаетъ г. Иловайскій „исключительно приписать себѣ сочиненіе, въ которомъ только сокращалъ Іакова Мниха“. Внимательное чтеніе обоихъ памятниковъ показываетъ, что вопросъ о томъ, что одинъ изъ авторовъ сокращалъ другаго, не имѣетъ мѣста.

тыхъ какъ-бы гражданами общечеловѣческаго идеальнаго міра. Холодный, величавый разсказъ его связываетъ святой подвигъ Бориса и Глѣба съ событіями всемірнаго значенія.

Повѣсть начинается издалека, отъ Адама и Евы, отъ исторіи грѣхопаденія. Дойдя не безъ цѣли до Каина и Авеля, повѣствователь удерживается отъ изложенія судебъ ветхозавѣтной церкви: „нъ не продолжю рѣчи, но въскорѣ извѣщаю“ и прямо переходитъ къ послѣдствіямъ грѣхопаденія и къ искупленію рода человѣческаго. Разсказавъ объ Іисусѣ Христѣ съ главныхъ сторонъ Его дѣяній, отъ воплощенія до вознесенія на небо, Несторъ переходитъ къ апостоламъ, продолжавшимъ Его дѣло проповѣди и чудотвореній. „Умножившимся христіаномъ и требы идольскія упразднишася и погибоша, но только Русская земля оставалась въ прелести бѣсовской. Никто имъ не проповѣдывалъ слова Божія и апостолы туда не заходили. Наконецъ Богъ въ послѣдніе дни смилосердился надъ Русью“. Притчею о дѣлателяхъ, призванныхъ въ виноградъ въ одинадцатомъ часу, авторъ поясняетъ особое милосердіе Божіе къ тѣмъ, кто позднѣе другихъ призванъ въ царствіе Его.

Прославленіе Владиміра, отложенное Іаковомъ до другого времени, является у Нестора существенною частью повѣсти. Несторъ не находитъ нужнымъ называть по именамъ сыновей Владиміра; онъ говоритъ только о двухъ „звѣздахъ свѣтлыхъ, возсіявшихъ посреди тьмы“ Борисѣ и Глѣбѣ. Имѣя въ виду написать не только сказаніе о подвигѣ св. братьевъ, но и житіе ихъ, Несторъ не начинаетъ своего разсказа, подобно Іакову, со смерти св. Владиміра, но повѣствуетъ и о томъ, какъ вообще Борисъ и Глѣбъ проводили жизнь свою. Они жили, по его словамъ, при отцѣ. Борисъ былъ наученъ гра-

матѣ и проводилъ время въ чтеніи житій и мученій святыхъ и всегда молилъ Бога удостоить его идти по стопамъ ихъ. Юный Глѣбъ слушалъ чтеніе и молитвы старшаго брата и хотя былъ „дѣтескъ тѣломъ“, но за то умомъ старъ. Подобно отцу, онъ былъ милостивъ къ нищимъ, вдовицамъ и сиротамъ. Бориса въ крещеньи назвали Романомъ, а Глѣба Давидомъ.

Тогда какъ Іаковъ Мнихъ совсѣмъ не упоминаетъ о христіанскихъ именахъ св. братьевъ, Несторъ отыскиваетъ сходство между каждымъ изъ прославляемыхъ имъ князей съ тезоименитымъ ему святымъ. Какъ въ житіяхъ восточныхъ и западныхъ святыхъ достигшій возраста угодникъ, возжаждавшій спасенія, неохотно принимаетъ на себя узы брака и часто бѣжитъ ихъ, такъ и Борисъ будто-бы не хотѣлъ жениться, но бывъ умоленъ отцемъ, женился „не похоти ради тѣлесныя, но ради закона цесарьскаго и послушанія отцу“. Врагъ рода человѣческаго, не терпя добродѣтелей Бориса, вошелъ въ сердце брата его, „иже бѣ старѣй ему—Святополкъ“. Страстный, нечестивый Святополкъ у Іакова—на первомъ планѣ. У него есть что-то заклято—враждебное къ личности этого нелюбимаго Кіевлянами князя, опозореннаго при самомъ рожденіи на свѣтъ. У Нестора Святополкъ является безцвѣтнымъ орудіемъ духа злобы, воздвигающаго брань на святаго. Начитанный авторъ изыскиваетъ новое сравненіе: Владиміръ съ своею любовью къ младшимъ сыновьямъ напоминаетъ ему древняго Іакова съ Іосифомъ и Веніаминомъ.

Борисъ и Глѣбъ у Нестора очерчены одинаковыми чертами: они оба одинаково умудрены Божественнымъ писаніемъ. Глѣбъ также сознательно, какъ и Борисъ, дѣлаетъ свой послѣдній шагъ. Онъ предчувствуетъ опасность

и предается въ руки убійцамъ съ цѣлью спасти своихъ приближенныхъ отъ напрасной смерти. Передъ кончиною онъ не проситъ пощады: „святый Глѣбъ молчалъ, какъ агнецъ незлобивый, весь умъ имѣлъ къ Богу и, воззрѣвъ на небо, молился“. Такимъ образомъ безцвѣтность въ изображеніи обоихъ братьевъ и подведеніе ихъ подъ одинъ общій типъ составляетъ существенное отличіе повѣсти Нестора отъ произведенія Іакова Мниха.

Любя обобщеніе и вводя повѣсть свою въ кругъ житій святыхъ угодниковъ, Несторъ какъ будто съ умысломъ старается избѣжать собственныхъ именъ. У него Путша и сообщники его называются мужами неистовыми; вмѣсто Печенѣговъ вездѣ ратніи, безъ обозначенія народности; даже вѣрный отрокъ Бориса не названъ по имени. Несторъ не называетъ удѣла, даннаго Борису отцемъ и не даетъ имени рѣки, по которой плылъ Глѣбъ, когда его встрѣтили убійцы. Со стороны самихъ фактовъ Несторъ противорѣчитъ Іакову въ слѣдующемъ: 1) У него Глѣбъ узналъ прежде Бориса (ушедшаго на войну) объ умыслѣ Святополка и бѣжалъ въ кораблецѣ вверхъ по Днѣпру [36]) 2) Борисъ не предчувствуетъ опасности, радуется вокняженію Святополка и первое время не вѣритъ тѣмъ, кто извѣщаетъ его о намѣреніяхъ старшаго брата. Онъ повѣрилъ только тогда, когда узналъ о бѣгствѣ Глѣба.

---

[36]) Глѣбъ убѣжалъ и не былъ настигнутъ убійцами своевременно. Это на столько же неправдоподобно, какъ и быстрое путешествіе изъ Мурома въ Кіевъ. Очевидно, что преданіе о Глѣбѣ, почему онъ былъ около Смоленска, не сохранилось въ точности. Не ѣхалъ-ли онъ къ Ярославу въ Новгородъ путемъ верховьевъ Днѣпра и истоковъ Ловати?

У Нестора нѣтъ ни нѣжныхъ воззваній Бориса къ отцу и брату, ни краснорѣчивыхъ и умилительныхъ причитаній отроковъ Борисовыхъ. О судьбѣ Святополка Несторъ говоритъ въ общихъ выраженіяхъ, что Богъ не попустилъ „окаянному“ избить всѣхъ своихъ братьевъ и что онъ, въ слѣдствіе крамолы въ народѣ, изгнанъ былъ изъ города и области своей и „скончалъ злѣ животъ свой въ странѣ чужой“. Ярославъ здѣсь вовсе не представленъ мстителемъ за смерть братьевъ. Оканчивая повѣсть свою, Несторъ, подобно Іакову, говоритъ о погребеніи святыхъ братьевъ и тутъ только впервые упоминаетъ о Ярославѣ: „Пріялъ власть братъ блаженныхъ братьевъ—именемъ Ярославъ. Онъ былъ праведенъ и тихъ и ходилъ въ заповѣдяхъ Божіихъ“. Заключительныя слова житія есть какъ-бы послѣсловіе и введеніе въ новую повѣсть о чудотвореніяхъ отъ гроба мучениковъ. Сказавъ, что онъ окончилъ одно произведеніе (списахъ о житіи и погубленіи) и что переходитъ къ другому (чюдесъ мало нѣчто исповѣмы) авторъ придастъ послѣднимъ словамъ своимъ требуемую образцовыми житіями форму прославленія Святой Троицы съ заключительнымъ „аминь“.

Въ разсказѣ о чудесахъ тотъ-же пріемъ въ избѣжаніи собственыхъ именъ людей и городовъ (старѣйшина, властелинъ града, нарочитый градъ). Сперва идутъ чудеса, совершенныя при Ярославѣ, потомъ говорится о кончинѣ этого князя, создателя храмовъ Божіихъ, и о принятіи власти Изяславомъ, при которомъ также совершились чудеса отъ гроба св. Бориса и Глѣба. Подобно Іакову, Несторъ разсказываетъ о чудесахъ, бывшихъ при перенесеніи мощей въ новую церковь: о невѣріи митрополита и паденіи ногтя отъ руки святаго на главу Святослава Ярославича. Но живыхъ подробностей, какія видимъ

у Іакова при описаніи послѣдняго чуда, нѣтъ. Несторъ не перечисляетъ даже духовныхъ особъ, пришедшихъ на праздникъ; онъ помнитъ только одно имя—прославленнаго имъ-же Ѳеодосія: „Бѣ же, и черноризць множество собралося изъ монастырь своихъ, въ нихъ же бѣ преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій, игуменъ монастыря Печерскаго, свѣтяся аки солнце посредѣ ихъ“. Два чуда переданы Нестором, какъ свидѣтелемъ, но и тутъ онъ остался вѣренъ себѣ и не сошелъ съ почвы искусственнаго отдаленія отъ дѣйствительности: „Въ единъ же отъ дній вошедшю ми нѣкоего ради орудія въ градъ и сѣдшю ми на единемъ мѣстѣ и се пришедши жена нѣкая сѣде близь мене, ея же нѣсмь зналъ да и до нынѣ. Повѣдаше бо ся изъ инаго града пришедши..,.. [37]). И се паки инъ повѣдаше ми глаголя, яко бѣ нѣ въ коемъ градѣ человѣкъ слѣпъ.....

Похвалу мученикамъ и граду, гдѣ лежатъ ихъ мощи, Несторъ оставляетъ до конца сочиненія, гдѣ и просвѣчиваютъ у него впервые современные ему интересы. Онъ ставитъ святыхъ братьевъ въ примѣръ современнымъ князьямъ: мнози бо суть нынѣ дѣтьскы князи не покорящеся старѣйшимъ и супротивящеся имъ и убиваеми суть. Ти не суть такой благодати сподоблени. Іаковъ осторожнѣе и

[37]) Не смотря на книжную манеру и искусственность, изглаживающую живыя краски событія, въ разсказѣ о чудѣ, случившемся съ женою „нѣкоею“ есть одно живое и не безъинтересное для археолога мѣсто: „она же стояше въ притворѣ церковнемъ, молящися, и се внезапу испадоста ей златіи колци, иже пошаше въ оушію своею и кочьшися легоста оу раки святою.“

безъ явнаго укора восхвалятъ братолюбіе. Несторъ, какъ видно, былъ не княжій человѣкъ и не писалъ своего произведенія съ цѣлью прославить съ Борисомъ и Глѣбомъ весь родъ князей Русскихъ.

Похвала оканчивается смиреннымъ послѣсловіемъ: Се же азъ Нестеръ грѣшный о житіи и о погубленіи и о чюдесѣхъ святою и блаженною страстотерпцю сію опасиѣ вѣдущихъ исписавы [38]), а другая самъ свѣды. Отъ многихъ мала вѣписахъ, да почитающе славятъ Бога. Молю же вы.... вспоминайте мя и глаголите: Боже, молитвами преблаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба очисти грѣхи списавшаго си и т. д.

Своему стройному повѣствованію Несторъ придалъ названіе повѣсти [39]). Возвышая свое произведеніе до общечеловѣческаго и церковнаго, Несторъ здѣсь, какъ и въ Житіи Ѳеодосія, ставитъ себя, смиреннаго и грѣшнаго, у подножія имъ прославленныхъ святыхъ. Это признаніе своего авторства и самые литературные пріемы, заимствованные изъ образцовыхъ житій греческихъ, упрочили за Несторомъ память въ обители Ѳеодосія. Его громкому имени въ послѣдствіи приписывались и другія, чуждыя его перу, литературныя произведенія XI вѣка.

Позднѣе, когда въ теченіи вѣковъ, усердно переписываемыя и распространявшіяся по Русской землѣ, житія Бориса и Глѣба проникли въ народъ, то и онъ запѣлъ духовный стихъ о князьяхъ мученикахъ.

---

[38]) Г. Иловайскій читаетъ испытавы.

[39]) Таче быша сынове многи оу Владимера, въ нихъ же бѣста и святая сія, отъ него же и повѣсть сія есть.

Обобщеніе Несторово дошло въ народномъ стихѣ до крайнихъ предѣловъ, и обѣ личности князей совершенно ничѣмъ одна отъ другой не отличаются. Братья княжатъ въ одномъ и томъ-же городѣ; Святополкъ пишетъ имъ обоимъ вмѣстѣ грамату; мать обращаетъ къ нимъ обоимъ свою рѣчь, свое эпическое материнское предостереженіе:

Возлюбленные мои чада,
Святые князья, благовѣрные,
Не ѣздите вы къ большому брату,
Къ старѣйшему брату Святополкію.

Въ народномъ стихѣ Борисъ и Глѣбъ неразрывны, какъ Касторъ и Полуксъ. Въ симметріи стоятъ они передъ Святополкомъ и просятъ у него пощады: „Борисъ упалъ ему въ правую ногу, Глѣбъ упалъ въ лѣвую“. Бориса пронзили копьемъ, Глѣба зарѣзали ножемъ: вотъ однако-же черта разъединенія, сквозь которую проглядываетъ историческая правда.— Такое-же обобщеніе Бориса и Глѣба замѣчаемъ и въ стихирахъ, писанныхъ для церковной службы, гдѣ такъ-же какъ и въ народныхъ пѣсняхъ говорится и о плачѣ матери. Похвальныя молитвы, прославляющія братьевъ мучениковъ, проникнуты чувствомъ любви къ отечеству, и въ нихъ Борисъ и Глѣбъ являются заступниками земли Русской.

Духъ и направленіе обѣихъ повѣстей переходятъ и въ другіе памятники литературы повѣствовательной, поучительной и хвалебной. Князья, убитые измѣною, какъ Ярополкъ, сынъ Ярослава I-го, Андрей Боголюбскій, или погибшіе въ Ордѣ, какъ Михаилъ Тверской, обыкновенно сравниваются лѣтописателями съ Борисомъ и Глѣбомъ, убійцы-же ихъ съ Горясѣромъ. Тѣ изъ князей, которые готовятся къ подвигу и смерти,

воодушевляются, по свидѣтельству повѣствователей, примѣромъ святыхъ братьевъ.

Жертвы междоусобія, Борисъ и Глѣбъ, являются загробными примирителями князей. У гроба св. братьевъ Святополкъ Михаилъ снялъ оковы съ племянника своего Ярослава Ярополчича. Предстательству этихъ святыхъ приписываются многія побѣды послѣдующихъ временъ и между прочимъ побѣда Александра надъ Шведами, въ землѣ Ижорской. Передъ побѣдой на берегахъ Невы они явились одному мужу, который стерегъ путь отъ враговъ на берегу моря и не спалъ всю ночь. Съ восходомъ солнца зашумѣло море и на волнахъ показалась лодка. Гребцы были одѣты мглою, въ срединѣ-же стояли святые мученики Борисъ и Глѣбъ въ красныхъ одеждахъ. И сказалъ Борисъ, „брате Глѣбе, повели грести, да поможемъ сроднику своему Александру“. Принявшій смерть въ лодкѣ Глѣбъ и въ загробномъ мірѣ является повелителемъ гребцовъ.

Въ своемъ воззваніи къ Тверичамъ молитвенно вспоминаетъ святыхъ братьевъ вел. князь Александръ Михайловичъ, когда онъ готовится напасть на Татаръ. Въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ говорится, что Борисъ и Глѣбъ, наравнѣ съ другими святыми и полкомъ ангеловъ, помогали Димитрію.

Такимъ образомъ исторія, литература и народная поэзія свидѣтельствуетъ о значеніи, какое имѣли на Руси повѣсти, прославившія князей, первомучениковъ новой Русской церкви.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

—

Повѣсти о св. Владимірѣ:

Хвалебная повѣсть Іакова Мниха. Житіе, или испытаніе. Другія повѣствованія, какъ церковнаго, такъ и дружиннаго характера и ихъ размѣщенье въ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Въ началѣ предъидущей главы мы видѣли, что прославленіе св. князей Бориса и Глѣба вызвало въ повѣствователяхъ о ихъ подвигѣ потребность прославить и отца ихъ, крестившаго Русскую землю. Несторъ съумѣлъ соединить эти двѣ задачи и сравненіемъ Владиміра съ св. Евстафіемъ Плакидою показалъ въ князѣ—просвѣтителѣ человѣка предъизбраннаго и непосредственно озареннаго откровеніемъ свыше. Іаковъ Мних сдержалъ обѣщаніе, данное имъ читателю, въ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ, инде сказать о добродѣтеляхъ Владиміра. Сочиненіе его, написанное въ похвалу равноапостольному князю, озаглавлено слѣдующимъ образомъ: *Память и похвала князю Русскому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю Русскую отъ конца и до конца и како крестися баба Владимерова Олга преже Во-*

лодимера. Списано Іаковомъ Мнихомъ. Господи благослови, отче [40]).

Подобно Нестору, Іаковъ полагаетъ, что Владиміръ былъ предъуготовленъ къ принятію вѣры христіанской съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Но подвигъ князя вызываетъ воспоминаніе о бабѣ его, Ольгѣ, вліянію которой приписывается то, что сердце внука разгорѣлось святымъ Духомъ, хотя святаго крещенія. Проникаясь словами апостола Павла къ Тимофею: „и что слышалъ ты отъ меня черезъ многихъ свидѣтелей, то передай вѣрнымъ людямъ, которые способны будутъ и иныхъ научить“, и стараясь слѣдовать примѣру апостола Луки, рѣшившагося писать Ѳеофилу о дѣяніяхъ апостоловъ „понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вещехъ“ [41]), Іаковъ какъ-бы готовится подробно повѣствовать о дѣяніяхъ Владиміра. Свое вступленіе онъ оканчиваетъ припоминаніемъ и о другомъ трудѣ своемъ: „написахъ и о сыну его, реку-же святую и славную мученику Бориса и Глѣба“, причемъ вновь называетъ себя „худымъ мнихомъ Іаковомъ“. Однакоже самое сочиненіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ вступленію: изъ повѣствовательнаго оно вскорѣ переходитъ въ хвалебное. Причина такого перехода повѣсти въ панегирикъ заключается быть можетъ въ томъ, что подвигъ Владиміра въ XI столѣтіи былъ излюбленнымъ предметомъ похвальныхъ сочиненій. Съ похвалою Владиміру соединена похвала и Ольгѣ, при чемъ разсказы-

---

[40]) Сохранилось въ спискахъ не ранѣе XVI в., напечатано въ Хр. Чтен. 1849, II, и въ Приложеніи къ I т. Исторіи Русской церкви архіеп. Макарія.

[41]) „Тексты въ этомъ сочиненіи приведены по какому-то древнему, а не по нынѣшнему переводу“ (замѣчаніе архіеп. Макарія).

вается о гробѣ ея въ Десятинной церкви [42]). Кромѣ подвига принятія вѣры Іаковъ повѣствуетъ и о другой основной добродѣтели Владиміра—милосердіи. Эта добродѣтель равно отмѣчена и Несторомъ въ житіи Бориса и Глѣба, а именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ говоритъ, что Глѣбъ былъ милостивъ къ бѣднымъ, подражая тѣмъ отцу своему. Іаковъ говоритъ о милостынѣ немощнымъ и старымъ, которые не въ силахъ дойдти, въ день праздничный, до княжьяго двора, но безъ тѣхъ подробностей о припасахъ, развозимыхъ по бѣднымъ, какія видимъ у Нестора (въ житіи Бориса и Глѣба) и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ [43]).

---

[42]) „Ино чюдо слышите о ней: въ гробѣ, идеже лежитъ честное тѣло блаженныя княгини Олги, гробъ каменъ малъ въ церкви святыя Богородица —туцерковь създа блаженный князь Володимерь.... и на верху гроба оконце сътворено и туда видѣти тѣло блаженыя Олги лежаще цѣло, да иже с'вѣрою придеть, отворится оконце и видѣтъ честное тѣло лежаще цѣло".

[43]) Разсказъ о милостыни Владиміра считаемъ мы за весьма древнюю запись, вошедшую въ различные памятники письменности второй половины XI столѣтія, то въ первоначальномъ своемъ видѣ, съ бытовыми подробностями (у Нестора въ Житіи Бориса и Глѣба и въ Повѣсти времен. лѣтъ), то въ пересказѣ (въ Похвалѣ Іакова Мниха и въ Житіи Владиміра).

Считаю не лишнимъ привести эти соотвѣтствующія мѣста, какъ въ первоначальномъ видѣ, такъ и въ пересказѣ.

Житіе Бориса и Глѣба:	Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лавр. списку:
Бѣ бо отецъ его (Глѣба) тако милостивъ, яко же и на возѣхъ возити брашно по граду, и овощь, и	Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою Евангеліе чтомо

Сравнивъ гостепріимнаго во славу Божію Владиміра съ святыми мужами Библіи, Іаковъ останавливается на обычаѣ

медъ, и вино, и спроста рещи, все еже на потребу болящимъ и нищимъ, и проповѣднику глаголющу съ прошеніемъ: еда болить кто кде.....

у Іакова Мниха:

Болѣ же всего бяше милостыню творя князь Володимеръ: иже немощніи и старци не можаху донти княжа двора и потребу взяти, то въ дворъ имъ посыляше. И не могу сказати многыя его милостыня: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единѣмъ, но по всей земли Русской, и въ градѣхъ и въселѣхъ... нищая и сироты, и вдовица и слѣпыя, и хромыя и трудоватыя, и всѣ милуя и одѣвая, и накормя и напоя".

..... си слышавъ повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье, и яденье и отъ скотьницъ купами. Устрои же и се, рекъ: яко немощніи и болніи не могутъ долѣзти двора моего. Повелѣ пристрои кола; въ складше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу въпрошающимъ: кдѣ болніи и нищь не могы ходити и тѣмъ раздаваху на потребу.

Въ Житіи или Испытаніи Владиміра:

Бѣ бо велми милостивъ, по словеси Господни. Бяху же нищи приходяще надворъ его по вся дни, и ріпмаху кто чего требоваше; а недужнымъ, немогущимъ ходити, повелѣ слугамъ, да в'домы приносять имъ".

праздновать свѣтло господскіе праздники и поставлять три трапезы: „первую митрополиту съ епископы и съ черноризцы и съ попы, вторую нищимъ и убогимъ, третью себѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ“. За добрыя дѣла, по словамъ Іакова, рука Божія во всемъ помогала Владиміру, и онъ побѣждалъ всѣхъ враговъ своихъ; куда ни шелъ войною, вездѣ одолѣвалъ. „Радимичи побѣди и дань на нихъ положи. Вятичи побѣди и дань на нихъ положи на обоихъ. И Ятъвягы взя и сребреныя Болгары побѣди и Козары шедъ побѣди я“. Побѣды Владиміра сводятся на главную побѣду—взятіе Корсуня, града греческаго, о которомъ Владиміръ, уже христіанинъ, молился въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Господи Боже, сего у тебе прошу, даси ми градъ сей, да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю и да научатъ люди закону крестьянскому“.—Мнѣніе о томъ, что Владиміръ крестился въ своемъ отечествѣ, а не въ Корсунѣ, существовало на Руси до появленія первой нашей лѣтописной хроники. Составитель лѣтописца говоритъ: „се же не свѣдуще глаголютъ, яко крестилъся есть (Владиміръ) въ Кіевѣ, инии же рѣша Василеви“ (Повѣсть врем. лѣтъ по Лавр. списку). Авторамъ хвалебныхъ повѣстей, всегда субъективнымъ и способнымъ увлекаться своимъ книжнымъ замысломъ,

---

Прибавимъ къ этому соотвѣтствующее мѣсто изъ старѣйшаго памятника: Похвалы Владиміру, писанной митрополитомъ Иларіономъ: кто исповѣсть многія твои щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сиромъ же и къ болящимъ, къ должникомъ и ко всѣмъ требующимъ милостиѵ..... твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаеми суть.

легче всего было впадать въ неточности и ошибки, особенно-же въ то время, когда повѣсть о быломъ, въ формѣ лѣтописнаго свода, не была у нихъ въ рукахъ.

Передъ кончиною Владиміра, о которой говорится безъ всякихъ бытовыхъ подробностей, авторъ влагаетъ бывшему язычнику въ уста молитву, проникнутую сознаніемъ грѣховъ, совершенныхъ въ „поганствѣ“. Проводивъ душу Владиміра въ міръ, гдѣ ее приняли ангелы и гдѣ отъ руки Божіей она получила вѣнецъ красоты, авторъ останавливается на погодномъ перечнѣ событій Владимірова княженія, воспользовавшись, по всей вѣроятности, готовою повременною записью. „Онъ скончался 28 лѣтъ по крещеніи, на другое лѣто ходилъ къ порогамъ, на третье Корсунь городъ взялъ; на четвертое церковь каменную святыя Богородицы заложилъ, а на пятое Переяславль заложилъ“. Послѣднее событіе въ особенности важно было для Іакова Мниха, пришедшаго изъ Переяславля въ Кіевъ. „Въ девятое лѣто (по крещеніи) десятину вда церкви святѣй Богородици и отъ имѣніа своего“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ разсматриваемаго нами памятника тѣмъ и кончается Похвала Владиміру. За то въ другихъ спискахъ за этимъ слѣдуютъ лѣточисленныя данныя для событій времени, предшествовавшаго крещенію Руси. Отмѣчены годы гибели Олега (Святославича) у Овруча и убіенія Ярополка мужами Владиміровыми. „И сѣлъ Владимеръ въ Кіевѣ въ 8 лѣто по убіеніи отца своего, 11 іюня 6486 г. крестился же Владимеръ въ 10-е лѣто по убіеніи Ярополка“. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть стремленія повѣствователя прикрѣпить идеальное къ реальному, святое къ земному, наложить на житіе или повѣсть печать лѣтописной достовѣрности.

Таковы то были зачатки исторіи въ повѣстяхъ, прославлявшихъ святыхъ князей Русскихъ.

Владиміръ просвѣтитель былъ средоточіемъ интересовъ древнѣйшихъ Русскихъ писателей. Повѣствованіе о принятіи имъ вѣры Христовой должно было быть одною изъ первыхъ поучительныхъ повѣстей и вмѣстѣ драгоцѣннымъ воспоминаніемъ о событіи первостепенной важности. По мнѣнію ученыхъ (архіеп. Макарія, Сухомлинова) Повѣсти временныхъ лѣтъ предшествовало болѣе древнее *Житіе Владиміра*, или *Испытаніе блаженнаго князя Владиміра*. Памятникъ этотъ однако-же весьма ошибочно приписывается все тому-же Іакову Мниху. Житіе Владиміра, или Испытаніе, начинается слѣдующими словами: „Сице убо бысть преже сихъ лѣтъ сущю самодержцю всея Рускыя земля Володимеру, вънуку-же Ольжину, а правнуку Рюрикову..... ходиша же слугы его въ Болгары и въ Нѣмци и видѣша скверпая дѣла ихъ и оттолѣ идоша въ Царьградъ“....

Содержаніе этой повѣсти составляетъ: отчетъ слугъ Владиміровыхъ о богослуженіи Болгаръ, Нѣмцевъ и въ Цареградѣ; затѣмъ слѣдуетъ исторія взятія Корсуня: осада, измѣна Апастаса, пустившаго грамату на стрѣлѣ о перенятіи колодцевъ, окончательное взятіе города; сватовство за царевну, крещеніе и исцѣленіе Владиміра; наконецъ—возвращеніе въ отечество, истребленіе идоловъ, торжественное крещеніе Кіевлянъ, созданіе Десятинной церквы. Восхваленіе милостыни Владиміра и описаніе смерти его съ бытовыми подробностями, какія видимъ въ Повѣсти Іакова о Борисѣ и Глѣбѣ, заключаетъ разсказъ [44]).

[44]) Умре же на Берестовѣмь и потаиша и; бѣ бо Святополкъ въ Кіевѣ (у Іакова: Святополкъ потаи смерть

Сверхъ того повѣсть украшена вставленными въ нее похвалами Владиміру, при чемъ этотъ князь сравнивается сперва съ Моисеемъ, а потомъ съ Константиномъ. Молитвенныя воззванія къ просвѣтителямъ Константину и Владиміру заканчиваютъ повѣсть, имѣющую характеръ хвалебнаго и умилительнаго произведенія.

Сходство этой повѣсти съ существенною частью повѣствованія о Владимірѣ, въ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ, привело, какъ мы уже сказали, нѣкоторыхъ ученыхъ къ убѣжденію, что „Житіе Владиміра“ есть первоисточникъ [45]). Преосв Макарій, на основаніи выраженія: „малымъ преже сихъ лѣтомъ“, встрѣчающагося и въ сочиненіи Іакова Мниха о Борисѣ и Глѣбѣ, равно какъ и на основаніи одинаковаго тамъ и здѣсь описанія погребенія Владиміра, приписываетъ и „Житіе Владиміра“ тому же Іакову. Воззванія къ равноапостольному

отца) и нощію же межи клѣтьми пріимавше помость, въ ковръ опрятавше и ужи свѣсиша на землю и положиша на сани, везше поставиша се в'свитѣй Богородици, юже бѣ самъ создалъ“.

[45]) У Сухомлинова (О древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ стр. 75—77) между прочимъ говорится: „Въ житіи есть такія извѣстія, какихъ не находимъ въ лѣтописи. Такъ, въ послѣдней говорится о низверженіи одного Перуна, а въ Житіи читаемъ: Волоса идола, его же именоваху скотья бога, велѣ въ Почайну воврещи, Перунаже повелѣ привязати к'коневи, къ хвосту и т. д. Въ лѣтописи нѣтъ также и сравненія Владиміра съ Моисеемъ. При томъ Житіе, даже и въ позднѣйшихъ спискахъ, подвергавшихся измѣненію, имѣетъ видъ отдѣльной статьи, а не извлеченія“.

Прибавимъ къ сему, что языкъ Житія, несмотря на древность содержанія, подновленъ во всѣхъ, дошедшихъ до насъ спискахъ.

Константину, по словамъ высокоуважаемаго автора Исторіи Русской церкви, напоминаютъ „Похвалу“ Іакова. На это мы замѣтимъ, что выраженіе: „малымъ преже сихъ лѣтомъ“ есть выраженіе слишкомъ общее и нисколько не указываетъ на близость автора къ эпохѣ крещенія Руси. Принявшіе христіанство позднѣе другихъ народовъ Русскіе называли себя долго новыми христіанами, призванными къ Богу въ послѣднія времена. Мѣсто о погребеніи Владиміра, встрѣчающееся во многихъ памятникахъ, могло быть первоисточникомъ и для Іакова. Третье сходство—сравненіе Владиміра съ царемъ Константиномъ; оно уже встрѣчается и въ старѣйшемъ памятникѣ XI-го столѣтія—въ „Похвалѣ“ Иларіона митрополита. Владиміръ и Ольга, по сходству подвига и благочестія, ближе всего подходили къ Константину и Еленѣ. Сопоставленіе нашихъ равноапостольныхъ съ греческими во всякомъ случаѣ было сдѣлано прежде Іакова Мниха.

При незначительномъ сходствѣ, отличіе „Житія, или Испытанія“, отъ „Похвалы“ Іаковлевой весьма существенно. Іаковъ, подобно Нестору (въ житіи Бориса и Глѣба) починъ въ дѣлѣ принятія вѣры приписываетъ самому Владиміру, отчасти и Ольгѣ, а о послахъ-же и проповѣдникахъ совсѣмъ не упоминаетъ; тогда какъ въ „Житіи Владиміра“ починъ принадлежитъ посламъ, восхитившимъ князя разсказомъ о небесной красотѣ Царяграда, да боярамъ, напомнившимъ Владиміру о его бабѣ, Ольгѣ. Храбрость Русскихъ при взятіи Корсуня въ „Житіи“ подвергнута сомнѣнію; между тѣмъ какъ Іаковъ совсѣмъ не упоминаетъ о заслугѣ Анастаса. Сравненіе Владиміра съ Константиномъ въ „Житіи“ весьма отлично отъ подобнаго-же сравненія въ „Похвалѣ“ Іакова. Въ своей заключительной молитвѣ авторъ Житія сперва призываетъ Констан-

тина, а потомъ Владиміра, сперва молитъ избавить отъ бѣды Греческихъ людей, а потомъ уже и Русскихъ. Все это обнаруживаетъ скорѣе Грека, чѣмъ Русскаго [46]). Русскимъ источникомъ этотъ авторъ воспользовался только разъ, говоря о погребеніи святаго князя,

Авторъ Грекъ утверждалъ, что Владиміръ крещенъ былъ въ церкви святаго Іакова, и что этотъ-же князь поставилъ въ Корсунѣ, на горѣ, церковь во имя св. Василія. Не отъ слѣпоты, а отъ язвы исцѣлѣлъ Владиміръ, по свидѣтельству „Житія“. Во всѣхъ же памятникахъ русскаго происхожденія Владиміръ представлялся начинателемъ и совершителемъ дѣла крещенія. Такимъ образомъ „Житіе Владиміра“ внесло новые элементы въ повѣствованіе о крещеніи Руси.

Независимо отъ „Житія“ появилось другое сочиненіе, гдѣ излагалась—*Бесѣда Владиміра съ греческимъ философомъ.* Поученье философа есть замѣчательный по полнотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по сжатости очеркъ священной исторіи. Этотъ очеркъ, или повѣствовательный катихизисъ, прерывается два раза вопросами Владиміра, которые однако, нисколько не нарушая

---

[46]) Бутковъ разгадалъ въ этомъ авторѣ Грека, по имени Ѳеодосія, переводившаго съ греческаго на славянскій для князя Николы Святоши (Разборъ трехъ древн. памят. Русской духовн. литер.).—Послѣ того, какъ наши мысли по поводу повѣствованій о Владимірѣ были изложены въ предлагаемомъ нынѣ трудѣ, мы прочли статью г. Е. Голубинскаго: Обращеніе всей Руси въ христіанство Владиміромъ (Ж. Мин. Нар. Просв. 3-я книга нынѣшняго 1877 года). Авторъ ея единомышленъ съ нами во многихъ пунктахъ касательно повѣствованій о Владимірѣ и приводитъ отчасти тѣ же, что и мы, отчасти и другіе доводы въ пользу того, что авторъ Житія Владимірова былъ Грекъ.

послѣдовательности, служатъ живою связью между отдѣльными статьями разсказа. Припомнимъ замѣчаніе Карамзина о томъ, что древній писатель нашъ угадывалъ, какимъ образомъ подѣйствовалъ на Владиміра Грекъ—проповѣдникъ. Прежде всего философъ представилъ дурныя стороны не-христіанскихъ вѣроученій, потомъ, объясняя разницу въ ученіи Грековъ и Нѣмцевъ, возбудилъ вопросы Владиміра о томъ, чьего тѣла и чьей крови причащаются и тѣ и другіе христіане. Свой долгій разсказъ о сотвореніи міра философъ оканчиваетъ страшнымъ судомъ, при чемъ показываетъ Владиміру изображеніе этого будущаго всемірнаго событія и тѣмъ наконецъ трогаетъ сердце язычника.

Правдоподобія однакоже нѣтъ въ этомъ ученомъ измышленіи, гдѣ внукъ Ольги представленъ дикаремъ, въ первые услышавшимъ о христіанствѣ.

Второй трудъ въ такомъ же родѣ и какъ дополненіе къ первому былъ: *изложеніе ученія Вселенскихъ соборовъ*. Это есть, по словамъ г. Сухомлинова, сокращеніе того самаго символа вѣры, который пространнѣе излагается въ греческихъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ въ „исповѣданіи вѣры“ Михаила Синкела [47]). Внести эти оба догматическіе труда въ повѣствованіе о Владимірѣ могъ писатель, наиболѣе схожій съ Несторомъ, авторомъ житія Бориса и Глѣба.

Мы видѣли, что и въ повѣствованіи объ этихъ святыхъ Несторъ готовъ былъ довести свой разсказъ о грѣхопаденіи Адамовомъ до искупленія рода человѣческаго включительно,

[47]) О древ. рус. лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ стр. 65—71.

еслибы не удержала его необходимость начать предпринятое повѣствованіе. Въ повѣсти о Владимірѣ богословствующему и учительному повѣствователю было какъ нельзя болѣе кстати изложить судьбы Божіей церкви, хотя-бы въ формѣ бесѣды философа съ ограпаемымъ язычникомъ.

Владиміромъ, обращаемымъ въ христіанство, могъ преимущественно заняться Несторъ, или вообще человѣкъ его направленія, его литературныхъ пріемовъ, писавшій во славу святой Троицы, въ строго книжномъ духѣ и стилѣ.

Мы видѣли, какъ Несторъ—и быть можетъ и другіе подобные ему писатели—отдалялся отъ дѣйствительной жизни, избѣгая даже собственныхъ именъ, чтобы не нарушить суесловною правдою величавости всемірно-христіанскаго повѣствованія о событіяхъ русской церковной жизни.

Подобному писателю едва-ли возможно было взяться за повѣсть о быломъ, гдѣ-бы Русь языческая предстала съ своими, столь враждебными духовно просвѣщенному иноку обычаями, съ воспоминаніями о темныхъ личностяхъ некрещеныхъ князей, гдѣ-бы самъ Владиміръ явился мстителемъ своихъ обидъ, женолюбивымъ, роскошнымъ дружинникомъ. Даже побѣды Владиміра надъ окрестными народами не входили въ кругъ интересовъ такого лица, какимъ былъ Несторъ, авторъ сочиненій о братьяхъ мученикахъ и о преподобномъ Ѳеодосіи.

А между тѣмъ сохранились и переписывались лѣтописныя замѣтки временъ Владиміра, и свѣжи были въ памяти дружины преданія о старомъ Владимірѣ, ласковомъ князѣ, краспомъ солнышкѣ. Въ эпоху, когда составлялись животрепещущія сказанія о недавно совершившихся событіяхъ, естественнымъ образомъ явилась потребность связать настоящее съ былымъ, привести въ стройность разпорѣчивыя преданія и погодныя

записи и письменно разъяснить начало и первыя времена Руси, уже пріобщенной къ всемірной семьѣ христіанскихъ народовъ, уже призванной въ вертоградъ Христовъ, хотя и не давно, въ единонадесятомъ часу, малымъ преже сихъ лѣтомъ, какъ говорилось въ запечатлѣвшихъ это пріобщеніе, это призваніе памятникахъ письменности XI вѣка.

Въ разсказѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ о Владимірѣ замѣчаемъ обиліе письменныхъ источниковъ, которыми воспользовался древній историкъ нашъ. Сверхъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій о святомъ Владимірѣ у составителя было въ рукахъ *„сказаніе о томъ, какъ къ князю приходили проповѣдники вѣръ“* и *„сказаніе о Грекѣ философѣ“*. Послѣднее имѣло цѣлью изложить исторію человѣчества по ученію вѣры отъ сотворенія міра до страшнаго суда. Въ лѣтописномъ сводѣ сему сказанію предпосылается первое изъ только что упомянутыхъ нами сказаній, въ которомъ можно видѣть варіантъ „Сказанія о развѣдываніи вѣроисповѣданій“, сказанія, составлявшаго существенную часть „Испытанія, или Житія“, написаннаго Грекомъ. Но варіантъ этотъ имѣетъ свѣтскій дружинный характеръ и чисто русское происхожденіе.

Возвышенный авторъ церковныхъ повѣстей, Несторъ, изобразилъ Владиміра подобнымъ св. Евстафію Плакидѣ: князя разжигало непосредственное дѣйствіе благодати Божіей, какъбы помимо его самого. Менѣе другихъ догматическій и сердцемъ преданный княжескому роду Іаковъ Мнихъ приписывалъ дѣло обращенія настойчивому стремленію Владиміра и вліянію бабы его Ольги. Писатель Грекъ указывалъ на красоту цареградскаго богослуженія съ желчнымъ порицаніемъ римскаго обычая. Дружинникъ по своему передалъ это преданіе о развѣдываніи вѣръ: у него Владиміръ явился хитрымъ и мудрымъ

и соединилъ въ себѣ величавый образъ равноапостольнаго просвѣтителя съ типомъ ласковаго стольно-кіевскаго князя.

Весь разсказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ о Владимірѣ язычникѣ, по тону и характеру, ближе къ свѣтскому преданію и къ эпической поэзіи, чѣмъ къ церковной идеализаціи; по правдоподобности однакоже онъ ближе къ исторической правдѣ, чѣмъ къ міру фантазіи.

„Слышавъ, что Ярополкъ убилъ Олега, убоялся Владиміръ и бѣжалъ за море“ вотъ первое слово о Владимірѣ и вступленіе въ его исторію. Въ исторіи отца его лѣтописатель разсказывалъ, какъ Новогородцы пришли просить себѣ князя у Святослава и какъ Добрыня научилъ ихъ просить себѣ въ князья Владиміра. „Добрыня былъ ему дядя—поясняетъ лѣтописатель—братъ его матери, Ольгиной ключницы Малуши, а отецъ ихъ (ея и Добрыни) былъ Малкъ изъ Любеча“. Такимъ образомъ „робичичь“, сынъ ключницы, благодаря заступничеству дяди, получаетъ княжеской столъ. Младшій изъ сыновей Святослава, малоправный по незнатности рода матери, Владиміръ вскорѣ бѣжитъ за море и безъ борьбы отдастъ свой Новогородской столъ посадникамъ Ярополка. Окрѣпшимъ и сильнымъ возвращается Владиміръ изъ за синя-мори, и съ тѣхъ поръ характеръ неодолимаго врагами остается за нимъ до самой смерти. Мы однакоже не хотимъ сказать, что все что говорится о Владимірѣ баснословно, а только ставимъ на видъ, что преданія о немъ, прежде робкомъ и безсильномъ, а потомъ неустрашимомъ и побѣдоносномъ, не лишены той поэтической окраски, въ силу которой личность изъ міра дѣйствительнаго переносится въ міръ эпической поэзіи. Просто, какъ-бы безъ затрудненія, свергаетъ онъ посадниковъ въ Ново-

городѣ и велитъ имъ ѣхать въ Кіевъ и сказать Ярополку, чтобы тотъ готовился на битву съ нимъ.

Черта эта показываетъ ту увѣренность въ побѣдѣ, которою обыкновенно отличаются богатыри. Первая побѣда Владиміра и взятіе имъ Полотска объясняется мщеніемъ за отказъ Рогнѣды. Составитель лѣтописнаго свода смягчилъ нѣкоторыя черты этого преданія. Позднѣйшій лѣтописатель донесъ его до насъ съ большей полнотою, черпая изъ источника живаго устнаго преданія [48]). Вторая побѣда Владиміра, взятіе имъ Кіева, описана съ подробностями. Тутъ событіе старыхъ временъ пріурочивается повѣствователемъ къ извѣстной мѣстности въ Кіевѣ. Ровъ, которымъ Владиміръ окопалъ свой станъ, подъ Кіевомъ, между „Каничи и Дорогожичи“ существуетъ, по словамъ повѣствователя, „и до сего дня“. Подкрѣпленіе разсказа изъ былыхъ временъ указаніемъ на мѣсто и на происхожденіе названія урочищъ есть одинъ изъ любимыхъ пріемовъ разсказчика о былыхъ временахъ [49]).

[48]) Разсказъ о несостоявшейся казни Рогнѣды Владиміромъ помѣщенъ въ лѣтописяхъ XII столѣтія: „о сихъ же Всеславичахъ, сице есть, яко сказаша вѣдущіи..... (П. С. Р. Л. т. I, стр. 131).

[49]) Вотъ мѣста, гдѣ слѣды прошедшаго подкрѣпляются современностью:

1. Володѣютъ Козары Русскіе и до днешняго дне.

2. Погребоша (Аскольда) на горѣ, еже ся нынѣ зоветъ Угорьское, гдѣ нынѣ Ольминъ дворъ, а Дирова могила за святою Ориною.....

3. И погребоша (Олега) на горѣ, иже глаголется Щековица: есть же могила его до сего дня, словеть могила Ольгова.

4. Водиша (хрестьянскую Русь) ротѣ въ церкви святаго Ильи яже есть надъ ручаемъ, конець Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни.

Въ повѣсти о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ источникомъ служило преданіе или пѣсня дружинниковъ, скорѣе сочувственная Ярополку, чѣмъ Владиміру. Виновникомъ удачи Владиміра былъ Блудъ, воевода Ярополка. Черты эпическаго

---

5. Есть могила его (Игоря) у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

6. Бѣ бо тогда вода текущи въ здолѣ горы Кіевскія и на Подолыи не сѣдяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града и бѣ внѣ града дворъ другыи, идѣже есть дворъ демьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою, дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ.

7. Суть становища ея (Ольги) и ловища ея суть по всей земли: знаменья и мѣста и новосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Двинѣ, и есть село Ольжичи и доселѣ.

8. Суть бо Греци льстивы и до сего дни..... и рече имъ Святославъ.....

9. И погребоша Ольга (Святославича) на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего.

10. Стояше Володимеръ обрывся въ Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Каничемъ и есть ровъ и до сего дне.

11. Есть притча и до сего дне: бѣда аки въ Рэдинѣ.

12. И постави кумиры на холму.... на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить святаго Василія.

13. И бѣ дворъ его (Варяга) идѣже есть церкви святая Богородица, юже сдѣла Владимеръ.

14. Русь корятся Радимичемъ.... Радимичи платятъ дань Руси повозъ везутъ и до сего дне.

15. Взя же (Владиміръ) мѣдянѣ двѣ капищи и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею.

16. В лѣто 6539 Ярославъ посади своя по Ръси и суть до сего дне.

склада этого разсказа видны какъ въ вызовѣ сдѣланномъ Ярополку Владиміромъ, такъ и въ словахъ Блуда къ Ярополку, уцѣлѣвшихъ въ пересказѣ Никоновской лѣтописи:„ Не можетъ противу стати братъ твой меншій Володимеръ, якоже синица на орла брань сотворити“.... (П. С. Р. Л. т. IX 39). Источникъ, изъ котораго почерпнулъ нашъ повѣствователь свой разсказъ не благопріятствовалъ Владиміру, и вотъ онъ съ эпическимъ безпристрастіемъ произноситъ свой строгій судъ надъ преданнымъ Владиміру воеводою и надъ всѣми подобными ему измѣнниками: „горши бо суть бѣсовъ таковіи“. Тексты священнаго писанія на тему измѣны придаютъ книжный, поучительный характеръ пересказу древняго словеснаго произведенія объ измѣнникѣ Блудѣ и вѣрномъ Варяжкѣ, о мягкомъ, довѣрчивомъ Ярополкѣ и жестокомъ Владимірѣ. Послѣдній не высказываетъ сожалѣнія о лютой смерти брата, поднятаго на двухъ мечахъ, между тѣмъ какъ Ярополкъ горько плачетъ о смерти Олега, погибели котораго онъ не искалъ. Однакоже повѣствователь нашъ не останавливается съ укоромъ на Владимірѣ. Чувства, воз-

---

17. Печенѣзи..... ступишася на мѣстѣ, идеже стоитъ нынѣ святая Софья, митрополья Русьская: бѣ бо тогда поле внѣ града.

18. Въ лѣто 6552.... умре Брячиславъ.... и Всеславъ сынъ его сѣде на столѣ его. Рекоша бо волсви матери его: се язвено навяжи нань да носитъ е до живота своего, еже носитъ Всеславъ и до сего дне на собѣ.....

Послѣднее извѣстіе писано до 1102 года, года смерти Всеслава. Слѣдовательно лѣтописи и до появленія свода писались по памяти о старыхъ годахъ и пріемъ указывать на съ день. на современность, при разсказѣ о старинѣ, былъ у древнѣйшихъ лѣтописателей въ обычаѣ.

бужденныя въ христіанинѣ похищеніемъ непраздной жены брата, повѣствователь переноситъ на нечестивый плодъ отъ злаго корени, на Святополка, объ окаянствѣ котораго онъ имѣетъ въ виду вести рѣчь. Оттѣняя сильными красками беззаконія Владиміра—язычника, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь смягчить свой разсказъ и даже довести читателя до умиленія, повѣствователь иногда забѣгаетъ впередъ, къ временамъ Владиміра—христіанина. Такъ, разсказавъ о требахъ языческаго кумирослуженія, осквернившихъ холмъ Перуновъ, онъ восклицаетъ: „на томъ холмѣ нынѣ церкы стоить святаго Василія, якоже послѣди скажемъ“. Говоря о невѣроятномъ женолюбіи Владиміра, онъ тѣмъ-же способомъ сопоставленія смягчаетъ виновность князя. Владиміръ, по словамъ его, уподобился женолюбивому Соломону, но былъ лучше Соломона: „тотъ мудръ бѣ, а наконецъ погибе; се же бѣ невѣголосъ, а наконецъ обрѣте спасеніе“.

Письменными первоисточниками повѣствователь воспользовался всецѣло и распредѣлилъ ихъ стройно, расположивъ по годамъ. Къ одному году пріурочилъ онъ разговоръ Владиміра съ иновѣрцами—проповѣдниками и бесѣду его съ греческимъ философомъ; къ другому году привязалъ свою передѣлку житія Владимірова, начинавшагося разсказомъ о посольствѣ княжьихъ людей въ чужія страны для испытанія вѣръ. Точному, дословному пересказу первоисточника о крещеніи Руси предпослано вступленіе, рѣзко отличающееся по тону и смыслу отъ „Житія или Испытанія“, писаннаго Грекомъ. Владиміръ, созвавъ бояръ своихъ, разсказываетъ имъ о томъ, что къ нему приходили разные иновѣрцы и что „Греки хитро и чудно сказуютъ, любо послушать ихъ: о бытіи всего міра и о томъ, что кто ихъ вѣры—тотъ, хотя и умеръ, востанетъ и не умретъ

во вѣки, а если кто приметъ другой законъ—будетъ на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть. Да что ума придасте? что отвѣщасте? И рѣша бояри и старци: вѣси, княже, яко своего никтоже хулитъ, но хвалить, аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай и т. д. И бысть люба рѣчь князю, и избраша мужи добрѣ и смыслены числомъ 10 и рѣша имъ: идѣте первое въ Болгары.....

Эта бесѣда Владиміра съ дружиною, этотъ разумъ дружины и недовѣріе къ Грекамъ, все указываетъ на то, что источникомъ этого вступленія въ повѣсть о принятіи вѣры были дружинныя повѣданія о томъ, какъ случилось великое событіе. Все это мѣсто связываетъ разсказы о проповѣдникахъ въ Кіевѣ съ житіемъ Владиміра.

„Греки хулятъ всѣ законы“ сказалъ Владиміръ, и дѣйствительно въ „Житіи или Испытаніи“ рѣзко говорится о католикахъ. Новопросвѣщенному народу, изъ язычества перешедшему въ лоно церкви Христовой, непонятна была эта нетерпимость, и вотъ нашъ историкъ, разсказывая о посольствѣ въ чужія земли, по Житію, выпустилъ отзывъ о вѣроисповѣданіи Нѣмцевъ. Къ новой годовой цифрѣ пріурочено взятіе Корсуня, крещеніе и бракъ Владиміра: И минувшю лѣту иде Володимеръ съ вои на Корсунь....

Тутъ есть два незначительныхъ отличія отъ первоисточника, по поводу крещенія и исцѣленія Владиміра. Въ Житіи сказано, что Владиміръ былъ крещенъ въ церкви св. Іакова и исцѣлился отъ язвы; въ Лѣтописцѣ-же, что первое событіе произошло въ церкви св. Василія и что Владиміръ былъ боленъ глазами и получилъ исцѣленіе отъ слѣпоты. Такимъ образомъ лѣтописатель—историкъ не рабски слѣдовалъ пись-

менному первоисточнику, но измѣнялъ то, что ему казалось невѣрнымъ. Онъ также пропускалъ то, что было измышленіемъ автора и не прямо относилось къ описываемому событію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, гдѣ могъ, распространялъ разсказъ. Въ исторіи взятія Корсуня мы видимъ у него подробности, какихъ нѣтъ въ Житіи, какъ напримѣръ: подробности о подкопѣ Корсунянами городской стѣны, или о томъ, какъ Анна говорила царямъ братьямъ, что идетъ замужъ, какъ-бы въ плѣнъ.— Преподанное окрещенному Владиміру ученіе вѣры, пополняющее бесѣду философа, удачно пріурочено къ Корсуню. Въ слѣдъ за этою обширною вставкою опять продолжается „Житіе“: Володимеръ же поемъ царицю и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фива“ и т. д.

Автора „Житія“ не могло интересовать то, что Владиміръ съ священными предметами захватилъ двѣ статуи мѣдныя и четыре мѣдныхъ-же коня. Лѣтописателю—Кіевлянину естественно упомянуть объ этомъ; онъ знаетъ, что эти кони и нынѣ стоятъ за „святою Богородицею“ и оспариваетъ мнѣніе невѣдующихъ, считавшихъ эти изваянія за мраморныя. Въ „Житіи“ сказано кратко, что Владиміръ повелѣ дѣти учити грамотѣ, у нашего лѣтописателя читаемъ: ославъ нача понимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача въ наученье книжное; матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но аки по мертвеци плакахуся. Обученье грамотѣ Русскихъ дѣтей приводитъ лѣтописателя въ умиленіе. Хвалами Богу, просвѣтившему Русь, заключается сложная повѣсть о крещеніи князя и народа Русскаго.

Характеръ Владиміра, послѣ принятія имъ новой вѣры,

измѣняется. Молитвы, вложенныя авторами первоисточниковъ въ уста Владиміру, создателю церквей, историкъ приводитъ каждую въ своемъ мѣстѣ. Черты гостепріимства, хлѣбосольства и милосердія лѣтописатель относитъ только къ Владиміру—христіанину „помнившему слова Писанія“. Не столько на угощеніе церковныхъ людей, сколько на чествованье дружины обращено вниманіе повѣствователя: „каждый недѣльный день сходились на пиръ въ гридницѣ его боляре, гриди, сотскіе, десятскіе и нарочитіи люди при князи, и безъ князя. Бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего“. Но книжныя воспоминанія дружинниковъ вновь звучатъ въ этомъ отрывкѣ, въ слѣдъ за которымъ идетъ знаменитый разсказъ о серебреныхъ и деревянныхъ ложкахъ. Выраженіе подъпьяхутся дополняетъ картину пира, гдѣ еще не были упомянуты „питья медвяныя“. Изреченіе-же ласковаго князя: яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ доискася дружиною злата и сребра есть передѣлка книжнымъ языкомъ выраженій эпической поэзіи. Троекратное повтореніе о серебрѣ и золотѣ и самое это „злато—серебро“ есть слѣдъ былиннаго склада въ разсказѣ о ложкахъ [50]).

---

[50]) Л. Н. Майковъ сопоставляетъ это мѣсто лѣтописи съ былиною, дошедшею до насъ путемъ изданія сборниковъ произведеній народной словесности, со словъ народныхъ пѣвцевъ нашего времени. (Кирѣев. III. 53).

У меня ли нѣтъ злата—серебра?
У меня ли нѣтъ красна золота—

отвѣчаетъ Владиміръ подгулявшимъ богатырямъ (О былинахъ Владимірова цикла. Изслѣдованіе. Спб. 1863 г. стр. 231).

Тутъ же лѣтописатель прибавляетъ, что Владиміръ любилъ дружину и думалъ съ нею о строи земленѣмь и о ратехъ и уставѣ земленѣмь. И бѣ живя съ князи околними миромь..... и бѣ межю ими миръ и любы. Свою повѣсть о миролюбивомъ, ласковомъ, милосердномъ Владимірѣ лѣтописатель оканчиваетъ разсказомъ о томъ, какъ изъ боязни грѣха князь пересталъ казнить разбойниковъ, отчего они и размножились и какъ епископы научили князя быть правосуднымъ и какъ онъ послушался ихъ совѣта.

Были въ письменности XI-го столѣтія и еще другія преданія о Владимірѣ: во первыхъ, дружинныя о богатыряхъ его времени, во вторыхъ, церковныя о разныхъ Печенѣжскихъ князьяхъ, принимавшихъ христіанскую вѣру по примѣру Владиміра, и о разбойникахъ, приносившихъ покаяніе [51]). У составителя перваго лѣтописнаго свода не было подъ рукою многихъ лѣтописныхъ замѣтокъ о Владимірѣ. Онъ не имѣлъ возможности занести тѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о митрополитахъ и о церковныхъ людяхъ, которыя однакоже дошли до составителя несравненно позднѣйшаго лѣтописнаго свода, или до такъ называемой Никоновской лѣтописи [52]). О событіяхъ послѣдняго десятилѣтія Владимірова княженія нашъ лѣтописатель ничего не знаетъ: онъ только переписываетъ безъ всякаго поясненія имена умершихъ князей и княгинь. На цѣлые же четыре года у него совсѣмъ не оказалось никакихъ свѣдѣній.

Извѣстіе о томъ, какъ Новгородъ пересталъ платить дань Кіеву возобновляетъ прерванную нить повѣствованія. Влади-

[51]) Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л.; IX 64, 68).

[52]) Тамъ же стр. 64—подробнѣе у Бестужева-Рюмина: О составѣ Рус. лѣтописей (Приложеніе I, стр. 18—35).

міръ сталъ готовиться къ войнѣ съ Новымъ-городомъ; княжившій же тамъ Ярославъ послалъ за море къ Варягамъ, чтобы при помощи ихъ отразить отца, но Богъ, по словамъ лѣтописателя, не далъ діаволу радости; Владиміръ заболѣлъ предсмертною болѣзнью.—Слова о кончинѣ Владиміра на Берестовѣ дословно схожи въ Житіи, или Испытаніи, въ лѣтописномъ Сводѣ и у Іакова въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ. Это мѣсто древней нашей письменности, подобно мѣсту о милостыни Владиміра, есть самостоятельная запись, перешедшая во всѣ памятники XI столѣтія, гдѣ говорилось о смерти Владиміра [53]). Разсужденіе о достоинствахъ Владиміра, оцѣнка его заслугъ и указаніе на необходимость для Русскихъ людей помнить своего просвѣтителя и молиться за него въ день кончины его, все это, безъ всякаго измѣненія, взято изъ „Житія“. Однако сравненіе съ Моисеемъ (непосредственно послѣ словъ о кончинѣ князя), окончательныя воззванія къ св. Константину совокупно съ Владиміромъ и авторская смиренная молитва опущены лѣтописателемъ.

Далѣе въ лѣтописномъ сводѣ мы видимъ послѣдовательныя выдержки изъ повѣсти Іакова Мниха о Борисѣ и Глѣбѣ [54]).

---

[53]) Такихъ подробныхъ записей отъ временъ Владиміра и Ярослава дошло до насъ нѣсколько. Случай при построеніи храма Св. Георгія, въ Кіевѣ, даже не попалъ въ лѣтописные своды, но былъ пріуроченъ въ Прологѣ къ дню, когда вспоминалось построеніе этой церкви. (Рукопись Имп. Публ. Биб. Отд. I Ф., № 268).

[54]) Сокращенныя въ разсматриваемомъ нами Сильвестровомъ сводѣ выдержки значительно пополнялись позднѣйшими переписчиками древнѣйшаго лѣтописца: такъ Софійская лѣтопись, и еще болѣе Тверская, черпаетъ изъ Іакова Мниха гораздо обильнѣе, чѣмъ первый составитель „лѣтописца“.

Повѣсть эта у нашего лѣтописателя весьма близка къ первоисточнику. Выпущены только лирическія мѣста, но за то прибавленъ отрывокъ изъ акаѳиста св. братьямъ, не встрѣчающійся у Іакова.

Среди разсказовъ о событіяхъ Ярославова княженія, по всей вѣроятности унаслѣдованныхъ отъ лѣтописателя, близко стоявшаго къ описываемымъ событіямъ, мы встрѣчаемъ мѣсто, заимствованное цѣликомъ изъ Іаковлева сказанія, это: окончательная побѣда Ярослава и гибель братоубійцы [55]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ „Сводъ“ вошли лѣтописныя извѣстія временъ Ярослава, но за то нѣкоторые разсказы несомнѣнно принадлежатъ лицу, писавшему при внукахъ этого князя. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго извѣстія, подъ 6551 г.: „посла Ярославъ сына своего Владимера на Грекы—и воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневу“. Современникъ лѣтописателя, Янъ, былъ тысяцкимъ при дѣтяхъ и внукахъ Ярослава.

Похвальные отзывы о Ярославѣ, какъ о лицѣ преданномъ церкви, какъ о покровителѣ духовенства и насадителѣ книжнаго ученія, составляютъ весьма стройное мѣсто, украшенное оборотомъ нагляднаго сравненія: „одинъ кто нибудь вспашетъ землю, другой посѣетъ, а многіе пользуются жатвою: такъ и Владиміръ распахалъ и умягчилъ почву крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словесы, а мы пожинаемъ ученіе пріемлюще книжное. Велика бываетъ польза отъ ученія

[55]) Лѣтописное повѣствованіе о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ написано лицомъ, современнымъ событію. Два извода сказанія о битвѣ между двумя озерами указываютъ на болѣе древній первоисточникъ. (Лавр. Лѣт. подъ 6524 г. и 1-я Новгор. подъ тѣмъ-же годомъ. П. С. Р. Л. т. I, стр. 61 и т. III, стр. I).

книжнаго". Рѣчь свою о просвѣтительной дѣятельности достойнаго преемника св. Владиміра лѣтописатель заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „Радовался Ярославъ, видя множество церквей и людей христіанскихъ, врагъ-же сѣтовалъ, побѣждаемый новыми христіанскими людьми".

Другой разсказъ изъ временъ Ярослава заимствованъ изъ дружиннаго преданія о князѣ—богатырѣ, Мстиславѣ, побѣдившемъ въ единоборствѣ Косожскаго великана Редедю.

Но въ особенности слѣды пѣсни очевидны въ разсказѣ о Лиственской битвѣ, между Ярославомъ и Мстиславомъ, гдѣ принималъ участіе Якунъ, князь Варяжскій. Только пѣсня могла поставить на видъ красоту Якуна (и бѣ Якунъ съ лѣпъ) и его нарядъ – златотканную мантію (луда бѣ у него златомъ исткана). Утрата Якуномъ этого наряда была предметомъ пѣсни, и Якунъ долго былъ памятенъ тѣмъ, что потерялъ свою „золотую луду". Въ слѣдующихъ словахъ лѣтописателя о Лиственской битвѣ слышится пѣсня: „И была та сѣча сильна и страшна: молніе посвѣчивало, оружіе поблескивало; и была гроза великая, сѣча сильная, сѣча страшная" [56]). Дружинныя преданія донесли до потомковъ и самый образъ Мстислава: бѣ дебелъ тѣломъ, черменъ лицомъ, великыма очима, храборъ на рати, любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше ни питья, ни яденья браняше.

Съ внуками св. Владиміра стародавняя пора близилась къ

---

[56]) И бывши нощи, бысть тма, молонья, и громъ дождь..... и бысть сѣча сильна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружіе, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна". Указаніе на это мѣсто сдѣлано К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ (О составѣ Рус. лѣт. стр. 42).

лѣтописателю, жившему на рубежѣ столѣтій одинадцатаго и двѣнадцатаго. Сосредоточивъ вниманіе на повѣствованіяхъ, воспроизведшихъ отдаленное прошедшее, мы не можемъ обойдти разсказовъ о временахъ до-Владиміровыхъ, и не коснуться общаго состава первоначальнаго лѣтописнаго свода.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вопросъ о Повѣсти временныхъ лѣтъ въ современной наукѣ нашей. Духъ и пріемы Нестора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Повѣсти. Составитель. Разсказы о временахъ до-Владиміровыхъ: о Кіи, Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ. Ольга и Древляне въ трехъ повѣствованіяхъ. Повѣсть о кончинѣ Ольги. Переяславская повѣсть. Повѣсть объ усобицѣ дѣтей Святослава. Заключеніе.

Вопросъ, о воспроизведеніи живыхъ преданій о Владимірѣ язычникѣ и о другихъ язычникахъ, бывшихъ прежде него, связанъ неразрывно съ вопросомъ объ авторѣ, задумавшемъ написать „Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская земля стала есть“.

Вопросъ о Повѣсти временныхъ лѣтъ принадлежитъ къ наиболѣе обработаннымъ вопросамъ нашей исторической науки [57]). Вопросъ этотъ нынѣ стоитъ въ слѣдующемъ фазисѣ:

---

[57]) Полный списокъ главнѣйшихъ трудовъ по этому вопросу см. въ Исторіи Россіи Иловайскаго, часть первая, примѣчаніе 59-е. Обзоръ трудовъ по Нестору см. у Сухомлинова и дополненіе къ этому обзору см. у Бестужева-Рюмина. Къ двадцати тремъ именамъ лицъ, трудившихся надъ Несторомъ, отъ Шлёцера (1802) до Бе-

1. Повѣсть временныхъ лѣтъ, называвшаяся долго лѣтописью Нестора, есть сводъ лѣтописей, отдѣльныхъ сказаній объ отечественныхъ событіяхъ и лицахъ, нѣкоторыхъ актовъ, поученій и наконецъ передѣлокъ и заимствованій изъ памятниковъ не русскаго происхожденія.

2. Самыя лѣтописи, вошедшія въ этотъ сводъ, писаны въ различныя времена и конечно уже не однимъ лицомъ [58]).

3. Составитель Свода не воспользовался всѣми существовавшими до него на Руси лѣтописями [59]).

стужева-Рюмина (1868) или коснувшихся въ своихъ сочиненіяхъ лѣтописнаго вопроса, слѣдуетъ прибавить имена Д. И. Иловайскаго, П. П. Барсова (Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Варшава; 1873), Л. Н. Майкова, написавшаго, по поводу упомянутаго труда Барсова, замѣтки по географіи древней Руси (Ж. М. Нар. Пр. 1874), гдѣ авторъ и рецензентъ касаются первой части Повѣсти временныхъ лѣтъ; и наконецъ Ф. А. Терновскаго (Изученіе византійской исторіи въ древней Руси. Кіевъ; 1875), гдѣ начальная лѣтопись наша вновь охарактеризована по сравненію ея съ образцами византійской исторической литературы и покойнаго Лашнюкова (Очерки русской исторіографіи. Универс. Извѣстія. Кіевъ 1869).

[58]) Объ этомъ преимущественно у Срезневскаго: Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. (Приложеніе ко II т. Записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 4, 1862) и у Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей 1868 г.

[59]) Остатки лѣтописей, не вошедшихъ въ начальный Лѣтописецъ, или Повѣсть врем. лѣтъ, вошли между прочимъ въ Никоновскую лѣтопись. Издатель оной въ предисловіи говоритъ, что нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ достовѣрности извѣстій Ник. лѣтописи, не встрѣчающихся въ другихъ лѣтописяхъ. (П. С. Р. Л., т. XI).

Свое замѣчаніе о подлинности краткихъ извѣстій о древнѣйшихъ событіяхъ въ Никон. лѣтописи М. И. Сухомлиновъ оканчи-

4. Составъ Повѣсти опредѣленъ и большею частію указаны всѣ источники, изъ которыхъ почерпнуты отдѣльныя статьи Повѣсти.

5. Существуетъ мнѣніе, что собственно „Повѣсть о томъ, откуду есть пошла Русская земля“ есть отдѣльное сочиненіе, давшее начало своду и поводъ соединять въ цѣлое лѣтописные труды [60]).

6. Сводъ начинающійся словами: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ“ и оканчивающійся припискою: Игуменъ Селивестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта. А иже чтеть книгы сія, то буди ми въ „молитвахъ“ составленъ въ началѣ XII вѣка, въ Кіевѣ.

Вопросъ о томъ, былъ-ли Сводъ составленъ въ Печерскомъ монастырѣ? подвергнутъ сомнѣнію [61]).

ваетъ слѣдующими словами: „въ XVI в. нельзя было записать по памяти, что въ 867 году былъ голодъ въ Кіевѣ“ (О др. Рус. лѣтописи, какъ нам. лит. стр. 22).

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ подробно объ этихъ остаткахъ древнихъ лѣтописей, не вошедшихъ въ Повѣсть вр. лѣтъ (О Составѣ Рус. лѣтописей, стр. 58, 59 и приложеніе 1).

[60]) С. М. Соловьевъ (Ист Рос., VII) говоритъ, что явственны слѣды того, что извѣстіе о пришествіи князей и утвержденіи ихъ, составляло отдѣльный разсказъ..... Н. И. Костомаровъ примѣняетъ заглавіе: „С е П о в ѣ с т и“ къ предисловію или вступленію въ лѣтопись. (Лекціи по Рус. Ист., I, 31). Бестужевъ-Рюминъ охотнѣе соглашается съ Соловьевымъ, ставя на видъ слова заглавія: „кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити“ (О сост. р. лѣт., стр. 19).

[61]) О составѣ Р. лѣт. стр. 18.

Вопросъ о томъ былъ-ли Сильвестръ, игуменъ Выдубицкій, составителемъ Свода? рѣшенъ различно [62]).

Вопросъ о Несторѣ, какъ составителѣ Свода, рѣшенъ отрицательно [63]).

Участіе Нестора въ составленіи какого либо „Лѣтописца Печерскаго“ признается, на основаніи свидѣтельствъ Патерика Печерскаго [64]).

Всѣ вопросы эти, рѣшенные и не рѣшенные, такъ обстоя-

---

[62]) Бестужевъ-Рюминъ не признаетъ въ Сильвестрѣ составителя. Иловайскій рѣшаетъ вопросъ въ пользу игумена.

[63]) По крайней мѣрѣ изслѣдованіе Бестужева-Рюмина о составѣ лѣтописей не встрѣтило опроверженія. Возобновленіе старыхъ споровъ безъ новыхъ научныхъ данныхъ было-бы печальнымъ явленіемъ, мертвящимъ, а не оживляющимъ науку.

[64]) Вотъ эти свидѣтельства, впрочемъ весьма извѣстныя: въ сказаніи 1) „О Никитѣ затворницѣ, иже бысть посемь епископомъ Новоуградоу“ разсказывается какъ пришли къ затворнику богоносные отцы: Никонъ игуменъ..... Несторъ же, иже написа лѣтописець; 2) послѣ сказанія объ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, вошедшемъ вмѣстѣ съ сказаніемъ о Никитѣ въ обширное посланіе Поликарпа къ Акиндину, говорится: по ще повелиши.... написати (о святыхъ черноризцахъ) ихъ же ми умъ пристигнеть и память принесеть.... да сущимъ по насъ ползы ради оставимъ яко же блаженный Несторъ влѣтописецѣ написа о блаженыихъ отцѣхъ, о Дамьянѣ, Іеремѣи, и Матвеѣ, и Исакіи. (Посл. Поликарпа къ Акиндину въ древнѣйшихъ рукописяхъ Печерскаго Патерика и въ печатныхъ его изданіяхъ).

Имя Нестора и литературная его слава распространилась черезъ столѣтіе на другія произведенія Печерскихъ монаховъ. Изъ словъ Поликарпа о Несторѣ ясно, что въ XIII столѣтіи Лѣтописецъ, написанный Несторомъ, былъ уже соединенъ съ другими сказаніями и былъ въ томъ видѣ, въ какомъ передалъ его потомству Сильвестръ.

тельно поставлены въ ученой литературѣ нашей, что мы не считаемъ нужнымъ излагать ихъ, хотя-бы въ кратцѣ. Взглядъ нашъ на литературные пріемы Нестора и разборъ его повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ можетъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ по вопросу о томъ, что не онъ былъ авторомъ повѣсти объ отдаленной языческой порѣ. Что касается до участія Нестора въ составленіи другого лѣтописнаго свода, то мы склонны думать, что Несторъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, положившихъ начало русской исторіи установленіемъ связи Руси съ библейскимъ Іафетомъ, а черезъ него съ всемірной исторіей племенъ, населяющихъ Европу и Азію.

Его трудъ могъ начинаться именно такъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ | черноризца Ѳеодосьева монастыря Печерскаго“. Въ полномъ заглавіи можно видѣть распространеніе его другимъ лицомъ. Мы знаемъ, что словомъ „повѣсть“ Несторъ любилъ означать свои труды. Авторъ житія Ѳеодосьева скорѣе всего назвалъ-бы Печерскій монастырь Ѳеодосьевымъ. Наконецъ Несторъ любилъ и называть себя по имени въ своихъ произведеніяхъ, и не даромъ въ одномъ спискѣ сохранилось имя Нестора, черноризца Ѳеодосьева монастыря. Въ какой степени участвовалъ Несторъ въ составѣ того, что вошло въ Лѣтописецъ Сильвестровъ, можно рѣшить съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ. Ему могла принадлежать космографія и книжныя измышленія о происхожденіи Руси. Борьба дьявола съ христіанствомъ и исторія замученныхъ Варяговъ какъ будто вышла изъ подъ его, знакомаго намъ, пера. Основная мысль его та, что царство мрака уступаетъ мѣсто солнцу христіанства. Мысль эта органически связана съ мыслью о происхожденіи Руси и по возможности съ полною исторіею ея крещенія. Если, проникнутый библейскимъ духомъ, въ житіи Бориса

и Глѣба, авторъ начинаетъ съ Адамова грѣхопаденія, то и въ Повѣсти „откуду пошла русская земля“ онъ начинаетъ съ сыновей Ноевыхъ и тѣмъ полагаетъ прочное начало будущему лѣтописному своду, составитель котораго сталъ прибавлять къ библейскому объясненію происхожденія Руси свѣдѣнія отъ міра сего, какъ напримѣръ свѣдѣнія объ обычаяхъ Полянъ и Древлянъ и другія. Первоначальная повѣсть послѣ словъ: Днѣпръ втечетъ в'Понетьское море жерелом, еже море словеть руское, или даже нѣсколько ранѣе того, послѣ словъ, оканчивающихъ описаніе водяныхъ путей: на въстокъ допти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги..... отъ Рима до племени Хамова“, могла прямо продолжать свою рѣчь о Славянахъ и ихъ книжномъ просвѣщеніи черезъ Меѳодія и Константина. Можно угадывать и другіе остатки повѣсти, не имѣвшей лѣтописнаго характера, но среди которой могли быть счисленія въ родѣ слѣдующихъ: „отъ Адама до потопа лѣтъ 2242, а отъ потопа до Авраама и т. д. до Рождества Христова, наконецъ до Константина и до Михаила сего: о семъ бо увѣдахомъ яко при семь цари приходиша Русь на Царьградъ, якоже пишется в'лѣтописаньи гречьстѣмъ.

Работа надъ этимъ греческимъ лѣтописаньемъ, надъ передѣлкою и переводомъ греческихъ свѣдѣній и актовъ (договоры Олега и Игоря) былъ трудъ старѣйшій, предваривший появленіе Лѣтописца въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Признаки древнѣйшей повѣсти видны и въ томъ, что сказаніе объ апостолѣ Андреѣ было ему чуждо.

Вотъ мѣста подтверждающія это:

Дьяволъ радовашеся (о погубленіи варяговъ—хри-

стіанъ), мняшеся оканьный: яко сдѣ ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили..... аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласять и т. д. Въ концѣ повѣствованія о Кириллѣ и Меѳодіи: тѣмъ же и намъ, Руси, учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ Словѣнескъ и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника Словеньску языку. Совершенно въ духѣ Нестора было установить связь Руси съ апостольскою церковью черезъ другихъ, не Русскихъ Славянъ. Въ житіи Бориса и Глѣба, писанномъ Несторомъ читаемъ: Не бѣша бо ни апостоли ходили къ нимъ (Русскимъ людямъ).... Такимъ образомъ мысль о первозванномъ апостолѣ, посѣтившемъ холмъ Кіевскій, была чужда Нестору. Да и самое сказаніе съ своею апокрифическою частью о Новогородскихъ баняхъ никакъ не могло выйдти изъ подъ пера писателя, высоко парившаго, съ оговоркою и нехотя касавшагося предметовъ и явленій не церковной жизни. Несторъ не могъ писать о баняхъ. Апокрифъ этотъ несомнѣнно позднѣйшая вставка эпохи упадка духовнаго просвѣщенія [65]).

И такъ мы признаемъ Нестора за автора первоначальной „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, писанной возвышеннымъ тономъ, повѣсти, во всякомъ случаѣ не нисходившей до преданія о

[65]) Мы вполнѣ согласны съ Д. И. Иловайскимъ въ томъ, что старѣйшая повѣсть не знала Рюрика или не упоминала о немъ: „а отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова русскаго князя, лѣтъ 29.

Но Сильвестръ органически связывалъ начало кіевской Руси съ Русью-Словенами и Кіевлянъ съ сыномъ Рюрика, о чемъ будемъ говорить ниже.

языческомъ времени и даже до разсказовъ о битвахъ. Сверхъ того, если Несторъ и довелъ свою повѣсть до Владиміра, то и окончилъ ее ничѣмъ другимъ, какъ изложеніемъ вѣроученія православной церкви и прославленіемъ сего второго Константина.

Изъ вопросовъ, подлежащихъ сомнѣнію, мы охотно станемъ на сторону того мнѣнія, что никто другой какъ Сильвестръ, игуменъ Выдубицкій, былъ составителемъ Свода въ той редакціи, въ какой онъ дошелъ до насъ въ многочисленныхъ спискахъ. Сильвестръ былъ преданъ Печерскому монастырю и оттуда заимствовалъ многіе отдѣльные и уже готовые труды. Близкое разстояніе обоихъ монастырей Печерскаго и Выдубицкаго (35 минутъ ходьбы) естественнымъ образомъ разрѣшаетъ вопросъ о Сводѣ не то Печерскаго, не то Выдубицкаго происхожденія. Сильвестръ, состоя игуменомъ на Выдубичахъ, могъ въ часы отдыха переписывать сказанія и свѣрять лѣтописи въ келіи собесѣдника и друга, жившаго въ монастырѣ Печерскомъ [66]). Близкое отношеніе Свода къ Печерскому монастырю

[66]) Бутковъ (Оборона Нестор. лѣт.) приводилъ доказательства противъ той догадки, что Сильвестръ могъ быть лѣтописцемъ. Изъ этихъ доказательствъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ считаетъ одно очень важнымъ и не находитъ отвѣта на вопросъ: "почему Сильвестръ игуменъ Выдубицкій, не упомянулъ времени основанія своего монастыря?" Потому, что онъ не связанъ былъ своимъ прошедшимъ съ этою обителью, да и когда гдѣ въ лѣтописяхъ означалось время основанія княжьяго монастыря? Мы узнаемъ по большей части уже при князьяхъ сыновьяхъ о томъ, что такіе то монастыри были основаны ихъ отцами. Какъ видно, основаніе и устроеніе княземъ иноческой обители было дѣло обыденное и вмѣстѣ случайное, исподоволь веденное. Врядъ-ли были торжественныя открытія такихъ монастырей. Громкимъ событіемъ было только устройство большой церкви въ княжьемъ монастырѣ.

очевидно. Сочувствіе составителя, начавшаго Сводъ по смерти Святополка—Михаила, слѣдовательно при Мономахѣ, къ Всеволоду и дому его также очевидно. Игуменъ Всеволожа монастыря, Сильвестръ, былъ по всей вѣроятности изъ Переяславля. Отношеніе лѣтописателя—составителя Свода къ Переяславлю также бросается въ глаза.

Составитель Свода или цѣлаго „Лѣтописца“ уже тѣмъ самымъ становился въ положеніе историка. Объединивъ труды своихъ предшественниковъ, онъ самъ засвидѣтельствовалъ передъ потомствомъ о сложномъ составѣ своего произведенія. Данное Сильвестромъ своду названіе лѣтописца дѣлаетъ невозможнымъ предположеніе о томъ, что онъ же и озаглавилъ весь свой трудъ только Повѣстью о началѣ Руси. Намъ кажется, что и въ наукѣ точнѣе называть сводъ „Лѣтописцемъ Сильвестровымъ“ чѣмъ „Повѣстью временныхъ лѣтъ“. Передъ составителемъ, въ числѣ готовыхъ статей, было болѣе отдѣльныхъ трудовъ, чѣмъ это до сихъ поръ открыто. Подвижническое перо его благоговѣйно переписывало всё достовѣрное, что было у него подъ руками, все что было написано очевидцами давно минувшихъ событій. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, мы имѣемъ въ Сводѣ памятники, отмѣченные творчествомъ иныхъ временъ.

Къ Византійскимъ источникамъ составитель относился не подобострастно, какъ это доказали спеціальныя изслѣдованія [67]).

Творецъ „Лѣтописца“ былъ скорѣе изъ людей похожихъ

---

[67]) Главнымъ образомъ въ сочиненіи Сухомлинова: О древн. Русск. лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, потомъ въ Исторіи Россіи Соловьева, т. III, и наконецъ у Терновскаго въ книгѣ: Изученіе Византійской исторіи въ древней Руси.

на Василя, автора сказанія о Василькѣ, чѣмъ на холоднаго созерцателя духовныхъ совершенствъ избранниковъ Божіихъ, каковъ былъ Несторъ. Это былъ человѣкъ знакомый съ преданіями дружины, не исключительно преданный аскетическимъ интересамъ монахъ, а наблюдатель, не пренебрегавшій свѣдѣніями, какимъ-бы путемъ они до него ни доходили. Изъ многихъ разсыпанныхъ по Лѣтописцу мѣстъ видно, что составитель, жившій при внукахъ Ярослава, въ первые письменно говоритъ о дѣдахъ. О литературныхъ достоинствахъ составителя перваго нашего Лѣтописца было достаточно написано. Мы обратимъ вниманіе только на отношеніе его къ повѣстямъ русскаго происхожденія и къ тому какъ воспроизводилъ онъ устное преданіе, имѣвшее иногда народную эпическую основу.

Сказанія отечественнаго происхожденія лѣтописатель, по большей части, переписывалъ всецѣло, связывая ихъ съ общимъ годами или лѣточисленіемъ. Главная руководящая у составителя свода система—хронологія. Положить годы и пересчитать ихъ, вызывая по очередно событія за событіями и пріурочивая ихъ къ годамъ—цѣль имъ строго преслѣдуемая. Но, несмотря на это, переписанное буквально отдѣльное сказаніе нарушаетъ строго установленную систему. Такъ напримѣръ, среди годовъ Ярославова княженія, по поводу поставленія митрополитомъ Иларіона, помѣщено сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря, гдѣ говорится уже о смерти Ярослава и о временахъ княженія сына его (преставльшуся великому князю Ярославу прія власть сынъ его Изяславъ)..... Но среди сказанія составитель уже не дерзалъ вносить своихъ обычныхъ оговорокъ: „но мы на прежнее возвратимся“.

„Написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти“ говоритъ Сильвестръ, потрудившійся

надъ основнымъ сводомъ и далѣе: „а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ“. Выраженіе написахъ Карамзинъ понималъ какъ переписахъ, другіе же понимаютъ это какъ указаніе на свое авторство; написахъ т. е. сочинилъ книгу, былъ ея писателемъ, творцемъ. Намъ кажется, что написахъ надо понимать въ тѣсномъ и прямомъ смыслѣ этого слова. „Я написалъ эту книгу лѣтописецъ“ есть указаніе на самое производство книги, на изданіе ея. Примѣняясь къ нашимъ понятіямъ „написать“ ближе всего подходитъ къ понятію „издать“. Сильвестръ зналъ, что онъ не только переписалъ, но и написалъ многое и наоборотъ, онъ вѣдалъ, что не все, что вошло въ „лѣтописецъ“, обработано имъ самимъ. Онъ не могъ выразиться: переписахъ, или повѣдахъ; онъ дѣйствительно и свое и чужое написалъ вмѣстѣ, въ послѣдовательности, въ системѣ. Написать въ одномъ цѣломъ все, что обнимало большой періодъ времени, отъ старины едва памятной до одинадцатаго года двѣнадцатаго столѣтія, былъ трудъ великой и нелегкой.

И такъ, составитель свода былъ прежде всего издателемъ новаго цѣльнаго собранія сказаній и лѣтописей, какія только онъ нашелъ въ Кіевѣ.

Издавая въ свѣтъ, онъ списалъ готовые памятники; иные изъ нихъ дополнилъ, другіе сократилъ, но не переработалъ ни одного изъ подлинниковъ и не измѣнилъ въ нихъ ничего.

Къ устнымъ источникамъ лѣтописатель—сводчикъ отнесся иначе: критически и не безъ строгаго выбора.

Здѣсь-то преимущественно онъ является самостоятельнымъ творцемъ повѣствовательныхъ произведеній, и отъ его мѣстныхъ симпатій, отъ обстоятельствъ его жизни зависитъ скудость въ

пересказѣ однихъ поэтическихъ преданій, и обиліе и полнота въ воспроизведеніи другихъ.

Сверхъ всего этого онъ стремится округлить исторію былаго, уничтожить пробѣлы и сблизить отдаленныя одно отъ другаго событія.

Онъ желаетъ установить на всегда, догматизировать историческія традиціи, и въ особенности же то, что было плодомъ его личнаго измышленія: такъ онъ неоднократно повторяетъ, что Словени и Русь одно и тоже и что вмѣстѣ съ тѣмъ Русь прозвалась отъ Варяговъ.

Обратимся къ остальнымъ разсказамъ объ отдаленномъ прошедшемъ, вошедшимъ въ сводъ историка—лѣтописателя, Сильвестра. Разсказы эти, по большей части, заимствованы изъ источника устнаго и при томъ мѣстнаго преданія и связаны преимущественно съ Кіевомъ и близь лежащими мѣстностями и городами: Переяславомъ, Бѣлгородомъ и Древлянскою землею.

Борьба съ Печенѣгами и покореніе сосѣдней, издавна непріязненной земли Древлянской составляли предметъ особенно обильныхъ подробностями устныхъ сказаній. Мѣстное преданіе имѣетъ для уроженца данной мѣстности непреложное вѣроятіе, и лѣтописатель передастъ его во всей чистотѣ существовавшаго въ его время пересказа.

Кіевскія преданья относятся главнымъ образомъ къ основанію города и къ исторіи князей его. Стольный городъ имѣлъ свое сложившееся преданіе о трехъ братьяхъ, когда то положившихъ ему начало. Какъ большая часть городовъ Русскихъ Кіевъ называется притяжательнымъ именемъ, тѣмъ самымъ сохраняя память объ имени К і я. Ученость лѣтописателя мирилась съ миѳологическимъ преданіемъ о Кіѣ, основателѣ

Кіева и подъискивала сказанію историческую основу. Народное преданіе считало Кія перевозникомъ, имѣя въ корнѣ своемъ весьма древнее представленіе о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ, имена которыхъ оно связывало съ названіями урочищъ: Щековицы, Хоревицы и рѣчки Лыбеди. Братъ—перевозникъ по Днѣпру, сестра оставляетъ имя рѣкѣ, впадающей въ Днѣпръ. Лѣтописатель съ высоты своего книжнаго взгляда оспариваетъ преданіе о Кіѣ перевозникѣ. Писатель эпохи князей Стольно-кіевскихъ скорѣе склоненъ думать, что родной городъ получилъ свое имя ни отъ кого другаго, какъ отъ князя: „Аще бо былъ перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кій княжаше в'родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари.....

Смутное преданіе о походѣ Русскихъ на Царьградъ, какъ видно, не одинъ лѣтописатель нашъ, а и другіе Русскіе книжники связывали съ Кіемъ, именемъ живымъ и въ народномъ баснословіи.

Сторонившійся отъ миѳа, лѣтописатель удержалъ однакоже его историческое выраженіе; онъ призналъ Кія, Щека и Хорива за трехъ братьевъ и Лыбедь за дѣйствительно существовавшую сестру ихъ. Стремясь все привести въ систему, всему, о чемъ только ни говоритъ, дать достовѣрное значеніе, онъ связываетъ баснословное преданіе объ основаніи города, не пріуроченное имъ ни къ какому лѣточисленному данному, съ другимъ, для него уже вполнѣ вѣроятнымъ разсказомъ объ Аскольдѣ и Дирѣ. Князьямъ этимъ на ихъ вопросъ о томъ, кому платитъ дань Кіевъ? отвѣчаютъ жители его и о Кіѣ, что онъ тутъ княжилъ съ родомъ своимъ.

Преданье объ Аскольдѣ и Дирѣ облечено въ форму эпи-

ческаго разсказа и съ нимъ входимъ мы въ кругъ сказаній о хитромъ и мудромъ Олегѣ. Какъ мѣстное Кіевское преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ живо и колоритно, такъ отдаленное сѣверное преданіе о призваніи Рюрика темно и глухо. Однакоже нельзя не признать, что воспоминаніе о новой династіи князей—пришельцевъ органически входитъ въ повѣданіе лѣтописателя о первыхъ временахъ сложившагося государства. Если можно-бы было принять за позднѣйшую вставку сухое свѣдѣніе о призваніи князей, то какъ объяснить значеніе дѣтеска Игоря и Олегово выраженіе: „я князь, а се сынъ Рюрика“ въ разсказѣ по виду имѣющемъ народное происхожденіе?

Стремленіе придать стольному городу наибольшее значеніе видно въ томъ, что повѣствователь передаетъ пророченіе вѣщаго язычника о Кіевѣ: „Се буди мати градомъ“. Выраженіе это близко къ греческому μητρόπολις. Такъ книжное измышленіе опиралось иногда на народное, эпическое.—Позднѣе пророчество о Кіевѣ отъ вѣщаго Кіевскаго князя перешло къ Первозванному апостолу.

Сказанія объ Олегѣ наиболѣе изобилуютъ тѣми подробностями, которыя хранитъ стройный народный пересказъ. Олегъ приснопамятный, которому приписывали договоры, бывшія передъ глазами лѣтописателя, прослылъ въ народѣ за вѣщаго, диковиннаго, одареннаго высшими силами человѣка. Конецъ его какъ-бы противорѣчитъ его прославленной хитрости и прозорливости. Но кудесникъ есть представитель той силы высшей, которая въ народной поэзіи обыкновенно сокрушаетъ и вѣщую силу богатыря. „Ни хитру ни горазду, ни птицю горазду суда Божія ни минути“ говорилось про вѣщаго Всеслава. Былины про Ваську Буслаевича прекрасно сохранили черты послѣдней схватки вѣщаго человѣка съ рокомъ.

Не смотря на предсказанія бабы Залѣсной, на надпись на камнѣ, Василій вступаетъ въ бой съ судьбою, перепрыгиваетъ черезъ бѣлъ-горючь камень и убивается до смерти. Эта борьба человѣка съ судьбою, съ силою нездѣшнею, всегда, въ народномъ эпосѣ, выпадаетъ на долю человѣка вѣщаго, не простаго смертнаго. Могучая сила, падающая подъ ударами высшей силы, даетъ мотивъ всемірной драмѣ. Чѣмъ сильнѣе богатырь, тѣмъ паденіе его имѣетъ болѣе трагическаго. И такъ Олегъ, издѣвающійся надъ предсказаніемъ кудесника, сохраняетъ до конца, подобно Буслаевичу, свою отвагу—и гибнетъ подобно богатырю, отъ силы таинственной, не здѣшней. Ему смерть не была на бою написана, а хитрость-мудрость померкла тамъ, гдѣ вмѣшалась въ дѣло судьба. Преданіе о смерти Олега облечено въ форму живаго эпическаго разсказа.

Другое преданіе объ Олегѣ и его походѣ на Царьградъ получило сухую форму сокращенной прозаической передѣлки. Тутъ замѣтно сліяніе письменнаго источника (договора) со смутнымъ, не совсѣмъ понятнымъ для лѣтописателя народнымъ преданіемъ [68]). Очевидно, что лѣтописатель отнесся съ довѣріемъ только къ нѣкоторымъ частностямъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ о походѣ Олега на Царьградъ и не остановился на передачѣ стройнаго цѣлаго. Преданіе же о смерти Олега напротивъ того онъ принималъ съ полною вѣрою и даже при помощи своей учености постарался отстранить всякое сомнѣніе

[68]) Въ началѣ разсказа говорится о баснословныхъ кораблях, поставленныхъ на колеса; въ концѣ непосредственно послѣ словъ о договорѣ „..... и утвердиша миръ“ слѣдуетъ: „и рече Олегъ: исшійте парусы паволочаты Руси, а Словеномъ кропиньныя.....“ Мѣсто это относится къ началу разсказа, туда, гдѣ говорится о кораблях.

въ истинѣ случившагося, когда привелъ въ подтвержденіе тому „какъ дивно сбывается чародѣйство“ цѣлое сказаніе объ Аполоніи Тіанскомъ. Связь же нашего историка съ преданіями о Цареградскомъ походѣ была порвана; онъ упомянулъ только о томъ, что принималъ за достовѣрное и однимъ намекомъ указалъ на тотъ разрывъ, какой образовался между воззрѣніемъ человѣка книжно образованнаго и духомъ народно-эпическихъ сказаній: „и прозваша Олега вѣщій; бяху бо люди погани и невѣголоси“.

Общее заключеніе о княженіи Олега схоже съ подобнымъ-же заключеніемъ о княженіи Владиміра: „и живяше Олегъ, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ“ [69]). Такія заключительныя слова, послѣ извѣстій о непрестанныхъ войнахъ, отражаютъ на себѣ прямое вліяніе народныхъ эпическихъ повѣствованій: „и стали жить да поживать, да добра наживать“.

Повѣствованіе объ Ольгиной мести обошлось у лѣтописателя безъ всякихъ оговорокъ о невѣгласѣхъ, безъ поученій и книжныхъ примѣровъ. Вполнѣ достовѣрное для лѣтописателя и усвоенное имъ—быть можетъ еще въ юные годы—преданіе облечено въ форму живаго изложенія. Владѣя всѣми подробностями этого поэтическаго преданія, лѣтописатель является здѣсь творцемъ его въ такой же степени, какъ и пѣвецъ былины бываетъ воспроизводителемъ сжившагося съ нимъ поэтическаго матеріала.

Разсказы объ Ольгиной мести составляютъ вмѣстѣ съ

---

[69]) Бѣ бо Володимеръ живя съ князи околными миромъ..... и живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню. П. С. Р. Л. т. I, стр. 54.

тѣмъ и повѣсть о побѣдѣ, одержанной Кіевлянами надъ ближайшими ихъ сосѣдями—обитателями Древлянской земли. Соперничество между тѣми и другими было исконное и вполнѣ народное: оттуда у лѣтописателя Кіевлянина нападки на обычаи Древлянъ и цѣлая эпопея о покореніи ихъ земли не только силою, но и хитростью—мудростью, или умомъ разумомъ.

Разсказъ о княженіи Игоря оканчивается, какъ и повѣствованіе объ Олегѣ и Владимірѣ, обычнымъ заключеніемъ о „мирѣ ко всѣмъ странамъ“. Переходъ отъ этого общаго заключенія о княженіи къ самому событію смерти князя поразительно схожъ въ повѣствованіяхъ объ Олегѣ и Игорѣ: „И живяше Олегъ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа в'Кіевѣ, и приспѣ осень и помяну Олегъ конь свой“.....

Игорь же нача княжити в'Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, и приспѣ осень, нача Игорь мыслити на Древляны, хотя примыслити большюю дань“.

Разсказъ, долженствовавшій передать исторію злополучнаго похода, по замыслу самого Игоря, встрѣтился съ другимъ разсказомъ, гдѣ мысль о походѣ приписывалась не Игорю, а дружинѣ его, завидовавшей отрокамъ Свѣнельда, и гдѣ поэтому князь былъ лицомъ страдательнымъ, уступившимъ настоятельному и сопровождавшемуся укорами требованію дружины. Составитель лѣтописца поступилъ здѣсь точно такъ-же, какъ и въ разнородныхъ сказаніяхъ о Владимірѣ: къ законченному и по характеру вполнѣ книжному разсказу онъ присоединилъ другой разсказъ—съ болѣе живыми подробностями о смерти Игоря. Это былъ одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, какими надѣляли лѣтописателя лица, подобныя старцу Яну, отъ не-

гоже—какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ—азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ в'лѣтописаньи семь.

Эпопея о покореніи Древлянской земли состоитъ изъ трехъ частей, непосредственно связанныхъ между собою послѣдовательнымъ содержаніемъ и составляющихъ по этому одно стройное цѣлое. Первая часть, начинающаяся словами: подъ 6453 годомъ) „рекоша дружина Игорева: отроци Свѣньлѣжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази.....“ замѣтно сокращена изъ болѣе подробнаго устнаго разсказа, гдѣ между прочимъ повѣдалось о совѣщаніи Мала съ своими Древлянами. Указаніе на существующую доселѣ могилу Игоря, подтверждающее достовѣрность отдаленнаго событія, заключаетъ эту первую часть повѣствованія.

Вторая часть, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является Ольга, а мѣстомъ дѣйствія Кіевъ, изложена во всей полнотѣ первоначальнаго устнаго источника. Лѣтописатель видимо живо затронутъ своимъ повѣствованіемъ; онъ переносится на мѣсто дѣйствія и мысленно возстановляетъ стѣну прежняго Ольгина города, проводя ее черезъ хорошо извѣстные ему дворы: Гордятинъ и Никифоровъ; онъ объясняетъ своему читателю, гдѣ былъ княжій дворъ и другой дворъ теремный: у каменнаго терема, внѣ прежняго града—мѣсто казни принесенныхъ въ лодьяхъ Древлянъ.

Жертва Ольгиной хитрости, Древляне, вмѣстѣ съ своимъ княземъ Маломъ, готовящимся къ брачному торжеству, тѣшатъ повѣствователя своею недальновидностью, и не безъ нѣкоторой доли юмора передастъ онъ ихъ рѣчи, свидѣтельствующія о ихъ крайней непроницательности [70]). Повѣствуя о томъ, что

---

[70]) Въ спискѣ Повѣсти врем. лѣтъ, вошедшемъ въ составъ

совершилось въ Кіевѣ, поэтическое сказаніе забѣгаетъ и въ Древлянскую землю; оно переносится съ вѣщимъ сномъ ко князю Малу и, какъ-бы въ удовлетвореніе высшей справедливости, даетъ ему иносказательные намеки на грядущія бѣды. „И сонъ часто зряше Малъ: се бо пришедъши Ольга давши ему порты многоцѣньны червены вси жемчугомъ нссаждены и одѣяла чрьны съ зелеными оузоры и людьи, в'нихъ же несеным̀ъ быти, смолны". Но и вѣщее значеніе сна не было понятно Древлянину, и онъ былъ обманутъ сномъ такъ и самою Ольгою. Разговоры Ольги съ Древлянами придаютъ повѣствованію живой эпической складъ.

Третья часть повѣствованія объ Ольгѣ и Древлянахъ, отдѣленная въ „лѣтописцѣ" отъ исторіи троекратнаго мщенія новымъ годовымъ числомъ, говоритъ о походѣ въ Древлянскую землю, куда съ Ольгою, Свѣнельдомъ и своимъ кормильцемъ Асмольдомъ, отправляется и дѣтескъ Святославъ, неумѣло, по дѣтски бросившій копье „коневи въ ноги" и тѣмъ начавшій битву. Здѣсь сравнительно съ предъидущею частью менѣе живости въ изложеніи и менѣе наглядныхъ подробностей, хотя за княгинею остается таже ловкая хитрость.

По нашему мнѣнію разсказы о завоеваніи земли Древлянской имѣютъ источникомъ не столько дружинныя повѣда-

---

Переяславскаго лѣтописца, приводятся слова обрадованныхъ ласковымъ пріемомъ Ольги Древлянскихъ пословъ: „вѣси ли, княже нашь, како мы тобѣ устряпохомъ".

Лѣтописецъ Переяславскій (изд. кн. Оболенскимъ въ 1851 г.) доноситъ весьма живыя мѣста, пропущенныя въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ Повѣсти врем. лѣтъ (см. Обозрѣніе лѣтописца Переяславскаго Д. В. Полѣнова. I-я кн. Ученыхъ Записокъ Втор. Отд. Импер. Академіи Наукъ).

нія, сколько въ тѣсномъ смыслѣ народную, пожалуй сельскую поэзію. Эпическое обаяніе этихъ разсказовъ конечно умалено (въ первой и послѣдней частяхъ въ особенности), но не нарушено книжными разсужденіями. Но за то сказаніе объ Ольгѣ—язычницѣ вполнѣ уравновѣшивается повѣстью о томъ, какъ мудрѣйшая изъ женъ сдѣлалась христіанкою. Это второе повѣствованіе объ Ольгѣ давало возможность лѣтописателю говорить объ княгинѣ язычницѣ не по грамотѣ, а по народной памяти. Вѣнецъ святости былъ еще впереди. За Ольгою, искусною мстительницею за мужа, выступаетъ Ольга—устроительница даней и оброковъ въ дальнихъ областяхъ. Эти свѣдѣнія объ Ольгѣ не близки къ ней по времени. Это не запись, а историческое преданіе, что ясно изъ выраженій о саняхъ ея и о селѣ Ольжичахъ, существующихъ по словамъ лѣтописателя и доселѣ, а равно и изъ того, что всѣ подвиги Ольги по изряженью всей земли сведены къ одной поѣздкѣ ея и отнесены къ одному году, при которомъ древняя одинокая запись на какой нибудь пасхальной таблицѣ гласила: „лѣта 6455 иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани".

Послѣ пробѣла восьми годовъ, свидѣтельствующаго объ отсутствіи послѣдовательной лѣтописи временъ Ольги, составителю свода попалось извѣстіе о 6463 годѣ: Ольга иде въ Грекы; и къ этому то извѣстію присоединилъ онъ разсказъ о принятіи княгинею христіанской вѣры.

Источникъ разсказа о крещеніи Ольги былъ по всей вѣроятности письменный: житіе или повѣсть о ней.

Поученія патріарха новокрещенной княгинѣ и увѣщанія, дѣланныя ею Святославу,—вотъ два отрывка изъ такой повѣсти. По сомнительно, чтобы повѣсть эта заключала въ себѣ

разсказъ о томъ, какъ княгиня переклюкала царя Греческаго, или какъ она заставила Грековъ поплатиться тщетнымъ стояніемъ на Почайнѣ за то, что ей, въ Царѣградѣ, пришлось долго ожидать на Суду [71]). Такіе эпизоды почерпнуты изъ дружинныхъ преданій о хитро-мудрой княгинѣ. Оторванныя отъ точной хронологіи и витавшія въ просторной области памяти такія преданія перенеслись съ почвы Древлянскихъ событій въ Византію, и сватающійся царь заступилъ мѣсто Мала, жаждавшаго брака съ Кіевскою вдовою. Старая тема получила тутъ новую форму, и хитро-мудрая княгиня новымъ оружіемъ христіанскихъ обычаевъ побѣдила своего воспріемника.

Былъ еще другой древній памятникъ объ Ольгѣ—житіе ея, дошедшее до насъ въ прологахъ [72]). Въ началѣ этого памятника говорилось о происхожденіи Ольги, а въ концѣ о мощахъ ея, поставленныхъ Владиміромъ въ Десятинной церкви. Памятникъ этотъ по содержанію весьма близокъ къ Похвалѣ Ольгѣ, писанной Грекомъ совмѣстно съ Похвалою Владиміру. Но въ Сильвестровомъ сводѣ нѣтъ и слѣдовъ этого памятника.

---

[71]) Кн. М. Оболенскій въ изслѣдованіи: О первоначальной русской лѣтописи (Москва 1870) стремится доказать, что первоисточникомъ Нестора, въ особенности же во всемъ, что относится до поѣздки Ольги въ Грецію, была лѣтопись Болгарскаго пресвитера Григорія.

[72]) Преосв. Макарій издалъ древнее житіе Ольги въ приложеніи къ 1 т. Исторіи Рус. церкви. Было и другое житіе Ольги—позднѣйшее, витіеватое, гдѣ встрѣчается разсказъ объ Ольгѣ, перевозившей Игоря по рѣкѣ въ мужской одеждѣ, и старческимъ смысломъ посрамившей его глумительные глаголы. Житіе это было составлено при Иванѣ III, какъ это видно по заключенію: (рукопись Имп. П. Библ. F № 14) молися безъ вреда сохранити и спасти державу сродствія твоего бла-

Третье повѣствованіе объ Ольгѣ передаетъ исторію ея кончины. Оно пріурочено лѣтописателемъ къ особой годовой цифрѣ (среди извѣстій о походѣ Святослава) и начинается эпическимъ вступленіемъ: „Рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ: не любо ми есть въ Кіевѣ жити, хочю жити въ Переяславци на Дунаи“..... Такое вступленіе, по нашему предположенію, переставлено сюда изъ повѣсти, или пѣсни о Прѣтичѣ и отрокѣ—Кіевлянинѣ, хитростью спасшемъ городъ отъ Печенѣговъ. Повѣсть эта оканчивается укоромъ, посланнымъ Кіевлянами Святославу за то, что онъ покинулъ мать и дѣтей для благъ Переяславца на Дунаѣ.

Хвалы Ольгѣ и воззванія къ ней, послѣ разсказа о смерти и погребеніи, носятъ на себѣ отпечатокъ воззрѣній историка Русской земли: Радуйся Русской земли познанье..... Си первая виде въ царство небесное отъ Руси..... сію бо хвалятъ Рустіе сынове, аки начальницю. Воззванія эти, какъ и сказаніе о христіанской кончинѣ Ольги, могли быть писаны первымъ составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, Несторомъ, который, говоря о началѣ Руси, имѣлъ въ виду только одно ея христіанское просвѣщеніе и преслѣдовалъ мысль о побѣдѣ, одержанной надъ дьяволомъ, избравшимъ Русскую землю своимъ мѣстопребываніемъ, во мракѣ вѣковаго язычества. Словами: „Богъ защитилъ сію блаженную Вольгу отъ противника и супостата діавола“ оканчивается это повѣствованіе о бабѣ св. Владиміра, какъ о его предтечѣ,—повѣствованіе, составленное по смерти ихъ обоихъ.

гочестиваго самодержца и великаго князя Івана. Въ это житіе входитъ и повѣствованіе о мести, заимствованное изъ Повѣсти врем. лѣтъ.

Дружинныя преданія и пѣсни дополнили и оживили сухія письменныя свѣдѣнія о былыхъ временахъ. Творчество дружинныхъ повѣданій освѣтило своеобразный ликъ мужественнаго Святослава и донесло до лѣтописателя, а черезъ него и до насъ, самыя его изреченія. Изреченіе Игоря: „а съ моремъ кто съвѣтенъ?“ и рѣчь Святослава къ воинамъ: „уже намъ некамо ся дѣти, волею-неволею станемъ противу да не посрамимъ земли Русскія“ и другія подобныя мѣста суть драгоцѣнные остатки дружинной словесности нашей.

Подвигъ хитрости-мудрости съ одной стороны, мужества и необыкновенной силы съ другой, были главными мотивами дружинныхъ повѣданій. Сопменный Ольгѣ, вѣщій князь подобно Ольгѣ былъ любимымъ дѣйствующимъ лицомъ въ разсказахъ, гдѣ хитрости-мудрости приписывался успѣхъ дѣла. Олегъ переодѣваньемъ обманываетъ Аскольда и Дира, а кораблями, хитро поставленными на колеса, выигрываетъ дѣло съ Греками. Хитрость отрока спасаетъ Кіевъ отъ Печенѣговъ, хитрость старца, устроившаго колодези, выручаетъ осажденный Бѣлгородъ. Только одно повѣданіе, связанное съ Переяславомъ, замѣняетъ хитрость необыкновенною силою.

Переяславское сказаніе о единоборствѣ юноши—Усмошвеца, или Кожемяки, съ Печенѣжиномъ есть почти единственный богатырской эпизодъ на страницахъ древнѣйшаго лѣтописнаго свода. Дружинное творчество съ древнимъ преданіемъ о единоборцѣ Переяславѣ, отъ котораго городъ получилъ свое имя, слило другое новое преданіе о богатырѣ временъ Владиміра и войнъ его съ Печенѣгами. Такимъ образомъ Владиміръ является основателемъ города Переяславля и даетъ этому городу имя отрока-побѣдителя, хотя городъ этотъ упоминается

уже и въ договорѣ Олега [73]). Въ Переяславской повѣсти замѣтны черты, родныя нашему эпосу, дожившему до насъ въ устахъ Олонецкихъ сказателей [74]). Владиміръ передъ единоборствомъ ищетъ вокругъ себя поединщика и не находитъ—и не обрѣтеся нигдѣ же. Этотъ мотивъ часто служитъ вступленіемъ въ былину о подвигахъ юнаго, невѣдомаго богатыря. Юноша богатырь, младшій въ семьѣ, еще дома, у отца, проявилъ неимовѣрную силу; въ пылу гнѣва онъ перервалъ череви и съ подошвою [75]) подобно тому, какъ Илья Муромецъ вынесъ на плечахъ ворота съ подворотнею. Юноша былъ ростомъ средній, а Печенѣжинъ—бѣ превеликъ зѣло и страшенъ, что напоминаетъ изображеніе Идолища поганаго въ былинахъ. И Печенѣжинъ также глумится передъ боемъ надъ своимъ супротивникомъ, какъ Нахвальщина надъ богатыремъ. Кожемяка ударяетъ Печенѣжиномъ объ землю—обыкновенный въ былинахъ пріемъ при концѣ богатырской схватки.

Разсказъ о междоусобіи дѣтей Святослава по цѣльности и законченности можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ разсказовъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Поводъ къ междоусобной войнѣ представленъ вмѣсто

[73]) „Переяславъ отрокъ тъ“ стоитъ въ лѣтописцѣ Переяславскомъ. Переяславъ, какъ Ярославъ, Изя—славъ. Переписчикъ Лавр. списка прочелъ дурно древній подлинникъ, или далъ волю собственному измышленію: „зане перея—славу отрокъ тъ“. Никоновская лѣтопись донесла до насъ имя Кожемяки: Янъ Усмошвецъ (П. С. Р. Л. т. IX, стр. 68).

[74]) Сказаніе о Кожемякѣ еще не забыто на Украйнѣ и въ Тамбовской губерніи (См. О. Ѳ. Миллера: Илья Муромецъ и богатырство Кіевское; стр. 586 и Зап. о Южн. Руси Кулиша, т, 1).

[75]) Лѣтописецъ Переясл. стр. 33.

главной ея причины, какъ это всегда бываетъ въ народно-эпическихъ сказаніяхъ о войнахъ. Простота изложенія и разговорныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ свидѣтельствуютъ о близости этого лѣтописнаго разсказа къ устному былевому произведенію.

„Свѣнельдичь, по имени Лютъ охотился. Вышедъ изъ Кіева, онъ гнался за звѣрьми по лѣсу. И увидалъ его Олегъ и спросилъ: кто это? и сказали: Свѣнельдичь; и Олегъ, настигнувъ, убилъ его, ибо Олегъ тоже охотился. И о томъ стала между ними ненависть—у Ярополка и Олега, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: пойди на братъ свой и прими волость его, хотя отмьстити сыну своему.

Слагая всю вину первой междоусобной войны между братьями на Свѣнельда, разсказъ словами Ярополка произноситъ приговоръ и Свѣнельду и самой войнѣ: „Отъ утра и до полудня таскали изо рва трупье (тѣла убитыхъ, спихнутыхъ съ моста въ ровъ) и вынули Олега и положили его на коврѣ. И пришелъ Ярополкъ; надъ нимъ плакалъ и сказалъ Свѣнельду: посмотри на то, чего ты хотѣлъ. И погребли Олега на мѣстѣ у города Вручего и есть могила его и до сего дне у Вручего. И пріялъ власть его Ярополкъ“. Разсказъ этотъ, какъ мы уже сказали, округленъ и законченъ. Не снабженный текстами и поученіями, онъ есть драгоцѣнный памятникъ словесныхъ произведеній языческой эпохи. Въ немъ проявились высокія чувства, которыя на почвѣ христіанскихъ воззрѣній создали величаво трогательную повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ повѣствованіи: о второмъ междоусобіи дѣтей Святослава, мы уже встрѣчаемся съ авторомъ—христіаниномъ, карающимъ съ назидательною цѣлью измѣнника Блуда, при помощи текстовъ св. писанія.

Нашъ повѣствователь о быломъ достигъ полнотою и си-

стемою своего труда того, что пріобрѣлъ прочный авторитетъ въ глазахъ современниковъ и потомковъ, и сводъ имъ составленный сталъ догматическою, основною книгою русскаго дѣписанія.

„Составитель лѣтописца вздумалъ быть историкомъ своего народа“. Это сказалъ Шлёцеръ, приписывая всецѣло византійской литературѣ такую смѣлую мысль „Русса“. Другіе ученые указали на самородныя русскія силы, содѣйствовавшія появленію у насъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Мы съ свой стороны стремились дополнить эти указанія пересмотромъ отдѣльныхъ повѣствованій о былом, написанныхъ и собранныхъ историкомъ временъ Мономаха.

Скажемъ въ заключеніе, что почва, способная произвести историка, была въ то время подготовлена самимъ народомъ и предшествовавшими писателями. Народъ, въ мѣткомъ выраженіи отпечатлѣвшій навсегда то или другое событіе и подвигами своихъ сыновъ ознаменовавшій историческое бытіе свое, въ эпоху принятія христіанства и могущества Кіевскихъ князей, отъ Олега до Мономаха, имѣлъ уже тогда свой кругъ поэтическихъ представленій о томъ, что было при отцахъ и дѣдахъ. Ломая народную пѣснію, переводя на книжный языкъ народную быль, лѣтописатель передаетъ перомъ притчу или пословицу во всей неприкосновенности ея эпическаго склада и выраженія. „За пеимѣніемъ древнѣйшихъ памятниковъ чисто народной русской поэзіи—говоритъ Буслаевъ—достаточно однѣхъ этихъ сказокъ и притчей лѣтописи, чтобы составить довольно полное обозрѣніе древне-русскаго народнаго эпоса. Тутъ и Обры великаны, въ которыхъ народная фантазія воплотила древнѣйшее и общераспространенное преданіе о чудовищныхъ существахъ первобытной миѳологіи; и родоначальники племенъ и поселеній:

Радимъ, Вятко, Кій; и вѣщій Олегъ, и героическая мстительница, мудрѣйшая изъ женъ..... и даже Владиміръ народнаго эпоса, пирующій съ дружиною“ [76]).

Что же касается до предшественниковъ Сильвестра, то одни изъ нихъ, подобные преподобному Нестору, своимъ вселенскимъ міросозерцаніемъ подготовили широту воззрѣній историка, другіе-же, подобные Іакову Мниху, развили способность живо и горячо сочувствовать былому, плакать и скорбѣть съ страдальцами и вызвышаться духомъ при описаніи добродѣтели и подвиговъ вѣры.

---

[76]) О народности въ древней русской литературѣ и искусствѣ. (Ист. Очерки Рус. народн. словесности т. II стр. 83).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сказанія XII вѣка—характера церковнаго:

Сказанія Кіевской лѣтописи до 1140 г. Проложныя сказанія: объ освященіи церкви Св. Георгія, о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, о Новогородскомъ знаменіи.—Сказаніе о чудѣ Десятинной Богородицы—о убіеніи Андрея Боголюбскаго.—Сказаніе о призваніи Владимірцами Михалка и литературные пріемы Суздальскаго повѣствованія вообще. Сказаніе о построеніи стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ.

Съ повѣствователемъ Василемъ, авторомъ сказанія о Василькѣ Теребовльскомъ, мы вступили въ двѣнадцатое столѣтіе. Казалось, мы бы въ правѣ ожидать много подобныхъ же сказаній о событіяхъ родной земли, писанныхъ людьми мірскими, близкими къ князьямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждыми духу христіанскаго ученія, какъ не былъ ему чуждъ христолюбивый Мономахъ, братолюбецъ, нищелюбецъ—по вполнѣ подтвержденному и другими источниками отзыву лѣтописателя—и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный поганымъ, добрый страдалецъ за Русскую землю. А между тѣмъ большая часть дошедшихъ до насъ сказаній принадлежитъ къ другому роду повѣствовательнаго творчества. Съ одной стороны искренній, простодушный, не мудрствовавшій лукаво Ѳеодосіевъ самовидецъ имѣетъ своихъ послѣдователей, съ другой—на новыхъ

сказаніяхъ отражаются украшенные пріемы и искуственно возвышенный духъ авторовъ повѣстей.

Сѣверъ и югъ раздѣлили между собою литературное наслѣдіе XI вѣка. На сказанія и лѣтописи Владиміро-Суздальскаго происхожденія преимущественно легла печать искуственности. Духъ монашеской простоты и независимости еще встрѣчается въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ Кіевскаго происхожденія. Другія же южныя сказанія имѣютъ источникомъ живыя рѣчи дружинниковъ, или записки, веденныя поодаль отъ монастырскихъ стѣнъ. На той почвѣ, гдѣ написано сказаніе о Василькѣ, мы встрѣчаемся, но не прежде XIII столѣтія, съ живымъ и чуткимъ къ военному дѣлу повѣствовательнымъ творчествомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ сказаніямъ о княжескихъ усобицахъ и войнахъ, писанныхъ мірскими людьми, остановимся на сказаніяхъ церковнаго характера. Прямое продолженіе Сильвестрова свода, Кіевская лѣтопись временъ Мономаха и сыновей его находилась въ монашескихъ рукахъ. Общій всѣмъ разсказамъ и краткимъ погоднымъ извѣстіямъ, тонъ этой лѣтописи, до 6648 (1140) года, привелъ Погодина къ мысли, что только около этого года лѣтопись перешла въ другія руки [77]).

Съ 1140 года вдругъ прекращается богословскій тонъ повѣствованія, взвѣшивающаго поступки князей на вѣсахъ духовнаго суда, исчезаютъ похвальныя выраженія: благъ, милостивъ, благолюбивъ и укорительныя—о высокоумьѣ, кровопролитіи. Дѣловой характеръ принимаютъ извѣстія, и не монашескимъ духомъ отмѣчено воспоминаніе о Бонякѣ шелудивомъ

[77]) Изслѣдованія, т. IV, стр. 44—45.

и о Мстиславѣ, который „наслѣдовалъ потъ (путь?) отца своего, Володимера Мономаха великаго, загнавъ Половцевъ за Донъ, за Волгу и за Яикъ“.

Въ Кіевской лѣтописи временъ Мономаха мы встрѣчаемъ одно сказаніе, имѣющее видъ поученія, обращеннаго къ дружинѣ. Оно какъ будто передѣлано изъ проповѣди [78]). Въ немъ разсказывается походъ и гибель Ярослава (сына Святополкова-Михаилова) у стѣнъ Володиміра, гдѣ тогда княжилъ Андрей, сынъ Мономаха. „Ярославъ разгордился вельми, на Бога надежды не возложилъ, но надѣялся на множество вои. Андрей же великую надежду имѣлъ на Бога и на отца своего молитву надѣялся. Два ляха, принадлежавшіе къ ополченію Ярослава, убили его измѣною въ то время, какъ онъ, разгордѣвшись, ѣздилъ подъ стѣнами города и требовалъ, чтобы граждане вышли къ нему съ поклономъ. Внезапная смерть князя—предводителя рѣшила дѣло: князья союзники и войска ихъ разошлись по домамъ и послали къ Владиміру Мономаху пословъ съ дарами. Разсказъ ставитъ на видъ молитвы къ Богу и добродѣтели Владиміра. „Владиміръ еще былъ въ Кіевѣ и собиралъ вои, а Богъ уже оказалъ ему и сыновьямъ его помощь за честное житіе. А Ярославъ былъ еще такъ молодъ, а уже гордился передъ дядею и тестемъ своимъ Мстиславомъ. „Прочее, дружино и братье, разумѣйте по которомъ есть Богъ—по гордомъ-ли, или по смиреномъ“—и далѣе: „Вижьте, братье, коль благъ Господь и милостивъ на смиренныя и праведныя, презирая и мьщая ихъ, а гордымъ противится Господь Богъ“.

[78]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 9.

Остановимъ вниманіе наше на трехъ, непосредственно одинъ за другимъ слѣдующихъ, разсказахъ Кіевской лѣтописи временъ сына Мономахова, Мстислава. Первый изъ нихъ объ отраженіи Мстиславомъ Половцевъ, безъ союзниковъ, съ одними Переяславцами, проникнутъ благочестіемъ и прославляетъ помощь честнаго креста и св. Михаила [79]). Во второмъ разсказѣ видимъ въ авторѣ лицо болѣе сочувствующее князю, чѣмъ духовенству. Мстиславъ цѣловалъ крестъ Ярославу Святославичу Черниговскому, обѣщая заступиться за него противъ племянника его Всеволода Ольговича. Потомъ Всеволодъ уговорилъ Мстислава на миръ, а Ярославъ требовалъ отъ того же Мстислава помощи противъ Всеволода, опираясь на крестное цѣлованіе. Игуменъ Григорій, пользовавшійся любовью Мономаха и чтимый Мстиславомъ говорилъ: лучше тебѣ претупить крестное цѣлованіе, чѣмъ проливать кровь христіанскую“ [80]). Соборъ іереевъ—митрополита тогда не было—бралъ на себя грѣхъ князя, удерживая его отъ войны. И сотворилъ волю ихъ Мстиславъ и *съступи креста Ярославу и плакася того вся дни живота своего*“. Повѣствователь не пустился въ поученіе и не задался рѣшеніемъ вопроса о томъ: хорошо-ли поступилъ князь. Онъ только не скрылъ сочувствія къ рыцарской печали князя, разъ въ жизни не исполнившаго обѣщанія и клятвы.

Третій разсказъ, повѣствующій о походѣ князей на Кри-

---

[79]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 10.

[80]) *Бяшеть бо въ ты дни игуменъ Святаго Андрея Григорій любимъ бо бѣ преже Володимеромъ, чтенъ же отъ Мстислава и ото всихъ людей, той бо не вдадяше Мстиславу встати ратью по Ярославѣ, река*..... П. С. Р. Л. т. II, стр. 11.

вичей, въ Полотскую землю, уже совсѣмъ лишенъ религіознаго характера. Это сжатый отчетъ о походѣ, гдѣ весь главный интересъ сосредоточенъ на военной сторонѣ дѣла. Разсказъ этотъ уже выводитъ насъ изъ круга церковныхъ повѣствованій—и вмѣстѣ съ предъидущими разсказами показываетъ, какъ въ Кіевской лѣтописи, монашеское направленіе, въ разсказахъ о политическихъ событіяхъ, уступало вліянію мірскому. Послѣднее, въ дошедшемъ до насъ сводѣ, только съ 1140 года, является преобладающимъ.

Нѣкоторыя изъ церковныхъ сказаній были вызваны къ жизни не погоднымъ записываніемъ того, что случилось въ извѣстной русской мѣстности, а вселенскою лѣтописью, обвивающею цѣпью сказаній годовой кругъ чиселъ. *Прологи*—эти своды краткихъ повѣствовательныхъ и поучительныхъ статей, превращавшіе ничего не говорящія числа каждаго мѣсяца въ образныя воспоминанія и празднества, пополнялись издревле и разсказами о событіяхъ русской жизни. Разсказы, предназначавшіеся для прологовъ или для сборниковъ, составленныхъ не въ тѣсной рамкѣ монастырскаго интереса, а съ цѣлью обще-церковнаго употребленія, весьма отличаются отъ задушевныхъ сказаній, писанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, каковы: „Сказаніе объ обрѣтеніи мощей Ѳеодосія“, или „о нахожденіи Боняка на монастырь Печерскій“. Проложныя сказанія отличаются прежде всего означеніемъ времени и мѣста совершившагося событія сообразно съ общимъ пріемомъ въ разсказахъ изъ жизни вселенской церкви. Сказанія эти кратки и сухи; все личное и лирическое въ нихъ не имѣетъ мѣста. Одно изъ древнѣйшихъ сказаній—а именно, „Объ основаніи Печерскаго монастыря“ (Боголюбиву бо князю Ярославу любящу Берестовое и церковь ту сущу апостолъ...)

потеряло въ прологѣ ту послѣднюю часть свою, гдѣ говорится о духовномъ значеніи монастырей, построенныхъ не князьями, а бдѣніемъ, пощеніемъ, слезами и трудомъ убогихъ иноковъ и гдѣ также авторъ упоминаетъ о своемъ приходѣ въ обитель Ѳеодосія.

Сказаніе объ освященіи церкви св. Георгія, въ Кіевѣ градѣ предъ враты Святыя Софіи встрѣчается только въ прологахъ [81]). Прочтемъ это сказаніе, какъ образецъ безыскусственнаго занесенія въ церковную хронику обстоятельствъ построенія храма въ годы недавняго утвержденія христіанства въ главныхъ городахъ Руси.

„Блаженный, приснопамятный всея Русьская земъля князь Ярославъ, нареченный во святомъ крещеніи Георьгій, сынъ Володимеровъ, крестившаго землю Рускую, братъ же святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, въ свое имя хотя создати црьковь святого мученика Егорьгія. Да еже восхоте, тоже и сотвори. И яко начаша созидати ю—и не бѣ у нея много дѣлатель. И се видѣ князь, призвативуна и рече ему: почто у церкви не много стражущихъ? Тивунъже рече: господине, понеже дѣло властельско есть и боятъся людіе, еда трудъ подъимше наима лишени будутъ. И рече князь: да аще тако есть, то азъ сице сотворю, и повелю купы возити въ комары золотыхъ воротъ. И возвѣстиша на торъгу людемъ, да возьмуть каждо

[81]) Ркпсь Имп. Публ. Библ. Толст. № 285 Отд. I (F. № 268) Мца Ноября кз—в'тои же днь сщение церкви стго Георьгия в Кневѣ градѣ предъ враты стыя Соѳия.

по ногатѣ на день. И бысть множество дѣлающихъ. И таково скоро коньча церковь и святи ю Ларіономъ митрополитомъ мѣсяца ноября въ 26 день. И сотворивъ въ ней настолованіе новоставимымъ епископомъ и заповѣда во всей Руси творити праздникъ стаго Георьгія мѣсяца ноября 26 день".

Черты древняго быта, встрѣчающіяся въ этомъ сказаніи, не лишены значенія. Простодушная боязнь „властельска дѣла", приманка народа возимыми деньгами, кличъ на торгу, роль тивуна и наконецъ эти самыя: „комары золотыхъ воротъ, куны и ногаты", и обычай „настолованья" епископовъ въ особой церкви, все это увеличиваетъ небогатый запасъ свѣдѣній о временахъ перваго Ярослава. Самъ князь, какъ и подобаетъ въ церковной хроникѣ, получаетъ права церковнаго гражданства по родству своему съ просвѣтителемъ земли, Владиміромъ, и святыми мучениками Борисомъ и Глѣбомъ.

И въ лѣтописныхъ сводахъ попадаются сказанія, писанныя для прологовъ, или исключительно въ интересахъ церкви и помимо самой лѣтописи. Такъ въ Кіево-Выдубицкомъ сводѣ помѣщено отдѣльное *Сказаніе о перенесеніи мощей Бориса и Гльба въ новую каменную церковь* [82]). Въ этомъ сказаніи сперва поименовываются всѣ епископы и нѣкоторые игумены, прибывшіе на церковное торжество и въ слѣдъ за тѣмъ говорится объ „учрежденіи великомъ" (обѣдѣ), устроенномъ Олегомъ Святославичемъ для духовенства и бѣдныхъ. Самое событіе перенесенія мощей передается живо, какъ только

[82]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 6.

могъ передавать очевидецъ. „Народъ покрылъ собою и градъ, и забрала, яко страшно бяше видѣти народа множество. Раку Бориса поставили на возила, впередъ шли чернецы со свѣчами, потомъ попы и епископы. Затѣмъ раку волокли на ужахъ князья и бояре. Народъ сильно налегъ и поломалъ устроенныя около шествія ограды: едва отъ тѣсноты можно было поставити раку. И повелѣлъ Владиміръ рѣжючи наволокы, орници, бѣль разметати народу, ово же сребреники метати.—Только одна эта послѣдняя подробность уцѣлѣла въ краткой лѣтописной замѣткѣ Лаврентьевскаго свода: и повелѣ Володимеръ метати наволокы, фофудью, орничи и бѣль, людемъ силно налегшимъ [83]).

Святославичи оспориваютъ желаніе Мономаха поставить мощи среди церкви и ссылаются на волю своего отца, завѣщавшаго поставить мощи въ нарочно для нихъ устроенной „комарѣ“. Митрополитъ и епископы для рѣшенія спора и чтобы узнать волю мучениковъ предлагаютъ князьямъ бросить жребіи и кладутъ жребій Мономаховъ и Святославичей на святой престолъ. Вынулся жребій Давидовъ и Ольговъ и „Святыхъ поставили въ комару на десной сторонѣ, гдѣ нынѣ лежатъ“. Краткою хвалою мученикамъ и молитвою къ нимъ, какъ къ поборникамъ отечества и цѣлителямъ недуговъ, оканчивается сказаніе.

Въ концѣ сказаній о чудесахъ Бориса и Глѣба, дополняющихъ житіе, писанное Іаковомъ Мнихомъ, помѣщено и это сказаніе о перенесеніи мощей, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ [84]). Прибавлены подробности богослуженія, но выпущено

[83]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 127.

[84]) См. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскимъ по порученію Имп. Археол. Общ. 1860 г., стр. 86—90.

преніе князей и метаніе жребія. Но память о замѣшательствѣ, происшедшемъ во время постановки гробовъ, отпечатлѣлась въ разсказѣ о томъ, какъ рака св. Глѣба стала неподвижно—и только, послѣ молитвенныхъ возгласовъ народа, она двинулась сама по себѣ. Такъ древнѣйшія правдивыя сказанія измѣнялись въ позднѣйшихъ искуственныхъ пересказахъ, гдѣ притомъ черты дѣйствительности превращались въ изображенія чудеснаго.

Въ прологахъ (XIII вѣка и XIV-го) сохранилось древнѣйшее *Сказаніе о Новогородскомъ знаменіи*, въ послѣдствіи передѣланное, какъ и многія подобныя сказанія, въ повѣсть. Обычный въ Новогородской письменности [85]) сжатый складъ повѣствованія какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ требуемой прологомъ краткости.

Въ сказаніи о Знаменскомъ чудѣ сжато передапы обстоятельства дѣла: распря Новогородцевъ съ Суздальцами изъ-за Двинской дани. „Богъ пособилъ Новогородцамъ, разбившимъ полкъ Андрея. О томъ князь Андрей разгнѣвася на Новгородъ и нача копити рать. Самъ тогда разболѣлся [86]) почему и послалъ сына Романа со всею силою Суздальскою и князя Мстислава со Смольнянами Рязанцевъ съ своими князьями, и Муромцевъ, и Полочанъ, и Торопчанъ, Переяславцевъ и Ростовцевъ; и было всѣхъ князей 72. Ново-

[85]) Мы пользовались однимъ изъ древнѣйшихъ списковъ въ Прологѣ Имп. П. Библ. ркпсь XIII вѣка. Толст. Отд. I, № 69. (F. № 288).

[86]) „—Слово о знаменіи стыя Бца^е, сотворися знаменіе великое и преславное, отъ иконы стыя Бца въ Новгородѣ сице: живущимъ Новгородцемъ и т. д.

городцы въ скорби сѣтовали и молились Богу. Суздальцы стояли подъ городомъ три дня. На третью ночь владыка Іоаннъ услышалъ гласъ, указавшій ему на икону Богородицы, на Ильинѣ улицѣ. Чудомъ Богородицы побѣдили Новогородцы; враги же ихъ ослѣпли и бились между собой. Новогородцы—однихъ избили, другихъ живыми взяли въ плѣнъ. И положиша праздновати всѣмъ Новымъ—городомъ знаменію". Таково содержаніе первоначальнаго сказанія о знаменитой Новогородской побѣдѣ надъ Суздальцами. Въ самомъ началѣ сказанія замѣчательно объясненіе Новогородскаго государственнаго устройства съ мѣстной точки зрѣнія: „Живущимъ Новогородцемъ и владѣаху своею областію, яко же имъ Богъ поручилъ, а князя держаху по своей воли" [87]). Въ концѣ сказанія интересна переписка, встрѣчающаяся во всѣхъ спискахъ первоначальной редакціи: „Тогда Новгородци начаша продавати Суздальца по двѣ ногатѣ [88]). Это похвальба, соединенная съ насмѣшкой, сродна съ выраженіемъ Слова о полку Игоревѣ о Половецкихъ плѣнникахъ: „чага по ногатѣ, а концей по резани" и съ шутливымъ заключеніемъ одной Олонецкой былины:

---

[87]) Позднѣе отдѣльныя Новогородскія Повѣсти начинались такъ: „Въ лѣта благочестивыхъ князей нашихъ Русскихъ живущимъ Новогородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ совокупленіи. (Повѣсти древнихъ лѣтъ, яже содѣяшася въ великомъ Новѣградѣ, въ Сборникѣ Имп. П. Библ. Толст. Отд. II, № 254.

[88]) Эта приписка стоитъ и въ одномъ лѣтописномъ сводѣ (см. П. С. Р. Л. т. V, 9—10), гдѣ впрочемъ помѣщено сказаніе въ своей древнѣйшей редакціи, совершенно сходной съ вошедшею въ Прологи XIII и XIV столѣтій.

Старушечки были по полушечкѣ.
А молодушечки по двѣ денежки [89]).

Нельзя рѣшить патріотическое-ли чувство писателя Новогородца допустило его внести это выраженіе въ прологъ, или переписчикъ счелъ эту шутку за чистую монету?

Въ Кіевскомъ сводѣ лѣтописей встрѣчаются одно за другимъ *три сказанія о чудесахъ пресвятой Богородицы* [90]). Эти три сказанія вѣроятно составляли часть сборника сказаній о чудесахъ Богородицы. Сказанія эти писаны лицами преданными князю Андрею Боголюбскому; два изъ нихъ происхожденія Владиміро-Суздальскаго, а одно Кіевскаго, но относится къ тому времени, когда въ Кіевѣ княжилъ братъ того-же Андрея, Глѣбъ, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ третій братъ Михалко.

Одно изъ этихъ сказаній передаетъ событіе Новогородской осады и бывшее при немъ чудо съ точки зрѣнія противоположной Новогородскому взгляду. Сынъ Андрея, Мстиславъ, по этому сказанію, не потерпѣлъ пораженія отъ Новогородцевъ; виною же бѣды, постигшей Суздальское ополченіе, былъ голодъ и моръ. Это было послано Богомъ, какъ испытаніе. О самомъ чудѣ Богородицы говорится слѣдующимъ образомъ: „Мы слышали, что за три года до того на трехъ иконахъ плакала Богородица и всѣ люди это видѣли. То матерь Божія видѣла бѣду, грозившую Новугороду и молила Сына Своего, чтобы не искоренилъ Новогородцевъ, какъ Содома и Гоморру. Такъ и сбылось! видимо Богъ ихъ помиловалъ, наказавъ

[89]) Сборникъ Рыбникова, т. I, Вольга Буслаевичь, по пересказу Кузьмы Романова.

[90]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 102—104 и т. I, стр. 151—154.

смирилъ ихъ до зѣла; за преступленье, за гордость навелъ на нихъ враговъ, но и избавилъ градъ ихъ". Суздалецъ напоминаетъ Новогородцамъ, что они освобождены прадѣдами „нашихъ князей" и поноситъ ихъ за злое невѣрствіе, за преступленіе клятвы, за что Богъ и „наказалъ ихъ по достоянію рукою благовѣрнаго князя Андрея". Пристрастное истолкованіе событія „отъявшаго честь и славу отъ Суздальцевъ" (по новогородскому выраженію), натяжкою и тонкою изворотливостью приписываетъ рукѣ Андрея, будто-бы наказавшей Новогородцевъ, значеніе Божьяго орудія.

Второе сказаніе повѣствуетъ *о казни еретика, епископа Ѳедора*, мучившаго гражданъ ужасными муками. „Богъ сжалился надъ кроткими людьми Ростовской земли и спасъ ихъ крѣпкою благочестивою, царскою рукою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея" [91]).

Третье сказаніе о чудѣ Десятинной Богородицы, событіи Кіевскомъ, случившемся въ княженіе брата, Андреева, Глѣба, при непосредственномъ участіи другого брата Михалка. Начало этого сказанія своими общими поясненіями о Десятинной церкви—кѣмъ она построена и почему такъ названа—и упоминаніемъ о томъ, кто княжилъ въ Кіевѣ, указываетъ на отдѣльность и самостоятельность этого памятника.

Чюдо створи Богъ и Святая Богородица—церковь Десятинная въ Кыевѣ, юже бѣ создалъ Володимеръ, иже крестилъ землю и далъ бѣ деся-

---

[91]) Существуетъ мнѣніе что источникомъ этого сказанія была митрополичья суровая грамота о Оедорцѣ. (См. статью С. М. Соловьева: Взглядъ на состояніе духовенства въ древн. Руси, стр. 9—13 въ Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи и древн. 1847 г. № 6).

тину церкви той по всей Русьской земли. Створи же то мати Божія чюдо паче нашея надежа. Сѣдящу же Глѣбови Юрьевичу въ Кыевѣ на столѣ отиѣ и дѣднѣ, въ первое лѣто приде множество Половцевъ“.....

Половцы раздѣлились на два отряда и одновременно изъ подъ Переяславля и изъ подъ Корсуня приглашали Глѣба пріѣхать къ нимъ, положить рядъ и утвердить его клятвою „да ни мы начнемъ боятися васъ, ни вы насъ“. Услышавъ рѣчь Половецкихъ князей, Глѣбъ захотѣлъ идти къ нимъ на снемъ и сказалъ посламъ Половецкимъ: „иду къ вамъ“, а самъ сталъ думать съ дружиною о томъ, къ которымъ Половцамъ идти впередъ. И сдумали прежде идти къ Переяславлю: ибо князь Переяславскій Володимеръ Глѣбовичь „въ то время бяшеть малъ, яко 12 лѣтъ“. И пошелъ Глѣбъ къ Переяславскимъ Половцамъ на снемъ, а къ другимъ Половцамъ, стоявшимъ на р. Роси, у Корсуня, послалъ сказать: „пождите меня тамъ, иду къ Переяславлю; умирившись съ тѣми Половцами, я къ вамъ приду на миръ“.

Умирившись съ Половцами и одаривъ ихъ, (Глѣбъ) поѣхалъ отъ нихъ—и Половцы возвратились въ Половецкую землю [92]) Глѣбъ же Юрьевичь пошелъ къ Корсунскимъ Половцамъ съ братомъ съ Михалкомъ и съ дружиною своею и доѣхалъ онъ до Перепетовскаго поля.

Половцы же тѣ, услышавъ, что Глѣбъ отъѣхалъ къ Переяславлю, сдумали такъ: „вотъ Глѣбъ уѣхалъ на ту сторону, къ тѣмъ Половцамъ и тамъ ему застрять, а къ намъ онъ не поѣхалъ; пойдемъ за Кіевъ, возмемъ села, и пойдемъ

[92]) Половцы—възвратишася въ Половьци.

съ полономъ въ Половци. И поѣхали за Кіевъ воевать, и пріѣхали къ Полопому, къ святѣй Богородици къ граду Десятинному—и възяша села безъ учета съ людми: съ мужи и съ женами и конѣ и скоты и овьцѣ—погнаша въ Половьци".

„И былъ Глѣбъ на Перепетовскомъ полѣ. Возвращаясь изъ Переяславля, онъ хотѣлъ идти на ту сторону Днѣпра къ Корсуню на снемъ. И пришла къ нему вѣсть, что Половци не дождались снема его, поѣхали воевать и воюютъ. И хотѣлъ Глѣбъ на нихъ самъ идти, но Берендѣи взяли копя за поводъ и сказали: княже, не ѣзди. Тебѣ лѣпо ѣздить въ великомъ полку, когда съ тобою идутъ и другіе князья, а нынѣ пошли брата которого любо и Берендѣевъ нѣсколько. И послалъ Глѣбъ брата своего Михалка и съ нимъ Переяславцевъ сто и Берендѣевъ полторы тысячи". Тутъ сказаніе переходитъ къ самому подвигу Михалка. Въ послѣдовательности и спокойствіи разсказа первой половины видны отдѣлка и пріемы, свойственные лицу, повѣствующему о несовременномъ, но памятномъ въ дружинѣ событіи.

Рѣчи, влагаемыя въ уста Глѣба и Половцевъ, носятъ характеръ творческаго пріема былины и повѣсти о минувшемъ времени.

Вторая часть сказанія также округлена и отдѣлана, какъ и первая. „Михалко сотворилъ послушаніе братне, хотя его дружины съ нимъ не было и не знала дружина о скорой поѣздкѣ своего князя. И цѣловалъ Михалко брата своего Глѣба и всю дружину братню и пошелъ на Половцевъ; пошли на нихъ и Берендѣи съ Михалкомъ,по дорогѣ Половецкой".

„Наши пошли на перерѣзъ Половцевъ и встрѣтились

прежде всего съ ихъ передовымъ (сторожевымъ) отрядомъ въ 300 человѣкъ. Наши окружили этотъ отрядъ, избили и взяли въ плѣнъ и стали спрашивать: много-ли вашихъ назади? И они отвѣчали: много до семи тысячъ. И наши, услыхавъ это, стали думать: что ежели мы даруемъ этимъ (плѣнникамъ) жизнь? Насъ мало, а Половцевъ назади много; когда начнемъ съ ними биться—они будутъ первые наши вороги. И избили всѣхъ и не отпустили ни одного мужа. И пошли по Половецкой дорогѣ—и встрѣтили Половцевъ, шедшихъ съ полономъ и бились и одолѣли, самихъ избили, а полонъ свой отняли и спрашивали и тѣхъ: много-ли васъ еще назади? и тѣ отвѣчали имъ: самый великой полкъ назади идетъ".

Слѣдя за увеличеніемъ опасности, авторъ сказанія, передъ третьею рѣшительною встрѣчею, прибавляетъ: „Наши же Божіею помощью крѣпляхуся и святою Богородицею. Вотъ дождались они и того полку великаго и пошли къ нему навстрѣчу, уповая на крестъ честной. У поганыхъ было 900 коній, а у Руси 90 коній. Надѣялись поганые на силу и пошли противъ нашихъ, а наши противу имъ".

„Переяславцы—храбры (дерзки)—и поѣхали они напередъ съ Михалкомъ. Берендѣи же взяли княжьяго коня за поводъ; не ѣздите вы напередъ, вы нашъ городъ, а мы пойдемъ напередъ. Стрѣлки сошлись съ обѣихъ сторонъ, и бысть сѣча зла. Нашего стяговника убили и челку стяговую сторгоша съ стяга. И не видя своего знамени, сбились сражающіеся. И былъ у Михалка воевода Володиславъ; и Володиславъ замыслилъ поднять стягъ Михалковъ и вмѣсто чолки надѣлъ на него „прилбицу" (вѣроятно шлемъ или подшлемную шапку), и тогда всѣ собрались къ своему стягу и въ свою очередь и Половецкаго стяговника убили. Тремя уда-

рами коній—былъ раненъ Михалко въ стегно и руку, но Богъ молитвою отца избавилъ его отъ смерти".

„Бились (Русскіе) съ Половцами крѣпко, какъ бывало прежде у лукоморья. И Половцы побѣжали, а наши погнали ихъ, били и брали въ плѣнъ. И руками взяли ихъ до полуторы тысячи, а прочихъ избили, а князь ихъ Тоглій утече".

„Такова была помощь—заключаетъ сказаніе—святой Богородицы, великой, Десятинной. И если Богъ не дастъ въ обиду человѣка простаго—то дастъ-ли онъ въ обиду домъ своей Матери"? И пришелъ Михалко съ Переяславцами и Берендѣями въ Кіевъ, побѣдивъ Половцевъ и христіанъ избавивъ отъ рабства. Полоненые возвратились во свояси, а прочіи крестьяни вси прославиша Бога и святую Богородицу, скорую помощницу роду крестьянскому".

Подвигъ Михалка, какъ и всѣ подвиги противъ поганыхъ, доставилъ ему славу въ Южной Руси, и повѣсть о его подвигѣ упрочилась въ дружинномъ поэтическомъ преданіи. Стяговникъ Русской и Половецкой, убитый въ отместку за Русскаго, и эта прилбица, замѣнившая челку знамени, все это—подробности живаго дружиннаго разсказа. Троекратная встрѣча Половцевъ и дважды повторенный пріемъ Берендѣевъ—браться за поводъ княжьяго коня невольно напоминаютъ эпическое повтореніе, неотъемлемую черту былеваго разсказа. Преданное интересамъ Десятинной церкви, духовное лицо воспользовалось готовымъ, и быть можетъ не разъ слышаннымъ, матеріаломъ и переложило его на книжный языкъ, поставивъ притомъ въ основу мысль о чудѣ Богородицы. Религіозная идея округлила, но не измѣнила былеваго содержанія и благодаря этой идеи до насъ дошло, хотя и въ пересказѣ, дружинное поэтическое произведеніе о подвигѣ Михалка—произведеніе, связанное припоми-

наніемъ о „лукоморьѣ“ съ повѣстями, славившими подвиги Мономаха.

Составленный въ Суздалѣ сборникъ о чудесахъ Богородицы вмѣстилъ это южное сказаніе, вѣроятно потому, что Михалко былъ Суздальской уроженецъ и даже въ послѣдствіи былъ тамъ великимъ княземъ.

У составителя лѣтописнаго свода, кромѣ сказанія о чудѣ Десятинной Богородицы, была еще и лѣтописная замѣтка о томъ же самомъ подвигѣ Михалка, но замѣтка довольно глухая, неточная, гдѣ вкратцѣ говорится о троекратной встрѣчѣ Половцевъ и о избіеніи сторожеваго отряда. Здѣсь удача не приписывается исключительно Десятинной Богородицѣ, а вообще Богу и молитвѣ княжьихъ дѣдовъ и отцевъ [93]). Съ Михалкомъ упоминается и братъ его Всеволодъ; вмѣстѣ съ Берендѣями идутъ и Торки. Воевода Володиславъ является также дѣйствующимъ лицомъ, но только не по поводу стяга, а при избіеніи Половецкихъ плѣнниковъ. Се держимъ колодники себѣ на смѣрть—говоритъ онъ—повели, княже, ать посѣкуть и.

Эта лѣтописная замѣтка указываетъ на варіантъ дружиннаго разсказа. Но какъ было согласить ее съ сказаніемъ? Составитель „лѣтописца“ вышелъ изъ затрудненія и отнесъ ее къ слѣдующему году, тому году, когда скончался въ Кіевѣ великой князь Глѣбъ. Такъ какъ обстоятельства, по которымъ Глѣбъ отсутствовалъ, ему не были извѣстны, то онъ разсудилъ

[93]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 105: Тоѣ же зимы (6681, а чудо Десятинной Богородицы разсказано подъ 6680 г.) придоша Половцы на Кыевьскую страну и взяша множество селъ....

что великой князь былъ боленъ: Глѣбу же больну сущу, посла по брата...

Сказаніе о убіеніи Андрея Боголюбскаго, не смотря на нѣкоторыя искуственныя и общецерковныя мѣста, сохраняетъ характеръ правдиваго сказанія, писаннаго лицомъ, преданнымъ князю и глубоко потрясеннымъ убійствомъ, коего это лицо, находившееся въ Боголюбовѣ, было свидѣтелемъ.

Андрей былъ убитъ измѣною. Святой Борисъ и окаянный Горясѣръ какъ нельзя ближе подходили къ темѣ сказанія и могли сообщить готовыя краски. Страданія князя, погубленнаго измѣною, даютъ автору право обратить къ нему одушевленное слово, какъ къ мученику, увѣнчанному вѣнцемъ святости. Предсмертныя молитвы Андрея и воззванія его къ убійцамъ говорятъ за стремленіе къ возвышенному, искуственному построенію сказанія, которое однако въ общемъ не поставлено на идеальную почву повѣсти. Словамъ автора, что Андрей пострадалъ за Христа противорѣчатъ слова Кучковича, тутъ же приведенныя: „сегодня онъ брата казнилъ, а завтра казнить и насъ“. Сравненіе Андрея съ агнцемъ, идущимъ на закланіе, противорѣчитъ подробностямъ схватки его съ убійцами: Блаженный же вскочи, хотѣ взяти мечь и не бѣ ту меча..... и въ скочиша два окаьныя и ястася съ нимъ, и князь поверже одиного подъ ся. Во всѣхъ подходящихъ мѣстахъ авторъ пользуется условными выраженіями языка „житій“: сатана веселилъ заговорщиковъ въ медушѣ княжьей, гдѣ они пили вино и крѣпилъ ихъ, не видимо имъ служа. Устремишася яко звѣрье свѣрьи... Андрей помяну вся Іовова и пр. Но тѣмъ не менѣе сказаніе, какъ живая передача видѣннаго, не

выдерживаетъ искуственной формы и переходитъ въ правдивый и безъискуственный складъ.

Нѣкоторыя мѣста отмѣчены особенно живымъ изложеніемъ. „Къ князю въ ложницу стучатся заговорщики: Господине, Господине! И князь спросилъ: кто тамъ? Убійца отвѣчалъ: „Прокопій“ и рече князь: о паробьче, не Прокопій“!

Глубокимъ чувствомъ и силою драматизма отличается въ особенности то мѣсто, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является кіевлянинъ Кузмище. Среди самой оргіи грабежа и разоренья княжьяго дома—страшно зрѣти—„Кузмище спрашиваетъ злодѣевъ: гдѣ убитый господинъ нашъ? и слышитъ отвѣтъ: его стащили въ огородъ, не моги брать его; мы хотимъ его выбросить псамъ. Кто возмется за него, тотъ нашъ врагъ, и мы убьемъ его“.

„Господине мой—плакалъ Кузмище надъ тѣломъ князя своего—какъ ты не распозналъ враговъ твоихъ, какъ не домыслилъ побѣдить ихъ, ты, побѣждавшій полки проклятыхъ Болгаръ“! Но вотъ приходитъ Амбалъ, Ясинъ родомъ—онъ держалъ ключь отъ всего дома княжьяго и князь ему далъ волю надо всѣмъ. „Амбале, вороже, сбрось коверъ или что еще, чтобы разостлать и чѣмъ бы прикрыть господина нашего“. И рече Амбалъ: иди прочь, мы хотимъ выверечи псомъ. И рече Кузмище: „о еретиче! уже псомъ выверечи? помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшеть? Ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ. Но молю ти ся сверзи ми что либо“ и сверже коверъ и корзно. И обвертѣлъ Кузмище тѣло и понесъ въ церковь и проситъ: „отмкните божницу“—и слышитъ въ отвѣтъ: „брось его въ притворѣ,

вотъ далась тебѣ печаль". Вѣрный Кузмище вновь горько причитаетъ надъ участью своего князя: бывало гостепріимный князь всѣхъ водилъ показывать красоту созданной имъ церкви, пріѣдитъ ли къ нему гость изъ Царяграда, латинянинъ или даже поганый жидъ, и болгаръ, а теперь его самого туда не пускаютъ". Въ этомъ то преданномъ князю Кіевлянинѣ нельзя не видѣть самого автора сказанія. Находясь на мѣстѣ убійства и быть можетъ живя на дворѣ княжескомъ, Кузьма по горячимъ слѣдамъ узналъ обстоятельства злодѣянія. Ему близко и дорого по воспоминанію то время, когда единственнымъ хранителемъ тѣла своего князя былъ онъ самъ.—„Два дня убіенный князь лежалъ въ притворѣ и только на третій день игуменъ Арсеній сказалъ: долго-ли намъ смотрѣть на старѣйшихъ игумновъ и долго-ли сему князю лежать? отмкните божницу, да отпою надъ нимъ..... да коли перестанетъ злоба, тогда пришедъ изъ Володимеря понесутъ и тамо". „Злоба" Боголюбскихъ горожанъ, ограбившихъ не только домъ княжь, но и домы посадниковъ и тивуновъ и избившихъ самихъ дружинниковъ, и злоба Володимерскихъ жителей, усмиренныхъ попомъ Микулицею, обошедшимъ, въ ризахъ,со святою Богородицею городъ, внушаетъ княжьему человѣку тексты священнаго писанія о противленіи власти, какъ о дѣлѣ богопротивномъ: Князь бо не туне мечь носитъ; Божій бо слуга есть. По обычаю, издавно установившемуся въ цѣльныхъ сказаніяхъ, авторъ поправляетъ свое отклоненіе отъ предмета словами: „Мы же напрежнее возвратимся" и переходитъ къ шестому дню по убійствѣ, къ пятницѣ, когда совершилось торжественное перенесеніе тѣла Андреева въ городъ. „Граждане сказали игумену Ѳеодулу и Лукѣ, деместеннику Святой Богородицы: нарядите посилки и пойдемъ, возьмемъ князя и

господина своего Андрея, а попу Микулицѣ сказали: собери поповъ всѣхъ и, облекшись въ ризы, выдьте передъ Серебреныя вороты и тамъ дожидайтесь князя. Когда началъ выступать стягъ отъ Боголюбова раздался вопль и плачь. Народъ въ плачѣ приговаривалъ: Ужь не въ Кіевъ-ли ты поѣхалъ, господине, черезъ тѣ Золотыя вороты, которыя ты послалъ строить у той церкви, на великомъ дворѣ на Ярославовомъ" и т. д.

Положеніемъ тѣла съ благохвальными пѣснями въ церкви, юже бѣ самъ создалъ, оканчивается сказаніе о кончинѣ Андрея. Заключеніе состоитъ въ прославленіи добродѣтелей князя, котораго Богъ привелъ къ себѣ, омывъ прегрѣшенія его кровью, подобно братьямъ его Роману и Давиду (Борису и Глѣбу). За тѣмъ слѣдуетъ молитвенное воззваніе къ Андрею (радуешися Андрею княже великой...) съ прошеніемъ о побѣдѣ надъ врагами и о мирной державы братіи ихъ „на многія лѣта—во вѣки вѣковъ аминь".

Заключительныя слова эти въ Суздальскомъ сводѣ измѣнены. Молитва Андрея призывается не для братьи его вообще, а для „князя нашего и господина Всеволода—съ княгинею и съ благородными чадами". Но это уже вторая редакція того-же самого сказанія. Подробности о Кузмицѣ и о пренебреженіи къ тѣлу князя тутъ опущены; вмѣсто Кіевлянина являются клирошане Боголюбскіе, положившіе непосредственно послѣ убіенія тѣло Андрея въ каменный гробъ [91]). Опущены и другія живыя подробности убіенія (пиръ въ княжой медушѣ, разговоръ Андрея съ убійцею).

---

[91]) П. С. Р. Л. т. IX, стр. 250.

Это служитъ живымъ образчикомъ того, какъ урѣзывалось въ передѣлкѣ все живое, подробное, и наводитъ на мысль о томъ, что источниками торжественныхъ, офиціальныхъ лѣтописей были еще и многія другія, не дошедшія до насъ, живыя сказанія, изображавшія съ отчетливостью и полнотою современныя событія.

Сказаніе Кіевлянина снабдило Суздальской пересказъ всѣми фактами, а равно и текстами и выраженіями; только подвигъ Кузмища не удостоился упоминанія.

Сказаніе же было написано весьма скоро послѣ убіенія и во всякомъ случаѣ до вокняженія Всеволода во Владиміро-Суздальской землѣ, слѣдовательно между 6 числомъ іюля 1175 года и 27 іюня 1177 года.

Но и въ первоначальной, неизмѣнной редакціи (въ Кіевскомъ сводѣ) сказаніе это не дошло до насъ слитымъ съ похвалою Андрею, писанною не Кіевляниномъ, а Владимірцомъ, описавшимъ всю роскошь устроенной Андреемъ Владимірской Златоверхой церкви. Похвала эта, прославляющая Андрея, какъ строителя церквей, какъ человѣка воздержнаго, милостиваго до духовенства и бѣдныхъ, стремится поставить Андрея на высоту добровольнаго мученика: стремясь получить страдальческой вѣнецъ, онъ зналъ о заговорѣ на свою жизнь, и не препятствовалъ заговорщикамъ. А между тѣмъ въ сказаніи Кузмище плачетъ о томъ, что Андрей не догадался, что противъ него есть заговоръ. Такъ сшивали наши древніе сводчики свои источники, не только не переработывая ихъ, но даже и не оговаривая противорѣчій.

Вообще сказаніе объ убіеніи Андрея по правдивости и живому изложенію есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятни-

ковъ повѣствовательной литературы XII столѣтія. По искренности и простотѣ и даже по изложенію, памятникъ этотъ однороденъ съ сказаніемъ объ обрѣтеніи мощей Ѳеодосія Печерскаго: та же непосредственная передача личныхъ впечатлѣній и безъискуственность изложенія того, что видѣлъ, слышалъ и прочувствовалъ авторъ. Изощренная и натянутая Владиміро-Суздальская прибавка своимъ противоположнымъ характеромъ оттѣняетъ искренность и простоту первоначальнаго сказанія. Прибавка къ сказанію объ убіеніи Андрея совершенно въ духѣ Владиміро-Суздальскаго повѣствованія.

Печать церковности лежитъ на Суздальскихъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ. Обиліе текстовъ, подбираемыхъ ко всякому описываемому событію, и одни и тѣже выраженія въ оцѣнкѣ князей и въ усердно расточаемой хвалѣ каждому великому князю господину Ростовско-Суздальской земли говорятъ за установившіеся литературные пріемы, за особую литературную школу. Лѣтописи Суздальской школы по большей части сухи и безцвѣтны; причина тому, сверхъ упомянутыхъ уже нами свойствъ, заключается въ строгой разборчивости, при которой только рѣдкіе и опредѣленные случаи удостоивались внесенія въ лѣтопись. Величавость содержанія требовала сокращенья сказаній, пришедшихъ съ юга и урѣзыванья живыхъ подробностей при передачѣ мѣстнаго происшествія. Исключительное, подобострастное отношеніе къ князьямъ свидѣтельствуетъ объ офиціальномъ характерѣ этихъ лѣтописей. И здѣсь нравственный приговоръ или сужденіе писателя никогда не возвышается надъ совершившимся фактомъ; напротивъ того съ дипломатическою изворотливостью всякое событіе худое или доброе поясняется на пользу и хвалу князя и Владимірскихъ гражданъ. Самымъ выдающимся примѣромъ этого умѣнья дать

особый и пристрастный смыслъ даже и неблагопріятному событію можетъ служить Суздальской разсказъ о Новогородскомъ знаменіи (см. выше).

Въ Лаврентьевскомъ лѣтописцѣ три сказанія о чудесахъ Богородицы (знаменское, о Ѳедорцѣ епископѣ и о подвигѣ Михалка) находятся среди отрывковъ Кіевскихъ лѣтописей, хотя и не всегда тѣхъ самыхъ, которыя вошли въ Кіевской лѣтописный сводъ или, т. н. Ипатьевскую Лѣтопись. Лѣтописаніе Суздальское въ сводахъ, дошедшихъ до насъ, есть прямое продолженіе Кіевскаго лѣтописанья. При Юріи оно еще не отличается отъ южнаго, но при Андреѣ уже получаетъ мѣстный характеръ. Первый по времени образецъ повѣствованія Владимірскаго происхожденія есть—сказаніе о Новогородскомъ знаменіи; потомъ слѣдуетъ сказаніе объ обличеніи и казни Андреемъ епископа Ѳедорца и наконецъ третье произведеніе тѣхъ-же свойствъ и того же происхожденія—Похвала Андрею, слитая съ сказаніемъ о его кончинѣ, и заключительная прибавка къ сказанію (по Суздальск. редакціи): радуешися Андрѣю, княже великый—молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подастъ ему побѣду и мирну державу и царство небесное нынѣ и присно, въ безконечныя вѣкы, аминь.

Рядъ послѣдовательныхъ Владиміро-Суздальскихъ разсказовъ начинается *сказаніемъ о призваніи Владимірцами Михалка, брата Андреева* [95]).

Сказаніе это имѣетъ цѣлью прославить увѣнчанныхъ успѣхомъ Владимірцевъ. Они помнили крестное цѣлованіе къ

---

[95]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 158.

Юрію на его дѣтяхъ и хотѣли имѣть княземъ Михалка Юрьевича, тогда какъ другіе города Ростовской земли: Ростовъ, Суздаль, Переяславль, забывъ это крестное цѣлованіе, призвали юныхъ князей, сыновей Ростислава Смоленскаго. Владимірцы бьются за Михалка; цѣлыя семь недѣль, они выдерживаютъ осаду, ибо Святая Богородица оберегаетъ ихъ. Когда уже нельзя было долѣе держаться, они съ плачемъ отпускаютъ отъ себя Михалка. За приверженностью къ князю еще скрывается другое чувство. Не противъ Ростиславичевъ бились Владимірцы, но не хотяще покоритися Ростовцемъ, зане молвяхуть (послѣдніе): пожьжемъ и, паки ли посадника въ немъ (во Владимірѣ) посадимъ: то суть наши холопи, каменьницы [96]).

Побѣдители Ростиславичи роздали посадничество „Русскимъ мужамъ“ (т. е. не мѣстнымъ а южно-русскимъ) и тѣ помногу тяготу людямъ створиша продажами и вирами. По молодости лѣтъ князья слушали бояръ, а тѣ научили ихъ брать многое имѣніе. Когда же князья взяли золото и серебро Владимірской Богородицы—тогда возстали Владимірцы. „Мы вольныхъ князей приняли къ себѣ, а эти двое какъ будто не у насъ княжатъ—грабятъ волости и церкви. А промышляйте братья“.

По зову Владимірцевъ двинулся къ нимъ Михалко съ братомъ Всеволодомъ, а Ярополкъ Ростиславичъ съ полкомъ своимъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, чтобы не пустить ихъ городу Владиміру. Тогда, по словамъ сказанія, случилось новое чудо Святой Богородицы: „враждебные полки не встрѣтились въ лѣсахъ (минустася въ лѣсѣхъ) за Москвою. Въ Суздалѣ по-

[96]) Тамъ же стр. 159.

лучилъ Ростиславичъ Мстиславъ вѣсть отъ брата: Михалко немощенъ, несутъ его на носилѣхъ, а съ нимъ дружины мало. Я за нимъ гонюсь, а ты, брате, скорѣе иди противъ него, чтобы онъ не вошелъ въ Володимеръ. Лишь только вѣсть эта пришла къ Мстиславу, онъ, объявивъ дружинѣ, поѣхалъ изъ Суздаля такъ борзо, какъ бы за зайцемъ погнался. Дружина неслась за нимъ". Живо и не многословно описана встрѣча втораго Ростиславича съ Михалкомъ за пять верстъ до Владиміра. „Вдругъ изъ загорья выступилъ передъ Михалкомъ полкъ—вси во бронѣхъ, яко во всякомъ леду, и подъяша стягъ. Михалко поспѣшилъ устроивать полки свои, а Мстиславово войско кликнуло кличь—яко пожрети хотяще. Но Богъ помогъ Михалку и брату его Всеволоду, зане цѣловали крестъ и не унизили крестнаго цѣлованія. Да сверхъ того за нихъ была молитва отца, дѣда и прадѣда".

Разсказывая о торжественномъ вшествіи Михалка во Владиміръ, повѣствователь не надивится новому чуду Матери Божьей, какъ укрѣпляетъ она своихъ гражданъ: „Не вложи бо имъ Богъ страха и не убоялись двоихъ князей, сидѣвшихъ въ ихъ волости, и боярскія угрозы не вмѣнили ни во что". Восхваляя успѣхъ пригорода Владимірскаго, повѣствователь не безъ іроніи относится къ гордынѣ старыхъ городовъ: „Вотъ новые мезинніи люди уразумѣли правду Божію, когда сказали: любо Михалка добудемъ себѣ, любо головы своя положимъ за Св. Богородицу и за Михалка. А Ростовцы, Суздальцы старѣйшіе, давніи не разумѣша правды Божія". Къ нравственному значенію юнаго города примѣняется и текстъ: „Господи, утаилъ се отъ премудрыхъ и разуменъ, открылъ еси младенцемъ". Сліяніе интересовъ города Владиміра съ личностями братьевъ Андрея и вра-

ждебное чувство къ старому Суздалю, равно какъ и освѣщеніе мѣстныхъ интересовъ религіозной правдою и заступничествомъ Богородицѣ, видимъ и въ слѣдующихъ затѣмъ повѣствованіяхъ Владиміро-Суздальскаго лѣтописнаго свода.

Чудная Мати Божія Владимірская (т. е. церковь ея) и весь городъ показался Всеволоду Юрьевичу на воздухѣ. Князь и весь полкъ его видѣли чудо. Врагъ Всеволода, Мстиславъ, слушаетъ „рѣчи ростовскія и боярскія, рѣчи злыхъ человѣкъ“. Побѣжденный Всеволодомъ Мстиславъ бѣжитъ „гонимъ гнѣвомъ Божіимъ [97])“.

Но что дѣлать писателю, когда его любимый князь не согласенъ съ его же прославленными согражданами, какъ напримѣръ въ дѣлѣ мщенія Суздальцамъ? на чью сторону станетъ писатель? измѣнитъ-ли духу ненависти къ врагамъ роднаго города, или всё таки станетъ на сторону князя, составившаго городу честь и славу? „Князь господинъ“ покоряетъ себѣ сочувствіе разскащика. Всеволодъ не захотѣлъ ослѣпить Суздальскихъ плѣнниковъ, какъ того требовали Владимірцы: авторъ объясняетъ это богобоязненностью и благостью князя. Но, когда въ слѣдъ за тѣмъ Всеволодъ уступилъ, авторъ не обвиняетъ его въ слабодушіи, а только умываетъ руки князя въ злодѣйствѣ: Всеволоду печальну бывшю, не могшю удержати людей [98]).

По поводу казни Новогородцевъ въ Торжкѣ, за измѣну Всеволоду, повѣствователь приводитъ не безъ сочувствія характеристическія слова своихъ согражданъ: „мы не цѣловать ихъ пріѣхали; они, княже, Богови лжютъ и тебѣ“ [99]). Казни

[97]) П. С. Р. Л. т. I, подъ 6685 г.
[98]) П. С. Р. Л. т I, стр. 163, подъ 6685 г.
[99]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 163 подъ 6686 г.

Новогородцевъ и сожженіе Торжка онъ оправдываетъ тѣмъ, что Новогородцы преступаютъ крестное цѣлованіе. Грозные тексты изъ Израильскихъ пророковъ даютъ этому оправданію еще большую силу: зноемъ и бездождьемъ каралъ же Богъ злыхъ и жестокихъ, истреблялъ ихъ нивы, виноградъ и дубравы (Амосъ пророкъ). А Захарія пророкъ видѣлъ огненный серпъ, грядущій съ небесе и услышалъ гласъ: „это на тѣхъ, кто клянется именемъ моимъ и преступаетъ".

Въ краткихъ лѣтописныхъ разсказахъ о временахъ Всеволода Юрьевича видно то же подобострастное отношеніе къ князю. Разъ, дружина Всеволода хотѣла ѣхать на Святослава, но Всеволодъ не поѣхалъ, благосердъ сый, не хотя крове прольяти. Когда же самъ Всеволодъ захотѣлъ кровопролитья и не внялъ смиренной просьбѣ того же Святослава: „ты отецъ, ты господинъ, ты братъ".... то лѣтописатель говоритъ, что князь не восхотѣ мира, якоже пророкъ глаголетъ: брань славна луче есть мира студна [100]).

Епископъ Черниговской приходилъ ходатайствовать передъ Всеволодомъ за Рязанскихъ князей. Всеволодъ исполнилъ просьбу, отпустилъ плѣнныхъ Рязанскихъ мужей, а самого епископа Порфирія послалъ въ Рязанскую землю съ своимъ словомъ. Передача слова Всеволода Порфиріемъ навлекла на епископа негодованіе Всеволода, и лѣтописатель спѣшитъ сказать жестокое слово про пастыря, предпринявшаго подвигъ заступничества за свою паству: изворотилъ рѣчь Всеволода не яко святительски, но яко перевѣтникъ и ложь [101]).

[100]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 164 подъ 6689 г. и стр. 170, подъ 6694 г.

[101]) См. Тамъ же, подъ 6695 г.

При извѣстіи о смерти Всеволода встрѣчаемъ оправданіе его стойкаго и суроваго образа дѣйствій текстомъ ап. Павла: князь бо не вътуне мечь носитъ, въ месть злодѣямъ, а въ похвалу добро творящимъ [102]).

Владиміро-Суздальская, усвоивная себѣ церковный характеръ и книжную мудрость, по духу своихъ воззрѣній, весьма далека отъ благочестиваго, простодушнаго и независимаго характера сказаній „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Лѣтописатель Владиміро-Суздальскій всецѣло принадлежитъ міру и злобѣ дня, а ученіе церкви въ рукахъ его есть орудіе противъ враговъ роднаго города и “господина князя“ и—на защиту ихъ правоты, во что бы ни стало.

Ни въ какихъ другихъ лѣтописяхъ не означены такъ точно и послѣдовательно событія въ семьѣ великокняжеской: рожденье, браки, даже постриги многочисленныхъ дѣтей Всеволода, какъ во Владиміро-Суздальской лѣтописи. По поводу отъѣзда Константина Всеволодовича на княженье въ Новгородъ встрѣчаемъ цѣлое хвалебное повѣствованіе объ отъѣздѣ этого князя изъ Володиміра о прощаньи его съ отцемъ, братьями и гражданами, о путешествіи и пріѣздѣ въ Новгородъ. Повѣствованіе переполнено текстами, подобранными на случай восхваленія добродѣтелей Константина и величанія княжеской власти [103]).

Описаніе пожара во Владимірѣ, отчетъ о войнѣ, въ которой принимаетъ участіе „господинъ и князь“ земли Ростовско-Суздальской, похвала умершему члену великокняжеской семьи,

---

[102]) Тамъ же, стр. 184 подъ 6720 г.
[103]) Тамъ же, стр. 177, подъ 6714 г.

или умершему мѣстному епископу—вотъ все что считалось достойнымъ быть упомянуто въ „лѣтописцѣ“.

О пожарѣ во Владимірѣ есть цѣлое, законченное сказаніе полное разсужденій о томъ, какъ Богъ казнитъ любимыхъ рабовъ своихъ, требуя отъ нихъ покаянія и храненія заповѣдей Его. Благодареніемъ Богу и молитвою Богородицѣ заканчивается это сказаніе. О другомъ пожарѣ въ томъ же городѣ встрѣчаемъ подобное же сказаніе, но тексты въ немъ другіе, хотя на ту же тему [104]).

Разсужденія и книжное мудрствованіе въ Владиміро-Суздальской лѣтописи подавляютъ всѣ живыя подробности, подобно тому, какъ общія мѣста о правдѣ и добродѣтели затемняютъ личныя свойства восхваляемыхъ князей.

Постепенно выработывается идеалъ князя, строгаго защитника вѣры и властителя, наводящаго страхъ на чужія земли. Менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе идеалъ этотъ уже осѣнился вѣнцемъ святости въ „Повѣсти объ Александрѣ Невскомъ“.

Въ Владиміро-Суздальской сводъ, получившій такой своеобразный характеръ со временъ Всеволода III-го, съ большимъ разборомъ и рѣдко вносятся событія южно-русской жизни. Исключеніе дѣлается только для сказаній о войнахъ съ Половцами, такъ какъ сказанія эти имѣли обще-русское и широко-христіанское значеніе.

Кіевской лѣтописный сводъ заключается церковнымъ *сказаніемъ о построеніи каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ.* [105]). Сказаніе это имѣетъ характеръ похвальнаго

---

[104]) Тамъ же, стр. 165 подъ 6693 г. и стр. 172, подъ 6701 г.
[105]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 152.

слова сооружившему эту стѣну великому князю Рюрику Ростиславичу. Этотъ великой князь и его супруга Анна прославляются за ихъ благочестіе и за любовь къ архистратигу Михаилу. „Сто одинадцать лѣтъ—повѣствуетъ сказаніе—стоялъ монастырь Всеволода—и вотъ пятый отъ него задумалъ заложить каменную стѣну у Днѣпра, подъ церковью святаго Михаила. На освященіе стѣны пріѣхалъ въ обитель великой князь Рюрикъ-Киръ-Василій съ христолюбивою княгинею и съ сыномъ Ростиславомъ и Володимеромъ и съ дочерью своею Предславою и со снохою Ростиславлею—и поставили кутью у святаго Михаила и сотворили пиръ не малъ, трапезу со приготовленіемъ..... Похвалу князю воздалъ игуменъ Моисей, онъ говорилъ отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ: Дивна днесь видиста очи наша. Мнози бо преже насъ бывшеи желаша видѣти, яже мы видѣхомъ, и не видѣша“. Такъ начинается похвальная рѣчь о заслугахъ князя передъ Св. Михаиломъ и о той великой мздѣ, которая ожидаетъ его по смерти. Потомъ эта словесная хвала незамѣтно переходитъ въ письменное обращеніе къ Рюрику: Но о Христѣ державно милосердуя, по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе прими, акы даръ словесенъ на похваленіе добродѣтели. Въ похвалѣ не забытъ и строитель стѣны Милонѣгъ-Петръ, котораго Рюрикъ изобрѣте подобна дѣлу ходожника, акы Моисей древле оного Веселеила.

Для насъ интересно то, что панегирикъ имѣетъ видъ и форму повѣствовательнаго сочиненія о созданіи стѣны. Слѣдовательно лучшею наградою князю было сказаніе, увѣковѣчивавшее подвигъ его благочестія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сказанія XII вѣка — свѣтскаго характера.

Памятныя записки о кончинѣ князей. Завѣщанія князей: „Духовная“ Мономаха со стороны повѣствовательной. Княжескія памяти въ Кіево-Выдубицкомъ сводѣ: сказаніе о свержении Игоря; памяти о Святославѣ Ольговичѣ; сказаніе объ убіеніи Игоря; памяти объ Изяславѣ Мстиславичѣ; Кіевскія повѣствованія того-же времени и ихъ относительное безпристрастіе. Подробности битвъ и договорныя сношенія князей. Мемуаръ Петра Бориславича. Заключеніе.

Добродѣтели князей обыкновенно восхвалялись по ихъ кончинѣ. Съ надгробною хвалою иногда соединенъ разсказъ объ обстоятельствахъ кончины и о погребеніи князя. Подробности даютъ такому разсказу характеръ дневника, или записки, составленной княжьимъ духовникомъ. Подлинныя рѣчи умирающаго въ бесѣдѣ съ женою, дѣтьми, дружиною, молитвенное его настроеніе и предсмертныя распоряженія, все это, запесенное въ лѣтопись, указываетъ на существованіе духовныхъ памятей, или мемуаровъ, составлявшихъ часть надгробныхъ похвальныхъ сказаній.

Такъ напримѣръ, мы знаемъ, что заболѣвшій предсмертною болѣзнію на пути, великой князь Кіевскій Святославъ Ольговичъ, томясь предчувствіемъ близкой кончины, горько

плакалъ у гроба князей—мучениковъ въ Вышегородѣ и скорбѣлъ, что не могъ мимоѣздомъ поклониться гробу отца своего въ обители св. Кирилла по той причинѣ, что попъ, хранившій ключи отъ церкви, въ то время отлучился. Мы слышимъ, какъ тотъ-же Святославъ Ольговичъ разговариваетъ на смертномъ одрѣ съ женою своею. Уже отяжелѣвшимъ языкомъ спрашиваетъ у княгини онъ: когда будетъ день св. Макавѣевъ? Въ понедѣльникъ—отвѣчаетъ ему жена, а онъ ей на это говоритъ, что едва-ли дождется этого дня [106]).

Восхваляя добродѣтели скончавшагося Ярослава Владиміровича Галицкаго, лѣтописатель приводитъ его умильныя предсмертныя рѣчи, и въ нихъ доносится до насъ неподдѣльное, живое, исторически вѣрное слово: „Се, азъ одиною худою своею головою ходя, удержалъ всю Галическую землю“ [107]).—Кончина Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича описана либо духовникомъ его, упоминаемымъ въ повѣствованіи попомъ Семіономъ, либо инокомъ Печерской обители, или даже игумномъ ея, Поликарпомъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, Ростиславъ-Михаилъ захотѣлъ ѣхать въ Кіевъ, чтобы лечь тамъ, гдѣ лежатъ отцы. Сестра его Рогнѣда уговаривала его лечь въ Смоленскѣ. Больной не доѣхалъ до Кіева, и умеръ въ Заруб'ѣ, селѣ Рогнѣдиномъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ сказалъ своему „покладнику“ (постельнику) и другому мужу, чтобы позвали къ нему попа Семіона. Горячая молитва князя къ Богородицѣ и къ Спасителю и „слезы какъ жемчугъ блиставшія на его одеждѣ“, даютъ поводъ разсказать о его благочестивомъ обычаѣ, о не исполнившемся, но

[106]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 143.
[107]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 136.

давнишнемъ, желаніи постричься въ монахи. Припоминаются его бесѣды съ игумномъ Поликарпомъ и посѣщенія имъ обители Печерской, которую онъ любилъ отъ всего сердца [108]).

Въ повѣствованіи о кончинѣ князя Смоленскаго Давида Ростиславича главный предметъ разсказа—постриженіе, и въ авторѣ видѣнъ монахъ, пришедшій въ умиленіе отъ постриженія стольнаго князя. То былъ, по всей вѣроятности, Моисей, игуменъ Выдубицкой [109]).

При описаніи смерти князя лѣтописатели приводятъ иногда предсмертныя слова, сказанныя умирающимъ отцемъ въ поученье дѣтямъ. Основная мысль этихъ завѣщаній заключается въ томъ, чтобы братья не жили ненавидно и не губили бы въ распряхъ земли отцовъ и дѣдовъ своихъ, какъ говоритъ лѣтописатель отъ лица отходящаго отъ свѣта перваго Ярослава.

Завѣщанія, писанныя отдѣльно, вмѣщали въ себѣ и „и а м я т и“ о протекшей жизни, или скорѣе о трудахъ собирающагося умирать князя, какъ это видно изъ „Духовной“ Владиміра Мономаха, на которой мы нѣсколько остановимся.

Главную часть „Духовной“ Мономаха составляетъ поученье, теплое, искреннее съ подборомъ псаломскихъ изрече-

---

[108]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 151.

[109]) Моисей этотъ, заключившій хвалою Рюрику Ростиславичу Кіево-Выдубицкій, имъ же самимъ составленный „лѣтописецъ“ писалъ Кіевскую лѣтопись при Рюрикѣ Ростиславичѣ. Непосредственно за разсказомъ о постриженіи и кончинѣ Смоленскаго Давида, брата Рюрикова, Моисей передастъ извѣстіе объ освященіи храма въ Бѣлгородѣ, гдѣ на духовномъ пиру и учрежденіи, вмѣстѣ съ епископами и Печерскимъ архимандритомъ, по имени упомянутъ только одинъ игуменъ: М о и с е й В ы д о б ы ч ь с к і й, хотя тутъ находились и п р о ч і е и г у м н ы.

ній, наиболѣе западающихъ въ душу и преимущественно такихъ, которыя часто слышатся въ богослуженіи. Поученіе, какъ извѣстно, полно совѣтовъ о томъ, какъ можно соединить благочестіе съ образомъ жизни ратной, какъ долженъ князь относиться чутко къ своимъ обязанностямъ и, забывая о себѣ, быть слугою ближняго. Не касаясь всѣхъ сторонъ этого лучшаго памятника нравственности и быта третьяго христіанскаго поколѣнія князей, остановимся только на повѣствованіи, предложенномъ Мономахомъ дѣтямъ въ примѣръ и поученіе. Очеркъ своей многотрудной жизни Мономахъ озаглавилъ слѣдующимъ образомъ: „А се вы повѣдаю, дѣти мои, трудъ мой, еже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы“. Такимъ образомъ повѣствованіе распадается на два отдѣла: пути (походы) и ловы (охота).

Припоминаніе походовъ, побѣдъ и неудачъ составляетъ содержаніе разсказа о путяхъ.

Перечисляемыя событія обнимаютъ періодъ пяти-десяти одного года, отъ 1066 до 1117 [110]). Трудно, едва-ли возможно было припомнить въ послѣдовательности событія столькихъ лѣтъ, да еще при такой разнообразной походной жизни.

У Мономаха должны были быть письменныя отмѣтки его походовъ. Большихъ походовъ онъ насчитываетъ до 83-хъ, „а меньшихъ и не вспомню“.

Между тѣмъ въ перечнѣ мы насчитываемъ только 61 по-

[110]) М. Погодина Изслѣдованія, т. VI, стр. 45—53. Послѣднее изъ упомянутыхъ событій относится къ 1117, или 1118 году, что указываетъ на то, что самая „Духовная“ была писана Мономахомъ за семь, или восемь лѣтъ до кончины его, послѣдовавшей въ 1125 году.

ходъ, слѣдовательно запись походовъ велась съ нѣкоторыми перерывами.

Счисленія годовъ Мономахъ совсѣмъ не придерживается; время походовъ онъ иногда опредѣляетъ событіями семейными, какъ-то: рожденьемъ сына [111]), смертью жены [112]), вторымъ бракомъ своимъ [113]), смертью отца своего [114]). Пору событій Мономахъ отмѣчаетъ преимущественно временемъ года, безъ означенія мѣсяца: На ту зиму, на ту осень.... а въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ..... по три зимы ходихомъ Смолинску..... Переяславлю пришедъ на лѣто.....

Сверхъ того упоминается и дни событій, но только праздничные: Великъ день, Госпожинъ день, Боришъ день, Рождество. И позднѣйшія памятныя записки не знаютъ годовыхъ цифръ и не означаютъ мѣсяцевъ и чиселъ. Такіе хронологическіе пріемы вмѣстѣ съ другими признаками отличаютъ „памяти“ отъ лѣтописей.

Разсказъ о „путяхъ“ есть не болѣе какъ сухой и весьма сжатый перечень походовъ. Изъ него можно узнать только— кому въ помощь и противъ кого шелъ Мономахъ войною, самъ-ли шелъ своею волею, или былъ посланъ отцемъ, или старѣйшимъ братомъ, Святополкомъ Изяславичемъ. Предѣлы путей обозначены названіями главныхъ мѣстностей, городовъ и

---

[111]) Ходивъ в'земли ихъ (Ляховъ) 4 мѣсяцы, и в'то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородьское (Мстиславъ).

[112]) Изъ Смоленска по Велицѣ дни выидохъ, и Гюргева мати умре.

[113]) И по Рожествѣ сотворихомъ миръ съ Леною и поимъ у него дчерь, идохомъ Смоленьску.

[114]) И паки по отпи смерти... быхомъ у Халѣпа.

рѣкъ [115]). Нѣтъ никакихъ, хотя-бы случайно занесенныхъ, топографическихъ подробностей, равно какъ нѣтъ никакихъ бытовыхъ воспоминаній, даже военнаго характера. Только однажды авторъ упоминаетъ объ угощеніи имъ Олега Святославича, на Красномъ дворѣ, въ Черниговѣ. Но и эта единственная подробность включена въ сухой перечень походовъ съ цѣлью оправдаться въ враждебности къ двоюродному брату.— Половцы, надъ которыми побѣды доставили Мономаху вѣковую славу, наиболѣе памятны герою борьбы съ невѣрными, и онъ приводитъ до 16 именъ, сражавшихся съ нимъ. Половецкихъ князей. По поводу встрѣчи съ Половцами встрѣчается у Мономаха одно живое образное выраженіе. Въ день св. Бориса проѣхалъ онъ невредимо сквозь вражьи полки, и Половцы не посмѣли напасть на Русскихъ: облизахутся нанасъ. акы волци стояще.

Въ концѣ повѣствованія о „путяхъ“ встрѣчаются нѣкоторыя подробности о избіеніи Мономахомъ Половецкихъ шлѣпишковъ: „и инѣхъ кметии молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, и сѣкъ, вметахъ в'ту рѣчку..... Эти богатырскіе подвиги служатъ звѣномъ, соединяющимъ разсказъ о „путяхъ“ съ разсказомъ о „ловахъ“.

Не столько удача лова памятна Мономаху, сколько опасность, которой онъ подвергался въ единоборствѣ съ медвѣдемъ, туромъ, лосемъ, оленемъ, вепремъ, лютымъ звѣремъ (барсомъ-пардусомъ) и въ одолѣніи дикихъ копей. Ему нужно доказать,

[115]) Посла мя Святославъ в' Ляхы..... въ Вятичи ходихомъ..... ходивъ Турову, на Одрьскъ къ Мѣньску.... Гонихомъ на Половьцихъ за Хоролъ, ходихомъ за Супои, за Сулу, за Римовъ, по Роси и проч.

что онъ „не берегъ жизни своей, не щадилъ головы своей“. Повѣствованіе о путяхъ и ловахъ Мономахъ заключаетъ очеркомъ трудовъ своихъ въ дому и на дворѣ своемъ—и при церковной службѣ. Весь-же разсказъ о собственныхъ трудахъ и подвигахъ Мономахъ оправдываетъ благою цѣлью примѣра дѣтямъ: да сю грамотицю прочитаючи потъщѣтеся на вся дѣла добрыя. Послѣ оговорки, чтобы не приняли разсказа за похвальбу, грамотица переходитъ изъ повѣствованія въ наставленіе. Въ началѣ „Духовной“, передъ разсказомъ о собственной жизни, Мономахъ поучаетъ дѣтей благочестію, молитвѣ, смиренію, домашнему порядку и семейнымъ добродѣтелямъ, теперь-же отъ совѣта не бояться ни рати, ни звѣря, но дѣлать мужеское дѣло, онъ подходитъ издали, какъ-бы изъ глубины собственнаго сознанія (о многострастный и печалный азъ...) къ вопросу времени, къ усобицѣ, которѣ и противополагаетъ ей миръ и любовь между братьями. Котору онъ объясняетъ какъ наученье діавола, не хотящаго добра роду человѣческому. Это послѣднее наставленіе, для того чтобы имѣть силу въ глазахъ дѣтей, должно было опереться на примѣръ отца. И для этого-то Мономахъ останавливается на разъясненіи продолжительной усобицы своей съ Олегомъ Черниговскимъ. Единственный, дошедшій до насъ, списокъ „Духовной“ не сохранилъ намъ этого разсказа, но за то уцѣлѣла существенная часть его—посланіе отъ Мономаха къ Олегу. Посланіе это есть оправданіе образа дѣйствій Мономаха. Оно есть какъ-бы исповѣдь его и искреннее объясненіе своей правоты и крамольныхъ и не христіанскихъ поступковъ Олега. Среди благочестивыхъ и миролюбныхъ воззрѣній Мономаха наше вниманіе останавливается преимущественно на тѣхъ чертахъ, которыя легли въ основу нравственнаго суда

надъ князьями и не разъ повторялись и въ послѣдствіи въ княжескихъ памятяхъ и лѣтописяхъ. Всю жизнь проводившій въ войнахъ, Мономахъ мужественно и спокойно относится къ тому, что въ войнѣ съ Олегомъ убитъ былъ его сынъ и крестникъ Олега: тѣмъ бо путемъ шли дѣды и отцы наши; судъ отъ Бога ему пришелъ, а не отъ тебе. Но онъ укоряетъ Олега за то, что этотъ послѣдній не оплакалъ его сына, а своего крестника, не покаялся передъ Богомъ, и ему, Мономаху, не послалъ грамоты утѣшительной и съ тѣмъ вмѣстѣ не препроводилъ къ нему снохи, вдовы умершаго, дабы и свекръ, обнявъ её, могъ оплакать съ нею покойника, вмѣсто свадебныхъ пѣсенъ: такъ какъ онъ не видѣлъ радости ихъ, не присутствовалъ на вѣнчаньи сына. „Бога дѣля—проситъ онъ Олега—съ первымъ посломъ пошли её ко мнѣ, чтобы я могъ, наплакавшись съ нею вдоволь, устроить ее на мѣстѣ, гдѣ она какъ горлица на сухомъ деревѣ будетъ сидѣть горюючи, а я утѣшусь о Бозѣ“.—Мономахъ указываетъ Олегу сколько разъ и при какихъ обстоятельствахъ и какимъ именно образомъ этотъ князь могъ обратить къ себѣ сердца тѣхъ, съ кѣмъ онъ такъ долго и упорно воевалъ: „и не было-бы ни вражды, ни мести за прежнее“.

Въ княжескихъ „памятяхъ“ потомковъ Мономаха замѣтно тоже стремленіе оправдать князей за ихъ участіе въ междоусобной войнѣ. Это оправданіе исходило отъ самихъ князей, которые желали быть правыми въ глазахъ современниковъ и потомства и, подобно Василько Теребовльскому, объясняли съ нравственной стороны свою правоту довѣренному лицу, описывавшему ихъ пути и дѣянія.

Искреннее воззрѣніе на себя и свои поступки въ княжескихъ памятяхъ отличается рѣзко отъ искусственнаго и угодли-

ваго восхваленія Суздальскими лѣтописателями „князя и господина“ земли своей.

Около князей, при жизни ихъ, велись памяти, или краткія записки о походахъ, подобно тому, какъ велъ ихъ и Мономахъ. Цѣльныя и подробныя повѣствованія о битвахъ, союзахъ и договорахъ княжескихъ относятся такъ же къ памятямъ, какъ сказанія лѣтописныя относятся къ лѣтописи въ первоначальной ея формѣ, т. е. въ формѣ погодныхъ или помѣсячныхъ отмѣтокъ событій.

И какъ лѣтопись дала начало подробнымъ и округленнымъ разсказамъ о выдающихся событіяхъ, такъ и „память“ породила сказанія о предпріятіяхъ князей, о ихъ сношеніяхъ съ землями и о ихъ битвахъ и притомъ съ подробностями, важными для очевидцевъ и людей ратныхъ.— Мы видѣли, что источниками лѣтописныхъ сказаній и повѣстей церковнаго характера были иногда живые разсказы дружинниковъ, доходившіе до писателя не изъ первыхъ устъ, почему и встрѣчаемъ въ нихъ черты случайныя, частности поэтическаго, былеваго характера. Сказанія же княжескія, не смотря на безыскуственность склада и простоту изложенія, чужды случайныхъ эпическихъ подробностей. Самая близость такого повѣствователя къ событію дѣлаетъ его точнымъ и вмѣстѣ строгимъ въ выборѣ фактовъ. Въ сказаніяхъ, писанныхъ вмѣстѣ съ памятями, о князьяхъ, преобладаетъ идея повода и причины войны. Княжескіе договоры, посыльныя и совѣщательныя рѣчи даютъ этимъ сказаніямъ живой характеръ исторической хроники.

Княжескія памяти и сказанія, стоящія въ связи съ этими памятями и сосредоточивающіяся на дѣятельности одного какого либо князя, находятся преимущественно въ Кіево-Выдубицкомъ сводѣ лѣтописей, сводѣ, составленномъ при Рюрикѣ

Ростиславичѣ, по всей вѣроятности, Моисеемъ, игуменомъ Выдубицкимъ, на рубежѣ столѣтій XII-го и XIII-го.

Обиліемъ княжескихъ памятей и сказаній въ этомъ сводѣ отличается небольшой періодъ времени, отъ 1146 до 1154 года. Эта часть свода, посвященная событіямъ какихъ нибудь восьми лѣтъ, необыкновенно обширна. Пятьдесятъ двѣ страницы (по Полн. собр. Русскихъ лѣтописей) занимаетъ она, тогда какъ весь Кіево-Выдубицкій сводъ, какъ продолженіе Повѣсти временныхъ лѣтъ, занимаетъ сто-пятьдесятъ-пять страницъ, посвященныхъ длинному періоду времени въ 90 лѣтъ.

Но и послѣ счастливыхъ на свѣдѣнія восьми лѣтъ мы еще нѣкоторое время читаемъ княжескія памяти—и такъ до 1170 года. Погодинъ считалъ, что Кіевская лѣтопись въ 1146 г. перешла въ другія руки и до 1170 года велась этимъ вторымъ, по его мнѣнію, лѣтописцемъ [116]). Но особый характеръ этой части Кіевскаго свода объясняется тѣмъ, что въ ней княжеская кочующая, бродячая лѣтопись, или „княжескія памяти", преобладаютъ надъ мѣстными лѣтописными сказаніями; да сверхъ того, въ силу обилія княжескаго матеріала обыкновенныя лѣтописныя замѣтки совсѣмъ не включены въ организмъ этой части свода.—Событія этихъ восьми годовъ обнимаютъ періодъ времени отъ смерти Всеволода Ольговича до смерти Изяслава Мстиславича, такъ что главнымъ дѣятелемъ этого періода является этотъ послѣдній великой князь.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ полагаетъ, что главнымъ источникомъ этой части Кіевскаго свода было жизнеописаніе Изяслава Мстиславича, сведенное впрочемъ съ другими лѣтописями.

[116]) Погодина Исторія, стр. 667.

писанными иногда и не его сторонниками. Дѣйствительно, первымъ по объему источникомъ этой хроники восьми годовъ XII столѣтія были a) *„памяти“ и „сказанія“ объ Изяславѣ Мстиславичѣ.*

Но сверхъ того сюда же вошли b) *„памяти“ о князьяхъ Ольговичахъ* и наконецъ c) *мѣстные лѣтописные разсказы*, которыми дополнились отрывочныя княжескія сказанія.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ разсказомъ о вокняженіи и низверженіи Игоря Святославича, сѣдшаго какъ-бы по наслѣдству на Кіевскій столъ, по смерти брата своего Всеволода. Разсказъ этотъ писанъ сторонникомъ Ольговичей и находится въ прямой связи съ слѣдующими непосредственно за нимъ памятными записками объ Ольговичѣ Святославѣ. Описавъ бурное вѣче у Туровой божницы, разграбленіе двора тивуна Ратши и другихъ, повѣствователь приписываетъ усобицу—Улѣбу тысяцкому, Ивану Войтишичу, Лазарю Саковскому, Василію Полочанину и Мирославу. „Эти то мужи были начальници злому совѣту—совокупили около себя Кіевлянъ и прельстили ихъ обѣщаніемъ передаться Изяславу. Съ злымъ умысломъ понуждали они Игоря и брата его Святослава идти на Изяслава Мстиславича“.

„Давидовичи пошли помогать Изяславу, иже бяху велику честь пріимали отъ Всеволода и брата его, та же почаша лестити подъ княземъ своимъ“.

Въ описаніи погибели Игоря виденъ въ авторѣ тотъ же сторонникъ Ольговичей. „Игорь, братъ его Святославъ и племянникъ Святославъ Всеволодичь не смятошася, но поидоша противу Изяслава“. Имъ повредило не отсутствіе мужества, а болотистая мѣстность, да измѣна, да нападеніе съ разныхъ сторонъ. Далѣе повѣствованіе продолжало вести рѣчь

о бѣдахъ, испытанныхъ Ольговичами, объ окованіи и заключеніи Игоря.

Съ Святославомъ повѣствованіе покидаетъ Кіевъ и слѣдуетъ за этимъ княземъ. Но среди повѣствованія о сверженіи Игоря встрѣчаемъ разсказъ, заимствованный изъ другого источника, разсказъ по воззрѣнію на дѣло противоположный тому, о чемъ повѣствовалъ сторонникъ Игоря. Разсказъ этотъ говоритъ о всенародной любви къ Изяславу Мстиславичу. „Ты нашъ князь, а Олговичъ не хочемъ“—съ такими словами встрѣчали его Поросье, Бѣлгородцы и Василевцы. Посланные же отъ Кіевлянъ прибавляли, что не хотятъ какъ-бы по наслѣдству принадлежать Ольговичамъ.

Движеніе Изяслава на Игоря объясняется народною волею: „И неугоденъ бысть Кіяномъ Игорь и послаша къ Изяславу“. Воодушевленныя слова Изяслава оправдываютъ его поступокъ и съ нравственной стороны: „Братья—говоритъ онъ дружинѣ—я Всеволода имѣлъ въ правду, какъ отца; онъ былъ старшій братъ и старшій зять мнѣ. А съ этими, какъ дастъ мнѣ Богъ и сила креста. Любо си голову положю передъ вами, любо налѣзу столъ дѣда своего и отца“. На свое правое дѣло Изяславъ получилъ молитвы св. Михаила и благословеніе Переяславскаго епископа.—Нѣтъ сомнѣнія, что отрывокъ этотъ вписанъ былъ составителемъ „лѣтописца“ изъ сказаній и памятей объ Изяславѣ Мстиславичѣ. Такъ безучастны были составители лѣтописцевъ къ своему читателю и такъ мало вникали они въ духъ переданнаго ими о заднихъ лѣтѣхъ.

Это впрочемъ есть вѣрный признакъ того, что личность составителя несовременна событіямъ. Онъ держитъ одну нить въ рукахъ—нить послѣдовательности и хронологіи.

Послѣ отрывка, сочувственнаго Изяславу, мы слѣдимъ за Святославомъ Ольговичемъ—и съ нимъ переходимъ сперва въ Черниговъ, потомъ въ Курскъ, куда онъ отправился, заручившись союзомъ съ Давидовичами.

Эта кочующая лѣтопись, не привязанная къ какой либо мѣстности, обогащена была эпизодомъ, или *сказаніемъ, объ измѣнѣ Давидовичей Святославу.*

Сказаніе это писано осѣдлымъ писателемъ и сверхъ того лицомъ духовнымъ, по нѣкоторымъ признакамъ, жителемъ Новагорода Сѣверскаго. По этому сказанію, діаволъ вложилъ Давидовичамъ мысль не взыскати брата Игоря, не помянути отечества, ни о крестѣ утвержденія—и забыша страха Божія поластася къ Изяславу: Игорь како тобѣ золъ былъ, тако и намъ, а держи его твердо (т. е. не выпускай изъ тюрьмы). Давидовичамъ, какъ нѣкогда Святополку—братоубійцѣ, приписываются слова, которыми они сами себя причисляютъ къ злодѣямъ: „Мы начали дѣлать зло, такъ свершимъ же до конца братоубійство; пойдемъ, искоренимъ Святослава и переймемъ волость его“. Съ другой стороны говорится о слезахъ обманутаго двоюродными братьями Святослава, приводятся его умильныя посыльныя рѣчи къ Юрію,—и въ помощи, оказанной ему Владиміромъ Святославичемъ и Иваномъ Берладникомъ, сказаніе признаетъ явную помощь Божію. Холоденъ въ этомъ сказаніи, безучастенъ и кратокъ разсказъ о распрѣ Мономаховичей, Изяслава и Вячеслава; но за то подробенъ, живъ и точенъ разсказъ, описывающій борьбу тѣхъ же Мономаховичей съ Новымъ-городомъ—Сѣверскимъ, удѣломъ Святослава Ольговича. Авторъ знаетъ, гдѣ имешно, у какихъ воротъ (у Черниговскихъ) стояли Кіевскіе и Переяславскіе стрѣльцы и къ какимъ воротамъ (Курьскимъ) приблизились они по утру. Но особенно на-

мятны разскащику опустошенія, произведенныя въ селахъ Ольговичей: „Заграбиша Игорева Святославля стада, въ лѣсѣ, на Ряхиѣ: кобылъ стадныхъ 300, а конь 1000, ославше же по селамъ, пожгоша жита и дворы". Далѣе встрѣчаемъ еще болѣе подробныя свѣдѣнія объ ограбленіи Давидовичами Игорева сельца, по дьяволю наученью. Тоже встрѣчаемъ при дѣлежѣ Изяславомъ Мстиславичемъ Святославова, обильнаго всякимъ добромъ двора. Повѣствователь знаетъ, что въ погребахъ было 500 берковьцевъ меду, а вина 80 корчагъ. Но ему особенно больно, что церковь Вознесенья всю облупиша—сосуды серебреныя, и иньдитья, и платы служебныя а всё шито золотомъ.... и кадѣльничѣ двѣ—и евангеліе ковано, и книгы, и колоколы. Этихъ приведенныхъ мѣстъ достаточно, чтобы видѣть, что писатель былъ лицо церковное, усвоившее себѣ пріемы лѣтописныхъ сказаній, лицо близкое двору и хозяйству Святослава. Это былъ по всей вѣроятности Новоградо-Сѣверскій лѣтописатель. Сказаніе, имъ писанное, слилось съ памятными записками о Святославѣ. Мы вновь встрѣчаемся съ этими послѣдними, послѣ Новоградо-Сѣверскаго сказанія, обрѣзаннаго въ концѣ, въ дошедшемъ до насъ спискѣ цѣлаго лѣтописца [117]). „Память" продолжаетъ слѣдить за Святославомъ, бѣжавшимъ къ Корачеву на соединеніе съ Юріемъ. Память ведется человѣкомъ, не особенно близкимъ къ военному дѣлу. Даже счастливая для Святослава битва не разсказана со сколько нибудь живыми подробностями: Богъ ему помогъ—и только.

Въ землѣ Вятичей, въ Козельскѣ, пришла Святославу вѣсть отъ племянника, что Давидовичи опять идутъ на него,

[117]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 27.

и онъ пошелъ къ Дѣдославлю, а потомъ къ Оострy, гдѣ отступилъ отъ него Иванъ Берладникъ, взявъ 200 гривенъ серебра и 12 гривенъ золота. Потомъ пришла къ нему помощь отъ Юрія, приславшаго къ нему сыновей своихъ. Одинъ изъ сыновей Юрія, Иванко, заболѣлъ, и Святославъ остался при заболѣвшемъ союзникѣ, который вскорѣ умеръ, и два брата, оплакавъ Иванка, отвезли тѣло его въ Суздаль къ отцу.

„Память“ не говоритъ, что Святославъ послалъ грамоту утѣшительную Юрію и оплакалъ его сына, но это видно изъ отвѣта Юрія: на устьѣ Поротвы, въ городѣ Лобыньскѣ, Святославъ Ольговичъ самъ получилъ утѣшительную грамоту отъ Юрья и притомъ дары, многи паволокою и скорою. Исполнивъ порученье Юрія, „повоевавъ Смоленскую землю“ Святославъ получилъ отъ своего покровителя приглашеніе съѣхаться съ нимъ въ „Московѣ“. Не слѣдя за мѣсяцами и числами „память“ отмѣчаетъ самый день свиданія: пятокъ, на похвалу Святой Богородицы (т. е. на пятой седмицѣ великаго поста). Святославъ передъ собою послалъ Юрію сына Олега и съ нимъ въ даръ пардуса. Обѣдъ силенъ у Юрія и дары его не забыты повѣствователемъ. Впрочемъ форма отношеній князей между собою главнымъ образомъ заносилась въ краткіе перечни дѣяній князя или въ такъ называемыя нами „памяти“. Изъ другихъ, посторонніхъ походу обстоятельствъ рѣдко о чемъ нибудь упоминается. Разъ только отмѣчено, что когда Святославъ былъ въ Перицьскѣ на Окѣ, у него преставился престарѣлый дружинникъ его отца, добрый старецъ Петръ Ильичь; ему было 90 лѣтъ, и онъ отъ старости не могъ садиться на коня.—Съ самого прибытія въ Переяскъ начинается горячее время: къ Святославу идутъ послы за послами, отъ Половцевъ и отъ

его Черниговскихъ родственниковъ. Давидовичи поцѣловали крестъ Святославу, но не управили крестнаго цѣлованія.

Этими словами оканчивается „память“ о Святославѣ Ольговичѣ [118]). Но составитель „лѣтописца“ не дѣлаетъ перерыва въ общемъ изложеніи событій, переходитъ къ Давидовичамъ, вступившимъ въ союзъ съ Святославомъ Ольговичемъ и въ тоже время пославшимъословъ къ Изяславу Мстиславичу съ приглашеніемъ идти сперва на Святослава Ольговича, а потомъ на Юрія Суздальскаго. Тутъ передъ нами уже другое сказаніе, писанное въ интересѣ Изяслава Мстиславича и Кіевлянъ.

Не за измѣну Святославу, а за тайный союзъ съ нимъ, за лесть къ Изяславу осуждаются Давидовичи. Прямымъ слѣдствіемъ измѣны ихъ Изяславу было убіеніе возмутившимися Кіевлянами постриженнаго въ схиму Игоря Ольговича. Дѣйствіе сказанія происходитъ въ Кіевѣ, въ отсутствіи Изяслава Мстиславича.

„*Сказаніе объ убіеніи Игоря Ольговича*“ принадлежитъ къ лучшимъ живымъ разсказамъ Кіевскихъ лѣтописателей. Сказаніе это въ первоначальной редакціи находится въ Лаврентьевскомъ сводѣ лѣтописей. Оно писано Кіевлянином, расположеннымъ къ Изяславу Мстиславичу, но всей вѣроятности лѣтописателемъ, чутко слѣдившимъ за ходомъ событій борьбы этого князя съ Ольговичами. Въ распространенномъ видѣ и въ позднѣйшей редакціи сказаніе это находится въ разбираемомъ нами сводѣ памятей и сказаній „о восьми годахъ“, въ Кіево-Выдубицкомъ „лѣтописцѣ“. Въ посыльныхъ рѣчахъ,

---

[118]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 30.

Изяслава къ Кіевлянамъ видно стремленіе снять съ этого князя вину убіенія постриженнаго родственника. Послы Изяслава Добрынко и Радило пріѣзжаютъ въ Кіевъ, къ брату его Володиміру, и говорятъ отъ имени Изяслава: брате, ѣди къ митрополиту и съзови Кыяны всѣ, ать молвита си мужа лесть Черниговскихъ князей. Привѣтственныя рѣчи пословъ переносятъ читателя на самое вѣче, у святой Софіи. Въ отвѣтъ на разсказъ пословъ объ измѣнѣ Черниговскихъ князей Кіяне рекоша: „Князь насъ вабить къ Чернигову, а здѣ ворогъ князя нашего и нашъ, а хочемъ и убити; понти же хочемъ биться за своего князя, и съ дѣтми“. На это Володиміръ отвѣчалъ имъ: того братъ мой вамъ не приказалъ, Игоря поблюдетъ стража, а мы пойдемъ къ брату, какъ онъ намъ велитъ. На это Кіевляне: „мы вѣдаемъ, что братъ твой не приказалъ, ни велѣлъ того творить; но мы хотимъ убить Игоря. Мы вѣдаемъ, что не кончить добромъ съ этимъ племенемъ ни вамъ, ни намъ“. Митрополитъ, а за нимъ Лазарь тысяцкой и Рагуйло, тысяцкой Володиміра, возбраняли имъ. Они же кликнувше пойдоша убитъ Игоря. Володиміръ сѣлъ на коня и помчался, но не могъ проѣхать черезъ мостъ, по которому шли люди. Онъ поворотилъ на право „мимо Глѣбовъ дворъ“, но Кіевляне скорѣе его пришли въ монастырь св. Ѳедора и взяли Игоря, стоявшаго по обычаю на обѣднѣ—и повели изъ монастыря. И Володиміръ встрѣтилъ его въ воротахъ монастырскихъ. Взглянувъ на него Игорь, сказалъ: охъ, брате, камо? И соскочилъ Володиміръ съ коня и покрывъ его корзномъ, сказалъ кіевлянамъ: „братья моя, не мозѣте створити зла, не убійте Игоря“. Когда Володимеръ довелъ его до воротъ своей матери, то Игоря стали отбивать у него,

причемъ били и Володиміра. Увидавъ это, Михаль (Михалко братъ Владиміра) соскочилъ съ коня, чтобы помочь Володиміру. Послѣдній успѣлъ вомчать Игоря во дворъ матери своей, затворить ворота, а Игоря пусти на Кожюховы сѣни.

Между тѣмъ Михаля били и сорвали съ него крестъ и цѣпи—вѣсомъ въ гривну золота. И выломили они ворота и войдя во дворъ, увидали Игоря на сѣняхъ, разбили сѣни, (сомчаша) стащили его съ сѣней и тутъ убили у конца лѣстницы.

Михаль убѣжалъ, а Игоря за ноги волокли сквозь Бабинъ торжекъ до Десятинной Богородицы, гдѣ нашли мужа стояща съ колы. На колы возложили тѣло и повезли на Подолье. Когда Володиміру повѣдали, что Игорь лежитъ поверженъ на торговищѣ, онъ послалъ туда Лазаря тысяцкаго и Рагуила своего тысяцкаго. Тѣ, пріѣхавъ, увидали Игоря лежащаго и сказали: вотъ вы убили Игоря, а мы похоронимъ тѣло его. Не мы его убили—отвѣчали Кіевляне—но убили его два Давидовича и Всеволодичь, когда они замыслили на нашего князя зло и хотѣли убить его лестью; но Богъ за нашимъ княземъ и Святая Софья.—И повелѣлъ Лазарь взять Игоря и понести его въ церковь святаго Михаила, въ Новогородскую божницу. Положивъ его въ гробъ, Лазарь и Рагуйло уѣхали въ верхній городъ (на гору). На разсвѣтѣ слѣдующаго дня—то была суббота—митрополитъ послалъ игумена св. Ѳеодора Анапью. Игуменъ, увидавъ, что Игорь нагъ, одѣлъ его и, отпѣвъ обычныя пѣсни, отвезъ къ святому Симеону, гдѣ и положили его. И послалъ Владиміръ къ брату, повѣдая убійство Игоря. И печаленъ бысть Изяславъ и жаловашеся на Кыяны".

Въ такомъ видѣ передастъ намъ событіе убіенія Игоря

ближайшій современникъ и свидѣтель. Распространенное, позднѣйшее сказаніе пропускаетъ многія подробности, какъ-то: споръ Володиміра слова за слово съ Кіевлянами, имена пословъ Изяславовыхъ, случай вмѣшательства Михаля; не упоминаются и Кожюховы сѣни и не сказано, что Игорь былъ убитъ у самой лѣстницы. Вмѣсто двухъ пословъ упомянутъ безъ имени одинъ посолъ Изяславовъ, вмѣсто двухъ тысяцкихъ, поѣхавшихъ за тѣломъ Игоря, упомянутъ одинъ и также безъ имени. Не Кіевляне кликнувъ заговорили объ убійствѣ Игоря, а раздался только одинъ голосъ (и рече единъ человѣкъ) въ пользу убіенія Игоря. Этому человѣку приписывается припоминаніе Всеслава Полоцкаго, освобожденнаго изъ поруба, при Изяславѣ Ярославичѣ [119]).

Первоначальное сказаніе правдиво передаетъ жалостный возгласъ Игоря и усилія князей Мономаховичей спасти его, но оно не останавливается на страданіи Игоря и какъ будто соглашается съ мыслью гражданъ, что Богъ отмстилъ за посягательство на жизнь Изяслава Мстиславича.

[119]) Погодинъ видитъ извлеченіе и сокращеніе въ разсказѣ о убіеніи Игоря въ Кіево-Выдубицкомъ сводѣ. Это безспорно; но только мы подобно Погодину не видимъ противорѣчія въ томъ, что дворъ, куда вомчали Игоря, называется то отцовскимъ, то материнскимъ: то былъ дворъ Мстиславовъ слѣдов. для Володиміра отцовскій и весьма естественно, что тамъ жила вдова Мстислава, мать Володиміра. Бестужевъ-Рюминъ видитъ противорѣчіе въ томъ, что человѣцы покрывахуть наготу тѣлесе его, а игуменъ на другой день видѣ нагого, облече и. Покрытый одеждами Игорь и въ гробу, куда на время положили его тысяцкіе, оставался нагъ т. е. не прибранъ, не облеченъ въ иноческія одежды, что и долженъ былъ сдѣлать игуменъ.

Позднѣйшее сказаніе имѣетъ цѣлью на сколько можно сильнѣе оправдать Изяслава въ убійствѣ брата. По этому оно строже къ Кіевлянамъ и сочувственнѣе, теплѣе къ страдальцу Игорю.

Внукъ Мономаха не хотѣлъ походить на Святополка Окаяннаго, и составителю „памятей“ о немъ необходимо было снять съ князя, въ глазахъ всѣхъ Русскихъ людей, отвѣтственность за убіеніе родственника; тогда какъ враги Изяслава Мстиславича и Ольговичи, обвиняя Кіевскаго великаго князя въ убійствѣ Игоря, уже собирались мстить за пролитую кровь Игоря.

Искренняя печаль Изяслава объ убіенномъ Игорѣ изображена въ разговорѣ его съ дружиною. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ боится, что будутъ говорить: „Изяславъ велѣлъ убити, но тому Богъ послухъ, яко не повелѣлъ, ни научилъ“.... Дружина утѣшаетъ князя: „безъ лѣпа о немъ печаль имѣеши: но то, княже, Богъ вѣдаетъ и вси людье, яко не ты его убилъ, но убили суть братія его, оже крестъ къ тобѣ цѣловавше и лестью надъ тобою хотѣли учинити и убити хотяче“... Такимъ образомъ дружина здѣсь говоритъ тоже, что въ первоначальномъ сказаніи говорятъ Кіевляне надъ тѣломъ Игоря, когда тысяцкіе пріѣхали хоронить его.

Но распространенное сказаніе, сокративъ подробности свидѣтеля лѣтописателя т. е. автора первоначальнаго сказанія, прибавило новыя подробности, заимствованныя изъ повѣсти объ убіеніи Игоря, написанной быть можетъ инокомъ монастыря св. Симеона, строенья князей Ольговичей. Подробности эти касаются самого Игоря и страданія его. Здѣсь говорится о сверженіи одежды съ молящагося инока, о двукратномъ побіеніи его, о томъ, что его, еще живаго, волокли на княжь дворъ, привязавъ ужемъ за ноги. За искуственный складъ этого вто-

раго источника распространеннаго сказанія говорятъ молитвы, влагаемыя въ уста страдальцу, и описаніе его готовности принять вѣнецъ мученика. Выраженія о немъ:„ Царское и священное тѣло его... бяшетъ добрый поборникъ отечества своего“ прямо взяты изъ житія или повѣсти о его страдальческой кончинѣ. Выраженія о Кіевлянахъ идутъ въ разрѣзъ съ тономъ Кіевлянина, видѣвшаго въ убійствѣ судъ Божій: звѣріе свирѣпіи, нечестивый соборъ, беззаконніи, несъмысленіи, ослѣпленіи. Богъ взыщетъ отъ нихъ кровь неповиннаго. Благовѣрніи человѣци прикрываху наготу тѣлесе его и браху кровь его и отъ прикрова себѣ на исцѣленіе. Ночью, когда тѣло Игоря лежало въ Новогородской церкви, сами собою зажглись свѣчи. Когда митрополиту сказали о чудѣ, то онъ, какъ это всегда бываетъ при первомъ извѣстіи о чудѣ, въ житіяхъ, велѣлъ молчать до времени. Въ Никоновской лѣтописи самовожженіе свѣчей отнесено къ концу отпѣванья: тогда же былъ громъ и молнія и столпъ святозаренъ сталъ надъ церковью и проч. [120]). Такая повѣсть могла быть составлена въ то время, когда Святославъ Ольговичь увозилъ тѣло брата своего изъ монастыря Симеона въ Черниговъ [121]).

Заимствованье изъ этой повѣсти могло быть сдѣлано распространителемъ лѣтописнаго сказанія, лицомъ преданнымъ Изяславу, въ эпоху примиренія его съ Ольговичами. Сочув-

---

[120]) П. С. Р. Л. т. IX, стр. 176.

[121]) 6658 г. при Юріи, княжившемъ въ Кіевѣ, „Святославъ Ольговичь перенесе мощи брата своего Игоря, отъ святаго Семена, изъ Копырева конца, въ Черниговъ, и положиша у святаго Спаса въ теремѣ. (П. С. Р. Л. т. II, стр. 53).

ствіе къ страдальцу и обаяніе искусственно составленной церковнымъ языкомъ повѣсти сдѣлало возможнымъ такое заимствованье.

Послѣ эпизода о убіеніи Игоря, Кіево-Выдубицкой сводъ развертываетъ передъ нами сшитый хронологически рядъ памятей и княжескихъ, и лѣтописныхъ, обнимающихъ исторію борьбы и княжескихъ отношеній въ остальныя пять лѣтъ жизни Изяслава Мстиславича, вступившаго теперь въ борьбу съ роднымъ дядею, Юріемъ Суздальскимъ.

Мѣстная Кіевская лѣтопись чутко слѣдила за этой борьбою. Мѣстныя сказанія сравнительно съ княжескими отличаются безпристрастіемъ. Безпристрастными повѣствователями о князьяхъ конечно не могли быть ихъ соратники. Разбирая источники Южно-русскаго свода, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ отрицаетъ возможность безпристрастія у лѣтописателей [122]) „Надо предположить, что люди эти не похожи на насъ, если они безпристрастны“ говоритъ этотъ почтенный ученый. Они были-бы дѣйствительно не похожи на людей другихъ эпохъ, если-бы были на перекоръ событіямъ людьми одной какой-либо, твердой, закалённой партіи. Если идеализировали святую безстрастную наблюдательность нашихъ древнихъ лѣтописателей, то зачѣмъ же идеализировать духъ приверженности одному князю въ городахъ и въ средѣ мирныхъ церковныхъ и монастырскихъ людей? Князь, хотя и не особенно любимый, садится на столъ Кіевскій, граждане цѣлуютъ ему крестъ, и лѣтописателю естественно признать силу вещей и съ хвалою Богу отнестись къ вокняженію новаго лица. Тѣмъ болѣе монаху Выдубицкаго монастыря, построеннаго Всеволодомъ, возможно

[122]) О составѣ рус. лѣтописей стр. 121 и далѣе.

было съ одинаковымъ искреннимъ чувствомъ видѣть Божію помощь, оказанную Изяславу Мстиславичу, или врагу его и родному дядѣ Юрію. И такъ мѣста о вокняженіи въ Кіевѣ „съ Божіею помощью“ Юрія, или сына его, не говорятъ еще за то, что извѣстіе это зашло изъ ихъ лагеря въ сводъ лѣтописей. Это указываетъ только на мѣстную лѣтопись, а не на княжескую память, исключительно слѣдившую за дѣяніями одного лица. Нѣкоторыя части своднаго сказанія объ Изяславѣ Мстиславичѣ отличаются именно такимъ характеромъ мѣстнымъ, городскимъ и не исключительно княжескимъ.

Такова между прочимъ и исторія первой борьбы Изяслава Мстиславича съ Юріемъ. Сочувствіе Кіевлянина къ Изяславу замѣтно, а между тѣмъ неудача ставится въ связь съ его самонадѣянностью, съ непринятіемъ имъ совѣта отъ Переяславскаго епископа, убѣждавшаго его не воевать. Вообще мѣстная лѣтопись не церковнаго, а мірскаго характера была однимъ изъ источниковъ свода повѣствованій о борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ и сыномъ его, Андреемъ.

Въ характерѣ этой лѣтописи было полное проникновеніе интересами междоусобной войны. Непосредственныя впечатлѣнія заносились въ эту лѣтопись безъ искусственности и книжнаго краснорѣчія. Таковы напримѣръ мѣста:

„Изяславъ же отъ святоѣ Софьи поѣха, и съ братьею на Ярославль дворъ, и Угры позва съ собою на обѣдъ и Кіяны и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша у велицѣ весельи; тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть, на Ярославли дворѣ [123]) или:

[123]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 56 и Ипат. лѣт. изд. археогр. ком. стр. 288.

Бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видити, а человѣкъ бяшеть не видити, бяхуть бо лодьи покрыти досками, и борци стояще горѣ въ бронѣхъ, стрѣляюще [121]) и т. д.

Къ мѣстнымъ разсказамъ, достигшимъ нѣкотораго безпристрастія къ князьямъ героямъ, достойнымъ другъ друга соперникамъ, относится между прочимъ и эпизодъ сраженія на Рутѣ, подъ Кіевомъ. По цѣльности этого разсказа его нельзя считать составнымъ.

„Андрей Юргевичь, взявъ копье, поѣхалъ впереди и съѣхался съ врагами прежде всѣхъ, и изломилъ копье свое. Тогда прокололи коня подъ нимъ въ поздри — конь же нача соватися подъ нимъ, и шеломъ спаде съ него, и щитъ на немъ отторгоша. Божіимъ заступленіемъ и молитвою родительсвоихъ сохраненъ бѣ безъ вреда. И передъ всѣми полками въѣхалъ Изяславъ одинъ въ полки ратныхъ и копье свое изломилъ. И тутъ его ранили въ руку, и въ бедро; и слетѣлъ онъ съ коня. Полки сошлись; была сѣча крѣпкая; Богъ же и святая Богородица и сила честнаго креста поможе Ростиславу (брату Изяславову) и ту побѣдиша Гюргя (отца Андреева). Когда (послѣ битвы) сошлись полки, и конные, и пѣшіе, Изяславъ лежалъ раненый. Онъ приподнялся, и Кіевляне изъ пѣшихъ хотѣли убить его, думая, что онъ ратный (непріятель); они не узнали его. Изяславъ же сказалъ: Я князь! И одинъ изъ нихъ на это: „такъ тебя то намъ и надобно“ и вынулъ мечь и сталъ сѣчь по шлему. И

[121]) Тамъ-же стр. 59 и Ип. лѣт. стр. 293.

былъ на шлемѣ княжескомъ надъ челомъ изображенъ святый мученикъ Пантелеймонъ золотой. И воинъ ударилъ мечемъ по шлему и разсѣкъ шлемъ до лба, Изяславъ-же сказалъ: „Я Изяславъ князь вашъ“, и снялъ съ себя шеломъ, и узналъ его воинъ. Когда объ этомъ прослышали многіе, то подняли Изяслава на рукахъ своихъ съ радостью, какъ царя и князя своего и всѣ полки радуясь воззвали: кири-елейсонъ“.

Нѣкоторые эпизоды вошли въ разбираемый нами сводъ изъ Суздальской лѣтописи, писанной обычнымъ ей церковнымъ складомъ. Таковъ напримѣръ эпизодъ объ Андреѣ, сражавшимся подъ Луцкомъ. За Суздальское происхожденіе эпизода безспорно говоритъ самый образъ повѣствованія хвалебно-религіозный [125]).

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ съ большею проницательностью и вниманіемъ выдѣлилъ изъ свода сказаній объ Изяславѣ Мстиславичѣ всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится съ интересомъ и сочувствіемъ о врагахъ его. Главнымъ же источникомъ свода онъ считаетъ біографію Изяслава Мстиславича, писанную его соратникомъ. Признаковъ цѣльности такой біографіи мы не видимъ. То были памятныя записки о путяхъ Изяслава Мстиславича и отдѣльныя сказанія, писанныя его приближенными людьми. Если мы и признаемъ біографію, то біографія эта была такимъ-же сводомъ отдѣльныхъ описаній, какъ и всякой первоначальный лѣтописный сводъ. Нельзя сказать, чтобы записки объ Изяславѣ Мстиславичѣ велись однимъ лицомъ, а

[125]) Андрей не слушаетъ дружины—възложи надежду на Бога.... похвали Бога..... помысли въ сердци собѣ, рече: „се ми хощеть быти Ярославча смерть Изяславича“ и помолися Бога... и призва на помочь собѣ святаго мученика Ѳедора.... П. С. Р. Л. т. II, стр. 46—47.

еще менѣе соратникомъ. Подробности битвъ и походовъ ускользаютъ часто. „И рече слово, якоже и преже слышахомъ: не идеть мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту“ говоритъ только за то, что событіе 1151 г. передается лицомъ близкимъ къ князю. Такое слово князь могъ сказать при духовникѣ или другомъ лицѣ дома, за трапезою. Соратника, военнаго человѣка мы здѣсь не видимъ. Встрѣчаются здѣсь и „памяти“, писанныя на пути Изяслава Мстиславича, внѣ Кіева, съ краткостью и точностью, свойственною подобнымъ запискамъ.

Мы видѣли, что отрывки этихъ „памятей“ о Изяславѣ Мстиславичѣ врѣзываются, подъ перомъ составителя хронологически послѣдовательнаго свода, въ „памяти“ о Святославѣ Ольговичѣ. На стр. 37 (II т. П. С. Р. Л.) мы встрѣчаемъ живыя записки о Изяславѣ того же типа, какъ и записки о Святославѣ Ольговичѣ: „Въ недѣльный день исполчилъ Изяславъ... и нелзѣ бы ему ихъ (враговъ) полкомъ доѣхати рѣкою (у Любча) но стрѣлци ся о ню (черезъ рѣку) бьяхуть отъ обоихъ. И бысть на ту ночь дожчь великъ вельми. На утро Изяславъ, замѣтивъ, что Днѣпръ трогается, сказалъ мужамъ своимъ и Уграмъ: намъ нельзя биться на этой рѣкѣ, а за нами Днѣпръ трогается, пойдемъ за Днѣпръ. И пойде за Днѣпръ въ понедѣльникъ. И на другое утро рушися Днѣпръ. Въ эту „память“ вставлено между прочимъ письмо Изяслава къ брату Ростиславу: брате, являю ти, на Олговичи есми къ Чернигову ходилъ... Въ письмѣ этомъ онъ объясняетъ, какъ успѣшно перешелъ онъ черезъ Днѣпръ по льду наканунѣ разлива: Тако Богъ и святая Богородица и сила животворящаго креста приведе ны въ здоровьи въ Кіевъ. И тебе, брате, прашаю, въ здоровьи ли еси и што ти тамо Богъ помогаеть?“.

Отношенія князей въ этихъ памятяхъ обрисовываются преимущественно ихъ рѣчами, что даетъ возможность современному намъ историку оживленно излагать исторію этихъ союзовъ и усобицъ.

Памяти эти слѣдуютъ за Изяславомъ и въ Новгородъ и изъ Новгорода опять въ Кіевъ, описываютъ за тѣмъ осенній съѣздъ и зимній походъ. Подробности же болѣе касаются княжескихъ отношеній, чѣмъ битвъ (свиданіе и бесѣда Изяслава и Ростислава Юрьевича—ихъ лодки, шатры и самое мѣсто свиданія—въ островѣ противу Михаила у Выдобича)[126]).

Подробности битвы встрѣчаются впрочемъ нѣсколько разъ въ разсказахъ кіевскаго происхожденія, равно какъ и въ разсказахъ, писанныхъ внѣ Кіева. Такъ несчастливая для Изяслава битва съ Георгіемъ у Переяславля, на Трубежѣ, описана подробно. „Одни мужи удерживали Изяслава, чтобы онъ не гнался за Юріемъ, другіе же совѣтовали не упускать Юрія. Изяславъ же то слышавъ отъ обоихъ, излюби поѣхати... и перейде—на ону сторону за Трубежь; не всходя на гору, ста на лузи, противу Кузпечимъ воротомъ. И бысть полудне, и побѣже перескокъ отъ Гюргя изъ полку, они же погнаша по немъ; стражье же Изяславли то видивше пополошишася, рекуче: „рать!“ Изяславъ же—выступи на

---

[126]) Островъ Трухановъ между Днѣпромъ и Черторыею противъ Кіева; на немъ озеро Долобское (по мнѣнію Берлинскаго, Максимовича, Закревскаго) и заливъ Днѣпровскій—Золотча. Для съѣзда князья избирали мѣстомъ Долобскъ, какъ нейтральную почву, для Кіевскихъ и тѣмъ болѣе для Сѣверскихъ князей, которымъ не безопасна была правая, Кіевская сторона Днѣпра.

поле, идѣже есть Красный дворъ. Георгій и его союзники остановились, прошедше валъ. И тѣ и другіе другъ на друга смотрѣли, и только стрѣльци между ними перестрѣливались. И такъ простояли до вечера. Георгій наконецъ ушелъ къ своему обозу, или стану (въ товары своя). Изяславъ опять думаетъ думу съ князьями и мужами своими и вновь принимаетъ совѣтъ храбрыхъ. Георгій увидавъ, что идутъ за нимъ, построился на битву, воротился, сыновей своихъ поставилъ по правую сторону, а Святослава Ольговича по лѣвую... Солнцю въсходящу, ступишася полци—и бысть сѣча зла и первое побѣгоша Поршане, и потомъ Изяславъ Давидовичь, и по сихъ Кіяне".

Военнымъ духомъ отличается разсказъ о вторичномъ взятіи Изяславомъ Кіева при помощи Угровъ. Тутъ мы слѣдимъ за ратнымъ движеніемъ послѣдовательно и подробно—и видимъ распоряженія Изяслава Мстиславича. Вотъ онъ отдохнулъ, пообѣдалъ и вечеромъ сѣлъ на коня; призвавъ брата, сына, Бориса Городенскаго и Угорскихъ мужей на думу, объясняетъ онъ свой планъ и, получивъ одобреніе, дѣластъ распоряженія въ родѣ слѣдующаго:

И рече Изяславъ брату своему Володимеру: поѣди ты на Бѣлъгородъ передомъ, а мы вси пущаемъ съ тобою дружину свою моложьшюю..... оже пріѣдеши къ Бѣлугороду, а почнуть ся съ тобою бити, ты же къ намъ вѣсть посли, а самъ бійся заутра и до обѣда.....

Вотъ говоритъ онъ одушевленное слово къ дружинѣ: „вы за мною вышли изъ Русской земли, своихъ селъ и жизній лишились, да и я своей отчины и дѣдины не могу презрѣти: но любо голову свою сложю, нежы ли отчину свою

налѣзу и вашу жизнь.... Съ подробностями битвъ и послѣдовательнымъ описаній военныхъ событій—вторника, среды, четверга и пятницы встрѣчаемся мы въ Кіевскомъ сказаніи о послѣдней войнѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ, гдѣ проявилась храбрость Андрея и когда побѣдитель Изяславъ чуть былъ не убитъ своимъ же воиномъ (см. выше).

Подобныя же подробности (и бысть мгла въ тъ день велика, яко не видити до копецъ копья) встрѣчаемъ мы и въ описаніи послѣдняго похода Изяславова—на Галицкую землю.

Особыя сказанія, или подробные разсказы, описываютъ намъ устройства князей между собою, съ отчетливымъ изложеніемъ договоровъ. Живостью и непосредственною близостью къ событію отличаются: разсказъ объ устройствѣ Изяслава съ дядею, Вячеславомъ, и разсказъ о сношеніи того же Изяслава съ королемъ Угорскимъ, въ землѣ Галицкой и о лести притворившагося раненымъ Володиміра Галицкаго. Роль старца Вячеслава, сдружившагося съ племянникомъ, и чувствительная сторона этихъ родственныхъ, почтительныхъ и смиренныхъ отношеній сдѣлалась предметомъ особенно подробныхъ повѣствованій.

Эти отношенія въ духѣ идеальнаго воззрѣнія на братолюбіе и уваженіе къ старѣйшему родственнику, радуя сердца дружинниковъ, такъ и напрашивались на перо писателю, который заставляетъ чувствительно бесѣдовать покорнаго и вмѣстѣ могучаго великаго князя съ благодушнымъ и смиреннымъ дядею-соправителемъ.

Эти отношенія продолжаются и по смерти Изяслава Мстиславича, между братомъ и преемникомъ его, Ростиславомъ и тѣмъ-же Вячеславомъ.

Исторія посольства Петра Бориславича отъ Изяслава къ Володиміру Галицкому есть отрывокъ мемуара этого самого Бориславича. Во всей простотѣ и наивности переданъ разговоръ посла съ Галицкимъ княземъ.

...И рече ему Петръ: княже, крестъ еси къ брату своему къ Изяславу и къ королеви цѣловалъ, яко ти всё управити и съ ними быти; то ти еси уже съступилъ крестьнаго цѣлованія. И рече Володиміръ: сій ли крестець малый? И рече Петръ: княже, оже крестъ малъ, но сила велика его есть на небеси и на земли... не сталъ слушать князь рѣчей посла: вы того досыти есте молвили, а нынѣ полѣзи вонъ, поѣди же къ своему князю. Петръ же положа ему грамоты крестьныя, лѣзе вонъ— и не дана Петрови ни повоза, ни корма. Петръ поѣхалъ на своихъ коняхъ и когда Петръ съѣзжалъ съ княжьяго двора, Володиміръ шелъ въ церковь къ святому Спасу на вечерню и съ переходовъ увидалъ онъ Петра отъѣзжающаго и поругася ему: „поѣха мужь Рускый обънимавъ вся волости“. Посолъ разсказываетъ, какъ съ княземъ, когда онъ возвращался отъ вечерни, сдѣлался ударъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ поругался надъ посломъ. И вотъ понесли князя въ горенку и разными способами лѣчили, но онъ еще до утра преставился. А Петръ, отъѣхавъ отъ Галича, ночевалъ въ Большевѣ,—и вотъ около пѣтуховъ, рано утромъ, пригналъ туда дѣтьскій изъ Галича и сказалъ Петру: князь ти молвить: не ѣзди никамо же, но жди ту, доколѣ по тя вышлю... Петръ, не зная о смерти Володиміра, тужилъ и боялся за себя. Но до обѣда прислали за нимъ изъ города: князь тя зоветь. Петръ описываетъ свое удивленіе, когда онъ увидалъ княжьихъ слугъ въ черныхъ мятлихъ и Ярослава, сидящаго въ черномъ одѣяніи

и въ клобуцѣ на отни мѣстѣ. Новый, живой, но уже дружелюбный разговоръ новаго князя Галицкаго съ Петромъ оканчиваетъ это любопытное повѣствованіе.

По смерти Изяслава Мстиславича въ Кіево-Выдубицкомъ сводѣ еще сохраняется тотъ же характеръ княжеской лѣтописи-хроники Только о Ростиславѣ Мстиславичѣ пишетъ лицо духовное, похваляя его за смиреніе и благочестіе. Слѣды памятныхъ записокъ видны въ лѣтописи, писанной сторонникомъ Мстислава Изяславича.

Повѣствованіе Мономаха есть первообразъ памятныхъ записокъ, этихъ бѣглыхъ лѣтописей, останавливающихся съ особыми подробностями только на княжескихъ сношеніяхъ и на военныхъ движеніяхъ ихъ. Потребность оправдать князей въ дѣлѣ крамолы и похвалить за миролюбіе и храбрость проявляется въ памятяхъ съ тою же искренностью, какъ и въ завѣщаніи Мономаха. Самая мѣстная лѣтопись того времени уступила силѣ вещей: подробности великой внутренней войны заступили мѣсто лѣтописныхъ разсказовъ съ поучительнымъ характеромъ, первоначально писавшихся въ кельи спокойнаго наблюдателя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сказанія о походахъ на Половцевъ, имѣющія характеръ повѣстей.

Сказанія первой половины XII столѣтія: а) о походѣ Мономаха 1103 года; в) о его же походѣ 1111 и о славной битвѣ на Сальницѣ. Сказанія второй половины того-же столѣтія: а) о походѣ Мстислава Изяславича; в) два лѣтописныхъ разсказа о походахъ Святослава Всеволодовича; с) два сказанія о походѣ Игоря Святославича; отношеніе этихъ сказаній къ Слову о Полку Игоревѣ. Взглядъ на повѣствовательную сторону Слова о Полку Игоревѣ.

Если сказанія о Половецкихъ погромахъ, вошедшія въ составъ перваго лѣтописнаго свода, наполнены были горькими сѣтованіями и разсужденіями о праведномъ гнѣвѣ Божьемъ за грѣхи и дурные обычаи, то сказанія о побѣдахъ, одержанныхъ князьями Русскими надъ невѣрными, проникнуты хвалою Богу, показавшему милость людямъ своимъ. Сказанія эти прославляютъ князей, которые въ такихъ случаяхъ являются орудіемъ Божіимъ, а самая побѣда представляется чудесною и сверхъестественною.

Побѣдоносные походы на невѣрныхъ, въ глубь ихъ становищъ, тѣмъ болѣе должны были восхищать современниковъ.

Послѣ трехъ сильныхъ Половецкихъ погромовъ [127]) три побѣды одержалъ Мономахъ надъ Половцами, и три раза онъ съ побѣдою возвращался изъ земли ихъ. Обстоятельства первой побѣды дошли до насъ въ формѣ отчетливаго, подробнаго разсказа объ убійствѣ Итларя—измѣною и хитростью, совершенно въ духѣ дружиннаго эпоса [128]). Дружина здѣсь играетъ главную роль и заставляетъ Владиміра нарушить клятву: „Княже, нѣту ти въ томъ грѣха: они (Половцы) даютъ клятвы и все таки губятъ землю Русскую и проливаютъ безпрестанно кровь христіанскую". И послушалъ ихъ Владиміръ. Тогда Итларя и людей его зазвали въ теплую избу и тамъ заперли. Между тѣмъ прокопали верхъ и Ольбегъ Ратиборичь, взявъ лукъ и наложивъ стрѣлу, ударилъ Итларя прямо въ сердце. Послѣдующія по убійствѣ Половецкаго заложника обстоятельства не представляютъ интереса со стороны живой изобразительности. Бѣглый лѣтописный разсказъ о войнѣ, послѣдовавшей за убіеніемъ Итларя не останавливается даже и на походѣ Мономаха, гнавшагося за Половцами внѣ предѣловъ Русской земли. Смѣлый князь безъ приготовленій, случайно, какъ-бы набѣгомъ, зашелъ въ Половецкія кочевья, и этотъ подвигъ его былъ только предтечею другихъ славныхъ походовъ.

Сказаніе о походѣ 1103 года въ Половецкую землю. Второй походъ (1103 г.), окончившійся второю побѣдою надъ врагами отечества, былъ не набѣгъ, а обдуманное предпріятіе; о немъ сохранилось округленное и законченное сказаніе. Сказаніе начинается описаніемъ знаменія на солнцѣ, съ кото-

---

[127]) Надъ Всеволодомъ (1061), Ярославичами (1067), надъ Святополкомъ и Мономахомъ (1093).

[128]) П. С. Р. Л. т. I подъ 1095 (6603).

рымъ оно и связываетъ самое событіе похода на Половцевъ. Люди, видѣвшіе по сторонамъ солнца дуги—говоритъ авторъ—со слезами и воздыханіемъ молили Бога обратить это знаменіе на добро. „Иное знаменіе бываетъ на добро, а иное на зло; но это знаменіе было на добро: на предъидущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскіи князи—умыслиша дерзнути на Половци, поити в'землю ихъ, якоже скажемъ въ пришедшее лѣто.

Знаменіе на солнцѣ было въ февралѣ; въ мартѣ же, съ началомъ новаго лѣта, по внушенію Бога, вложившаго въ сердце ихъ мысль благую, Святополкъ и Владиміръ съѣхались на Долобьскѣ думати о предпріятіи. И сѣлъ Святополкъ съ своею дружиною, а Володиміръ съ своею, но въ одномъ и томъ-же шатрѣ. Первая возражала дружина Святополча: „не время веснѣ воевати, хочемь погубити смерды и ролью имъ". На это отвѣчалъ имъ Владиміръ: „дивно ми, дружино, оже лошади жалуешь, ею же ореть кто, а сего чему не расмотрите (не промыслите въ Лавр. Сп.) оже начнеть смердъ орати, и Половчинъ пріѣха ударить смерда стрѣлою, а кобылу поиметь, а в'село въѣхавъ, поиметь жену его и дѣти и всё имѣнье его возметь? То лошади его жалуешь, а самого чему не жалуете". И дружина Святополча не нашла отвѣта, а самъ Святополкъ сказалъ: се азъ готовъ уже, а Владиміръ ему на это: брате, ты велико добро сотворишь Русской землѣ". И послали оба князя къ Давиду и Олегу: идите на Половцевъ, либо будемъ живы, либо мертвы. Давидъ послушалъ ихъ, а Олегъ нашелъ причину отказа въ нездоровьѣ: вину река: не здоровлю.—Разсказъ описываетъ, какъ двинулись князья въ походъ, гдѣ шли на коняхъ, гдѣ въ лодкахъ, гдѣ пѣшіе. По-

ловцы, услыхавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали думати. Меньшіе люди отвергли совѣтъ Урусобы: просить мира. „Если ты боишься Руси, то мы не боимся. Когда мы побьемъ этихъ, что идутъ на насъ, то можемъ идти въ ихъ землю и взять всѣ города ихъ. Тогда не кому будетъ избавить ихъ отъ насъ“. Какъ-бы въ противоположность такимъ гордымъ рѣчамъ Русскіе князья и воины молили Бога, давали обѣты Пречистой его Матери, подавали милостыни убогимъ и посылали приношенія въ монастыри.....

Половцы выслали впередъ богатыря Алтунопу (иже славяше мужествомъ) съ передовымъ отрядомъ, а Русской сторожевой отрядъ подстерегъ Алтунопу, обступилъ его, и Русскіе избили всѣхъ, кто съ нимъ былъ. И не одинъ изъ нихъ не избылъ бѣды, но всѣхъ избили. И двинулись полки Половецкіе аки борове и нельзя ихъ было глазомъ оглядѣть. И великій Богъ вложилъ „жалость“ въ Половцевъ, и страхъ напалъ на нихъ; они бездѣйствовали и кони ихъ не двигались быстро (дремаху сами и конемъ ихъ не бяше спѣха у ногахъ) Русь-же съ веселіемъ на коняхъ и пѣшіе потекли къ нимъ. Половцы побѣжали, наши же ихъ погнали, сѣкуще.

Это случилось 4 апрѣля. И великое спасенье створи Богъ въ тъ день благовѣрнымъ княземъ Русьскимъ и всѣмъ хрестьяномъ, а на врагы наши дасть побѣду велику. Девять князей Половецкихъ изъ числа 20 убитыхъ повѣствователь называетъ по именамъ и останавливается на взятомъ въ плѣнъ Белдузѣ. Этого плѣнника приводятъ передъ снемъ князей и онъ предлагаетъ дорогой за себя выкупъ: золото и серебро, коней и скотъ. Владиміръ же поступаетъ съ нимъ, какъ Илья Муромецъ съ Соловьемъ разбойникомъ: зачѣмъ ты не училъ твоихъ сыновъ и весь родъ твой не нару-

шать клятвы, но проливали кровь христіанскую, да се буди кровь твоя на главѣ твоей---и повелѣлъ убить его; и разсѣкли его на части. И встали князья, и Владиміръ сказалъ: се день иже створи Господь возрадуимся и возвеселимся въ онь и т. д. И придоша в' Русь съ полономъ великимъ и съ славою и побѣдою великою у своясн".

Это первое сказаніе о походѣ на Половцевъ написано было по прошествіи нѣкотораго времени послѣ событія и, по всей вѣроятности, въ дни княженія Святополка. Не смотря на выдающуюся роль Владиміра, благая, вложенная Богомъ мысль принадлежитъ равно и ему, и Святополку. Вина первоначальнаго несогласія сложена на дружину, а князья являются единственными поспителями благой мысли. Они усердно молятся передъ битвою, и Владиміръ словами псалма придаетъ должное значеніе своему подвигу.

Сказаніе о походѣ 1111 г. и о славной битвѣ на Сальницѣ.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ того, князья опять, весною-же, въ дни великаго поста, предприняли походъ въ землю Половецкую. Походъ этотъ увѣнчалъ князей еще большею славою, и былъ онъ предметомъ особаго, возвышеннаго сказанія, выдвинувшаго событіе изъ дѣйствительности въ міръ чудеснаго. Сказаніе это принимаетъ характеръ повѣсти, и въ немъ религіозный элементъ подчиняетъ себѣ всѣ случайности. Сказаніе начинается описаніемъ чуднаго видѣнія столбовъ огненныхъ: „Въ Печерскомъ монастырѣ, въ 11 день февраля, явился огненный столпъ отъ земли до неба. Молніе освѣтило всю землю и на небѣ прогремѣлъ громъ въ 1 часъ ночи. Весь міръ это видѣлъ. Потомъ этотъ столпъ сталъ на трапезницѣ каменной, такъ что не виденъ былъ крестъ. Постоявъ мало.

столпъ перешелъ на церковь и остановился надъ гробомъ Ѳеодосія; потомъ сталъ подниматься выше къ востоку и затѣмъ сталъ невидимъ". Явленіе это не было сомнительнымъ и непонятнымъ указаніемъ, какъ дуги около солнца въ разсказѣ о походѣ 1103 года: это было явное предзнаменованіе побѣды „то былъ не огнь, не столпъ—продолжаетъ сказаніе—но видъ ангельскій". Въ слѣдъ затѣмъ излагается цѣлое ученіе о томъ, какъ ангелы помогаютъ въ войнахъ. За исторіей ангельскихъ явленій слѣдуетъ заимствованное изъ Епифанія Кипрскаго (писателя IV вѣка) ученіе о томъ, что дѣлаютъ ангелы въ нашемъ мірѣ: какъ одни изъ нихъ приставлены къ облакамъ и мглѣ, другіе къ снѣгу и грому и другимъ явленіямъ природы и наконецъ къ каждой землѣ и къ каждому воинству приставленъ свой ангелъ. Подробный разсказъ о явленіи ангела Александру Македонскому, передъ походомъ его въ Іерусалимъ, приводитъ автора къ заключенію, что и къ невѣрнымъ приставлены ангелы, и поганые побѣждаютъ, когда, по Божьему попущенію, ихъ водитъ ангелъ. Такъ и насъ побѣждали поганые, за грѣхи, по попущенію. Но у христіанъ не одинъ ангелъ, но столько, сколько крещеныхъ людей, и тѣмъ болѣе ангелы хранятъ благовѣрныхъ князей нашихъ. Но Божьему повелѣнью и ангелы противиться не могутъ: они только молятъ Бога за христіанъ. Такъ и теперь молитвами Святой Богородицы и ихъ молитвами умилосердился Богъ и послалъ ангеловъ въ помощь Русскимъ князьямъ на поганыхъ. „И вложилъ Богъ Владиміру въ сердце и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя на весну. Святополкъ же повѣда дружинѣ своей рѣчь Володимерю, они же рекоша: не веремя нынѣ погубити смерды отъ роль и... И затѣмъ мы видимъ тотъ-же разсказъ о снемѣ кня-

зей на Долобскѣ, который, какъ мы видѣли выше, составляетъ существенную часть сказанія о походѣ 1103 года. Дословно схожій въ обѣихъ сказаніяхъ, разсказъ этотъ имѣетъ въ сказаніи нѣкоторыя черты, указывающія на новую его редакцію. Такъ не обоимъ князьямъ, Святополку и Владиміру, приписывается мысль похода, а одному Владиміру. Такъ рѣчи свои о смердахъ и о рольи Владиміръ относитъ не къ дружинѣ Святополчей, а къ самому великому князю. На сеймѣ Владиміръ не рѣшается говорить и уступаетъ слово Святополку: „брате, ты еси старѣй, почни глаголати“.... И далѣе „како я хочю молвити, а на мя хотятъ молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощетъ погубити смерды и ролью“. Ясно, что сказаніе о первомъ походѣ имѣло источникомъ разсказъ одного изъ дружинниковъ Владиміра, слагавшаго вину за противодѣйствіе на дружину Святополка. Позднѣйшая же редакція, пріурочившая это совѣщаніе на Долобскѣ къ позднѣйшему походу, не различаетъ двухъ становъ дружины, а слагаетъ вину за противодѣйствіе вообще на дружину, а весь починъ всецѣло приписываетъ одному Владиміру [129]).

Лѣтописный разсказъ объ Итларѣ, сказаніе 1103 г. и сказаніе 1111 г. стоятъ между собой въ такомъ отношеніи: въ первомъ изъ нихъ мы видимъ преобладаніе дружиннаго начала, во второмъ дружинное начало еще играетъ роль, въ третьемъ оно совершенно блѣднѣетъ передъ значеніемъ князей, и зна-

[129]) Карамзинъ, слѣдуя сказанію о битвѣ при Сальницѣ отнесъ и съѣздъ на Долобскѣ съ рѣчами о смердахъ и о рольи къ 1111 г., Соловьевъ, замѣтивъ повтореніе, разсказалъ о съѣздѣ на Долобскѣ, при событіи 1103 года. Такъ поступилъ и составитель Никоновскаго лѣтописца.

ченіе одного изъ нихъ выростаетъ до колоссальныхъ размѣровъ.

Отнесши то, что происходило на сеймѣ 1103 года, къ обстоятельствамъ похода 1111 г., сказаніе тѣмъ не менѣе съ точностью передаетъ исторію похода. Событія преимущественно означены днями великой четыредесятницы, и читатель изо дня въ день слѣдитъ за движеніемъ Русскихъ ратныхъ силъ въ глубь степей Половецкихъ. Основная мысль о помощи ангеловъ проводится во всемъ разсказѣ: князья на нихъ возлагаютъ свою надежду. Владиміръ, какъ носитель вдохновенія свыше, подступая къ граду Шаруканю „приставѝ попы своя ѣдучи передъ полкомъ пѣти тропари“... Подобно крестоносцамъ или князья наши на невѣрныхъ—вдохновенные, молящіеся, очи возводящіе къ небу. „Уже двукратно помогъ Богъ Русскимъ князьямъ, но въ послѣднюю рѣшительную минуту ангелъ господень пришелъ къ нимъ въ помощь. Тмы темъ Половцевъ аки борове велиціи обступиля Русскіе полки. Была лютая брань, какъ громъ затрещала схватка... и наконецъ Половци вдаша плещи своя на бѣгъ.... и падаху Половци предъ полкомъ Володимеровымъ, невидимо бьеми ангеломъ. Многіе видѣли, какъ невидимымъ образомъ сѣкаемыя головы летѣли на землю“.

Послѣ этой славной побѣды на Сальницѣ князья возблагодарили Бога; и взяли они много полону. Приведенные передъ князей колодники, подтверждая чудо, являются живыми его свидѣтелями: како можемъ битися съ вами? а друзіи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, яже помогаху вамъ“. Заключительная часть сказанія снова возвращается къ явленію столпа въ Печерскомъ монастырѣ, какъ къ явленію ангела, вложившаго Мономаху

въ сердце—„пустити братью на иноплеменники". Обширная хвала ангеламъ и выдержки явленій ихъ изъ Іоанна Златоуста и Епифанія Кипрскаго на время переносятъ сказаніе въ область духовнаго. Воздавъ хвалу небесному воинству, авторъ заключаетъ свое произведеніе прославленіемъ подвига и побѣды Русскихъ князей:

„Возвратишася Русьстіи князи во свояси съ славою великою. Слава эта пошла по всей Русской землѣ и по всѣмъ странамъ дальнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ и Ляхомъ, и Чехомъ дондеже и до Рима проиде на славу Богу, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Съ этимъ можно сопоставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревѣ, гдѣ пѣвецъ величалъ Святослава за побѣду надъ Половцами: **Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю.**

Сказаніе это было написано отдѣльно отъ лѣтописи. Оно скорѣе, чѣмъ всякое другое сказаніе времени Мономаха, принадлежитъ перу лица, преданнаго этому князю и написавшаго свое произведеніе тогда, когда Владиміръ Мономахъ былъ великимъ княземъ Кіевскимъ. Сказаніе по всей вѣроятности написано въ монастырѣ Св. Михаила, вождя безплотныхъ силъ, монастырѣ Выдубицкомъ, гдѣ составленъ былъ Сильвестровъ лѣтописецъ.

Явленіе огненныхъ столповъ въ монастырѣ Печерскомъ и чудо св. ангеловъ, которымъ былъ посвященъ монастырь Выдубицкой, указываютъ на духовную связь, соединявшую двѣ сосѣднія обители.

Авторъ этого сказанія однако-же не былъ одно и тоже лицо съ тѣмъ, кто велъ лѣтопись временъ Святополка-Михаила.

И если Сильвестръ велъ эту лѣтопись и ею связалъ событія своего времени съ повѣстью объ отдаленной старинѣ, то онъ не могъ быть авторомъ сказанія объ ангелахъ, помогшихъ Русскимъ противъ Половцевъ, не могъ потому, что въ лѣтопись его органически входитъ сказаніе о походѣ 1103 года. Выше же мы доказали что одно лицо не могло быть авторомъ этихъ двухъ сказаній. Приписка Сильвестрова (въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописей) обрѣзываетъ наше сказаніе: ясно, что она стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Въ цѣлости же сказаніе дошло до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописей.

Счастливые походы на Половцевъ возобновились черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ знаменитой битвы на Сальницѣ. Въ ту пору великая внутренняя война поутихла. Кіевъ потерялъ прежнее значеніе при окрѣпшемъ Суздалѣ и усилившемся Галицкомъ княженіи. Столь упорно домогавшіеся Кіевскаго стола два князя, Ольговичь и Мономаховичь, кончили тѣмъ, что раздѣлили другъ съ другомъ власть велико-княжескую. Въ княженіе Святослава Всеволодовича и свата его, Рюрика Ростиславича, въ Кіевѣ ратное движеніе приняло вновь характеръ борьбы съ невѣрными; начинаются наступательные походы на Половцевъ; а въ письменности появляются повѣствованія объ этихъ походахъ.

Какъ въ годы Мономаха въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ ожили дружинныя преданія объ Ольгѣ и Владимірѣ, такъ и въ послѣдней четверти XII-го столѣтія воскресла слава Мономаха, вспомнились подвиги славнаго князя въ странахъ Придонскихъ и ожили и другія событія стараго Мономахова времени.

Южныя лѣтописатели, слѣдя главнымъ образомъ за войнами князей между собою, мимоходомъ упоминаютъ о рѣдкихъ

впрочемъ походахъ на Половецкую землю. Только походъ Мстислава Изяславича (6678 или 1170 г.) послужилъ содержаніемъ особаго сказанія, напоминающаго сказанія о походахъ Мономаха на Половцевъ „Вложи Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичу мысль благу о Руской земли, занеже ей хотяше добра всимъ сердцемъ".

Идти на Половцевъ значило хотѣть блага Русской землѣ, любить её всѣмъ сердцемъ. Подвигъ похода на землю Половецкую былъ подвигомъ, выражавшимъ свѣтлую, лучшую идею времени. На долю одного изъ князей второй половины XII-го столѣтія долженъ былъ пасть удѣлъ быть носителемъ этой идеи, и подвигъ его, совершенный во имя блага всей земли, долженъ былъ быть прославленъ въ примѣръ прочимъ князьямъ и даже въ укоръ имъ за розпь и усобицу.

Рѣчь правнука Мономахова, Мстислава Изяславича, окончилась такъ:

„А лѣпо ны было, братье [130]) възряче на Божію помочь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести".

И угодна бысть рѣчь его преже Богу и всеѣ братьѣ и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце, а намъ дай Богъ за крестьяны и за Русскую землю головы свои сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти.

---

[130]) **„Лѣпо ны бяшеть, братіе"**, какъ видно, была въ XII столѣтіи обиходною фразою въ воззваніяхъ, въ началѣ торжественныхъ рѣчей и ею начинаетъ свою повѣсть-поэму авторъ Слова о полку Игоревѣ.

На середокрестной недѣлѣ выступили князья въ походъ, какъ бывало при Мономахѣ. Князья взяли сперва вѣжи Половецкія, потомъ настигли и Половцевъ и набрали множество полону—и колодникы и чагами, и дѣтьми ихъ, и челядью, и скоты, и коньми. Христіанъ же, взятыхъ въ плѣнъ, всѣхъ пустили на свободу..... И похваливше князи Бога, възвратишася во свояси съ радостію великою. Они поспѣли домой на воскресенье Христово. И бысть людемъ двойная радость: и воскресеніе господне и возвращеніе князей съ побѣдою и радостью. Такими словами оканчивается разсказъ о событіи, случившемся за пятнадцать лѣтъ до несчастливаго и столь прославленнаго похода Игоря Святославича.

Лѣтописные разсказы о походахъ великаго князя Святослава Всеволодовича Кіевскаго на Половцевъ равно напоминаютъ духъ сказанія Мономахова времени. Разсказъ о побѣдѣ его надъ Кобякомъ началомъ и заключеніемъ напоминаетъ сказаніе о походѣ 1111 года: „Богъ вложилъ въ сердце Святославу князю Кіевскому и Рюрику Ростиславичу поидти на Половцевъ..... послѣ побѣды „великій князь Святославъ Всеволодовичь и Рюрикъ Ростиславичь пріимше отъ Бога на поганыя побѣду... возвратишася во свояси съ славою и честію великою“. Путь Святослава былъ на этотъ разъ внизъ по Днѣпру. Иные изъ князей союзниковъ не хотѣли двинуться такъ далеко отъ своихъ земель, но Святославъ пошелъ, пущаемъ Божіимъ промысломъ. Долго шелъ Святославъ своею стороною Днѣпра и только у Нижиря брода переправился на ратную сторону рѣки. Пять дней проскалъ онъ Половцевъ. Младшихъ князей онъ отрядилъ впередъ, и вотъ одинъ изъ нихъ Володимиръ Переяславскій напалъ на Половцевъ, пустился за ними въ погоню и, не нагнавъ, воротился

и сталъ на мѣстѣ нарѣцаемымъ Ерель, его же Русь зоветъ Уголъ. Половецкій же князь Кобякъ, думая, что Русскихъ только и есть, сколько гналось за нимъ, воротился биться съ ними, но большіе полки Святослава и Рюрика пришли къ своимъ на помощь; и быстро отступили Половцы (поскочина), Русь же ворвалась въ ряды ихъ (въвертѣшася въ нѣ) и начали ихъ сѣчь и брать въ плѣнъ. Разсказъ поименовываетъ князей Половецкихъ, избитыхъ Русскими и взятыхъ въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ Кобякъ съ своими двумя сыновьями. Въ словѣ о полку Игоревѣ эта побѣда, окончившаяся взятіемъ въ плѣнъ Кобяка, вспомянута съ особою хвалою: **Святъславь, грозный великый Кіевскый.... наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ яко вихръ выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли.** Въ плачѣ Ярославны вспоминается этотъ счастливый походъ по Днѣпру: **Днѣпре Славутицю.... ты лелѣялъ еси Святославли насады до пълку Кобякова.**

Извѣстіе о походѣ 1185 г. на Кончака, за Хоролъ, не смотря на свою сжатость округлено и запечатлѣно тѣмъ-же религіознымъ духомъ. „Господь содѣялъ спасеніе — далъ побѣду двумъ княземъ Русскимъ Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславичу таково начало: и возвратились они съ побѣдою молитвами святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, славяще Бога въ Троицѣ—отца и сына и святаго Духа.

На 34-хъ лѣтняго Новаградо-Сѣверскаго князя палъ жребій быть носителемъ идеальнаго стремленія вѣка, подобно Мстиславу Изяславичу.—Если-бы Слово о Полку Игоревѣ и не дошло до насъ, то и тогда, на основаніи свидѣтельствъ

лѣтописи, личность Игоря Святославича стала бы наряду съ личностью Мстислава Изяславича, хотѣвшаго Русской землѣ добра всѣмъ сердцемъ. Игорь поздно узналъ, что Святославъ Всеволодовичь пошелъ на Кончака. Мужъ Святослава передалъ ему, что Ярославъ Черниговской не пошелъ съ братомъ на Половцевъ: отречеся брату своему Святославу. Игорь на это сказалъ мужу Святославову: „Не дай Богъ отрещись идти на поганыхъ, поганый намъ всѣмъ общій ворогъ“. И сталъ гадать Игорь съ дружиною, какъ бы ему обогнать полки Святославовы. Дружина ему на это: Княже, птицею не можешь перелетѣть. Се пріѣхалъ къ тобѣ мужъ отъ Святослава въ четвергъ, а самъ идеть въ недѣлю изъ Кіева, то како можеши, княже, постигнути. Игореви же бяшеть не любо, оже ему тако молвять дружина. Онъ двинулся кратчайшимъ путемъ, но туманъ помѣшалъ ему попасть на путь Святослава. Это было въ мартѣ. Въ апрѣлѣ-же, во вторникъ свѣтлой недѣли, въ то время, какъ Святославъ пошелъ въ Вятичи, къ Корачеву, Игорь выступилъ изъ Новагорода Сѣверскаго въ походъ на Половцевъ въ союзѣ со всѣми молодыми Ольговичами. У старшаго Ярослава Черниговскаго онъ испросилъ въ помощь Ковуевъ Черниговскихъ съ испытаннымъ въ бояхъ съ Половцами мужемъ Ольстиномъ Олексичемъ.

Походъ Игоря съ его несчастными послѣдствіями былъ дважды описанъ современными писателями. Южный лѣтописный сводъ сохранилъ живое, подробное и очень искусное сказаніе, писанное по горячимъ слѣдамъ событія, по всей вѣроятности въ Кіевѣ—лицомъ преданнымъ роду Мономаха. Сказаніе это написано въ духѣ прежнихъ сказаній о борьбѣ съ невѣрными. Знаменіе, бывшее на солнцѣ въ то время, какъ ополченіе

подходило къ Донцу, даетъ поводъ выходящую изъ ряда войну ставить въ зависимость отъ Божьяго указанія. Выраженіе о Половцахъ (начаша выступати полци Половецкіи, акъ борове), встрѣчающееся и въ сказаніяхъ о походахъ Мономаха, указываетъ также на литературное сродство сказанія о походѣ Игоря съ другими сказаніями о борьбѣ съ невѣрными.

По внимательномъ разсмотрѣніи *сказаніе южнаго свода о походѣ Игоря* можно раздѣлить на части. Такимъ расчлененіемъ памятника самый строй его становится яснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпывается содержаніе его, столь интереснос по отношенію къ Слову о полку Игоревѣ.

1-я часть: выступленіе въ походъ—до встрѣчи съ врагами. При взглядѣ на солнце, стоявшее яко мѣсяцъ, мужи поникоша главами и сказали князю, что знаменіе это не на добро. Игорь отвѣчаетъ на это поучительно: братья и дружино! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію Творецъ Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ то мы увидимъ.

Твердый въ своемъ намѣреніи Игорь не испугался и новаго предостереженія, даннаго сторожевыми, принесшими вѣсть о силѣ враговъ: „или пойдемъ быстро, или возвратимся домой; теперь не наше время“—говорили они, Игорь на это: оже ны будеть не бившеся возворотитися, то соромъ ны будеть пуще смерти; но како ны Богъ дасть.

Эта худая вѣсть, принесенная сторожевыми людьми отмѣчена и въ Словѣ о полку Игоревѣ: **стязи** (метонимически вм. стяговники, которые обыкновенно становились на возвышенныхъ мѣстахъ съ знаменами и видѣли окрестность) **глаголютъ**

Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ—Рускыя плъкы о(б)ступиша [131]).

Вѣсть эта, пришедшая къ Игорю еще до перваго столкновенія съ Половцами, въ „Словѣ“ отнесена ко времени между первымъ и вторымъ сраженіемъ.

2-я часть—встрѣча съ врагами и побѣда на р. Сіурліи. Подробно описывается эта встрѣча. Игоревъ полкъ идетъ посереди, по правую его сторону полкъ Всеволода Трубчевскаго, а по лѣвую Святослава Ольговича Рыльскаго (сына брата и предмѣстника Игорева на столѣ Новградо-Сѣверскомъ). Впереди шелъ полкъ 13 лѣтняго Владиміра Игоревича и полкъ Ольстина Олексича; шестой же сборный полкъ шелъ впереди всѣхъ; онъ былъ составленъ изъ стрѣльцевъ всѣхъ пяти полковъ. „Братья, сего есмы искали, а потягнемъ—сказалъ Игорь. И поили они къ р. Сіурлію, положивъ упованіе на Бога. Въ то время, какъ три передовые полка уже вступили въ сраженіе съ Половцами, Игорь и Всеволодъ подвигались тихо по

---

[131]) Мы читаемъ вмѣстѣ съ Ганкою, Дубенскимъ и Максимовичемъ обступиша вм. отступиша. Кн. Вяземскій (Замѣчанія на слово о плъку Игоревѣ. С.-петербургъ 1875 г. стр. 162) осуждаетъ такое чтеніе: „Нельзя не упрекнуть издателей Слова о Пл. Игоревѣ за необращеніе должнаго вниманія на изслѣдуемый ими текстъ. Въ Словѣ весьма правильно и ясно говорится, что Русскія войска отступили послѣ первой побѣды своей..... Чувство патріотизма затемнило смыслъ текста“... Мы съ своей стороны позволимъ и себѣ укорить почтеннаго изслѣдователя за не обращеніе должнаго вниманія на лѣтописное сказаніе. Изъ „Слова“ также не видно, чтобы Русскіе отступили. Послѣ первой побѣды они почевали въ полѣ, гдѣ ихъ и застало зловѣщее утро, „и въ слѣдъ за извѣстіемъ о подступающей со всѣхъ сторонъ силѣ Половецкой они были ею окружены.

направленію къ вѣжамъ Половецкимъ, уже покинутымъ сражавшимися Половцами. Русскимъ досталось все, что было въ вѣжахъ—люди и имущество.

„И рассушась стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними и злато, и поволокы и драгыя аксамиты...

Игорь возблагодарилъ Бога и призналъ за собою и своими честь и славу. Но онъ не былъ ослѣпленъ успѣхомъ: онъ торопилъ движеніе полковъ своихъ и хотѣлъ идти черезъ всю ночь. Племянникъ его, Святославъ Ольговичь, воспротивился такому рѣшенію „Далеко гнался я за Половцами—сказалъ онъ —и кони мои не могутъ. Если-же мнѣ теперь поѣхать, то придется остаться на дорогѣ". Изъ разбираемаго нами сказанія ясно, что современники приписывали неудачу медленному движенію полковъ и этой злополучной заночевкѣ, по требованію Святослава Ольговича.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.... Сторожевые люди говорили о необходимости быстраго движенія, какъ мы это видѣли выше и Игорь этого требовалъ. Недовольный на медленность полковъ авторъ сказанія говоритъ съ укоромъ: „идяхуть тихо, бяхуть бо у нихъ кони тучни вельми.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ этому медленному движенію какъ бы противополагается бѣгъ Половцевъ: Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому.... Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ.

И такъ, рѣшились почевать: облегоша ту. „Не дивно будетъ, если помремъ—сказалъ принужденный уступить общему требованію Игорь.

3-я часть—новая встрѣча утромъ съ Половцами и злополучная битва.

Въ „Словѣ" объ этомъ: другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ....

Игорь, не разъ бывавшій въ передѣлкахъ съ Половцами, узнаетъ по именно полки ихъ. Рать спѣшивается, силится дойти до р. Донца; конные не хотятъ покинуть пѣшихъ, всѣ хотятъ вмѣстѣ умереть или спастись. Игорь раненъ въ лѣвую руку. Бились цѣлый день субботы и всю почь до воскресенья. Въ воскресенье съ зарею, Ковуи взбунтовались и устремились въ бѣгство. Раненый Игорь на конѣ погнался ворочать полки назадъ къ битвѣ и снялъ шлемъ, чтобы познали въ немъ князя.

„Игорь пълки заворочаетъ“ въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Но однако мало кто отъ простыхъ людей участвовалъ въ мятежѣ Ковуевъ. Добрые бились пѣшіе, и среди нихъ Всеволодъ не мало мужества показа. Приблизившагося къ полкамъ своимъ Игоря взяли въ плѣнъ. Въ неволѣ видитъ онъ брата Всеволода, крѣпко борющася, и проситъ у Бога смерти: „дабы не видѣлъ я паденія брата своего“. Всеволодъ бился пока не иступилъ оружія.—Въ Словѣ: **Ярътуре Всеволоде, стоиши на боронѣ, прыщеши на вои стрѣлы...** и т. д. **Камо туръ поскочяше своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкія.**

Послѣдняя схватка была при озерѣ. И тако въ день воскресенія наведе на ня Господь гнѣвъ свой въ радости мѣсто, наведе на ны плачь и въ веселье мѣсто жалю на рѣцѣ Каялы.

Жеља невольно напоминаетъ: **жля поскочи по Русской земли,** а Каяла и тѣмъ болѣе роднитъ сказаніе со „Словомъ“, гдѣ эта степная, несомнѣнно существовавшая подъ этимъ именемъ, а не вымышленная, какъ думаютъ нѣкоторые комментаторы рѣка такъ часто упоминается.

4-я часть—плачь Игоря, раскаяніе его и покаяніе передъ Богомъ. Половцы разбираютъ плѣнниковъ.

5-я часть—великой князь Святославъ, стоя у Новагорода-Сѣверскаго, узналъ о походѣ братьи своей, и ему то было не любо. Въ Черниговѣ узнаетъ онъ о бѣдѣ, постигшей ихъ: онъ плачетъ, укоряетъ и жалѣетъ больше всего Игоря.

6-я часть описываетъ тугу и тоску Посемскихъ городовъ и всей области Черниговской.

7-я—Другіе князья Русскіе выступаютъ на Половцевъ.

8-я—Половцы раздѣляются на двѣ рати: бысть у нихъ котора; Кончакъ идетъ на Кіевскую сторону, желая отмстить за прежнія пораженія; Кза, или Коза, идетъ на Посемье, гдѣ остались однѣ жены и дѣти.

9-я часть—Кончакъ осаждаетъ Переяславль, гдѣ при этомъ тяжело раненъ „добрый, крѣпкой“ въ рати князь Володимiръ Глѣбовичь.

.....а Володимиръ подъ ранами; туга и тоска сыну Глѣбову.

10-я часть—котора въ Русскомъ войскѣ; Давидъ возвращается домой со Смольнянами, покидаетъ Рюрика и Святослава.

.....бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы....

11-я часть—Кончакъ осаждаетъ Римовъ. Побѣда на сторонѣ Половцевъ. Авторъ вздыхаетъ, указывая на Божью казнь за грѣхи—да смирившеся воспомянемся отъ злаго пути.

На ниче ся годины обратиша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми.

12-я часть—кратко въ нѣсколькихъ словахъ говорится о Кзѣ или Козѣ, „въ силахъ тяжкихъ“ повоевавшемъ Путивльскую волость.

13-я часть—разсказъ объ Игорѣ въ плѣну: какъ его тамъ содержали честно и какъ онъ думалъ долго пробыть тамъ.

14-я часть—замыслы Игоря бѣжать со всѣми Русскими. Благородное его отношеніе къ дружинѣ, безъ которой онъ не

хотѣлъ бѣжать неславнымъ путемъ. Его думцы уговариваютъ его не дожидаться возвращенія Половцевъ изъ Переяславля.

15-я часть—бѣгство. При помощи Лавора (Овлуръ Слова о Полку Игоревѣ), родомъ Половчина, Игорь бѣжитъ вечеромъ, когда Половцы напились кумыса. Конюшій князя говоритъ ему, что Лаворъ на той сторонѣ рѣки Тора и ждетъ его.

Овлуръ свисну за рѣкою—велитъ князю разумѣти.

Игорь горячо молится, надѣваетъ на себя крестъ и икону, поднимаетъ стѣну палатки и уходитъ. Сторожа его говорятъ, что онъ спитъ, а между тѣмъ играютъ и веселятся.

Погасоша вечеру зори: Игорь спитъ, Игорь бдитъ...

Вотъ онъ перебрелъ рѣку, сѣлъ на коня и миновалъ вѣжи. **Вежи ся Половецкіи подвизошася; а Игорь князь поскочи ....бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь.**

16-я часть—возвращеніе Игоря, радость въ Черниговской землѣ. Игорь ѣдетъ въ Кіевъ къ великому князю Святославу и Рюрику.

Игорь ѣдетъ по Боричеву, къ святой Богородицѣ Пирогощей.....

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ сказаній—сказаніе это по духу и направленію болѣе другихъ напоминаетъ сказаніе объ ослѣпленьи Василька: та же чуткость къ военному дѣлу и тотъ же правдивый и нравственный судъ надъ героемъ сказанія. Отъ сказаній о Мономахѣ оно отличается большею искусственностью—свойствомъ или элементомъ повѣсти. Мысли о значеніи небеснаго знаменія авторъ излагаетъ не отъ себя, а выражаетъ ихъ рѣчами самого Игоря. Судъ надъ Игоремъ, согрѣшившимъ передъ Богомъ и передъ христіанами, когда онъ вмѣстѣ съ Половцами взялъ на щитъ у Переяславля городъ Глѣбовъ, излагается въ формѣ покаянныхъ рѣчей самого же Игоря, принимающаго отъ Бога кару, по собственному его признанію, по дѣломъ. Самыя

намѣренія Кончака и Кзы, или Козы, авторъ выражаетъ въ разговорной формѣ. По живости и искусному веденію разсказа сказаніе свидѣтельствуетъ объ относительной высотѣ повѣствовательнаго творчества. Самая искусственность не заслоняетъ дѣйствительности, а только въ формѣ изобрѣтенныхъ авторомъ рѣчей развиваетъ смыслъ событія.

Сказаніе это несомнѣнно Кіевскаго происхожденія, какъ мы сказали выше. Оно и оканчивается словами о переѣздѣ Игоря въ Кіевъ, гдѣ рады были ему Святославъ и Рюрикъ сватъ его.

Источниками сказанія были разсказы одного изъ дружинниковъ Игоря, участника въ битвахъ и свидѣтеля бѣгства изъ плѣна.

Игорь опоэтизированъ какъ лицо, принявшее кару отъ руки Божіей за личныя свои преступленія. Покаяніе возвышаетъ его и онъ убѣгаетъ изъ плѣна промысломъ Божіемъ. Вообще этотъ плѣнъ и это удачное спасеніе изъ плѣна возбуждали высшій интересъ современниковъ.

Въ сказаніи преобладаетъ духъ дружинный надъ княжедворскимъ. Главной добродѣтелью Игоря выставлено его желаніе дѣлить участь съ дружиною. На сторонѣ дружины опытность и правда: не даромъ она видѣла не доброе въ помраченіи солнца. Тысяцкій и конюшій убѣждаютъ Игоря бѣжать, смиряя его новые гордые или смѣлые замыслы.—Сказаніе это написано года черезъ два-три послѣ событія. Полагаемъ это на томъ основаніи, что Кончакъ названъ сватомъ Игоря. А намъ извѣстно, что Владиміра Игоревича въ плѣну позднѣе того женили на Кончаковнѣ.

Сказаніе это схоже со Словомъ о Полку Игоревѣ только въ нѣкоторыхъ фактахъ, но во многомъ оно поясняетъ единственный

письменный памятникъ, изложенный языкомъ гусельныхъ, старыхъ словесъ.

Но вотъ отличія сказанія отъ „Слова“.

Сказаніе не дышетъ расположеніемъ къ Ольгову хороброму гнѣзду, хотя и повѣдаетъ безпристрастно о доблести Святославичей. Оно Кіевскаго происхожденія, тогда какъ „Слово“ создалось въ средѣ Ольговичей.

Сказаніе отличается дружиннымъ духомъ, тогда какъ „Слово“ знаетъ однихъ князей. Въ „Словѣ“ не видно дружины. Думци Игоревы, его тысяцкой и пособникъ конюшій даже и не упомянуты. Не оттѣнено и отношеніе Игоря къ дружинѣ.

Въ сѣверныхъ лѣтописяхъ сохранилось *другое сказаніе объ Игоревомъ походѣ*. Но оно, и по краткости, и по литературнымъ достоинствамъ далеко ниже южнаго сказанія.

Общими мѣстами, безучастно говорится здѣсь о неудачѣ и Божьемъ наказаніи за грѣхи. Авторъ завѣдомо не любитъ Ольговичей, но къ Игорю, равнодушенъ. Въ сѣверномъ сказаніи Игорь не выступаетъ изъ ряда другихъ Ольговичей и съ ними вмѣстѣ онъ преступенъ только въ томъ, что былъ гордъ, отваженъ, задумалъ дѣло „выше своей мѣры“; передъ Богомъ же онъ является безцвѣтнымъ праведникомъ: у с к о ч и И г о р ь к н я з ь у П о л о в ц е в ъ: н е о с т а в и т ь б о Г о с п о д ь п р а в е д н а г о в ъ р у к у г р ѣ ш н и ч ю“.

А между тѣмъ въ Кіевскомъ сказаніи Игорь очерченъ какъ любимецъ народа, дружины, князей юныхъ и старѣйшихъ. Храбрость его оттѣнена съ сочувствіемъ. Передъ Богомъ же онъ преступникъ и какъ преступникъ несетъ свою кару. Потомъ кается, и примиренный съ Богомъ, за молитвы христіанъ, спасается изъ плѣна.

Суздальское сказаніе глумится надъ неудавшимся замы-

сломъ Ольговичей и не разъ приводитъ ихъ похвальбу: „Мы есмы ци не князи же? такы же собѣ хвалы добудемъ. Такая же похвальба и послѣ побѣды: „братья наши не смѣли гнаться за Половцами, а бились съ ними у себя. А мы въ земли ихъ есмы и самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ; а нонѣ пондемъ на нихъ за Донъ и до конця избьемъ ихъ, оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ и лукуморя гдѣ же не ходили ни дѣды наши, а возмемъ до конца свою славу и честь“ а не вѣдуще Божья строснія. Такъ укорялъ Суздалецъ Ольговичей.

Это мѣсто сказанія получило живое обращеніе въ мірѣ дружинниковъ, и его почти дословно находимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ:

нъ рекосте: мужаимся сами, переднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ.

Всего славнѣе въ походѣ на Половцевъ было дойти до моря. Лука-моря встрѣчается и въ прославленіи Святослава за побѣду надъ Кобякомъ.

Въ Суздальскомъ сказаніи есть подробность похода, опущенная въ южномъ сказаніи, но отразившаяся въ Словѣ о полку Игоревѣ. Во время сраженія, въ субботу, стрѣлки Половецкіе не подпускали Русскихъ къ водѣ; наши изнемогли бо ся бяху безводьемъ въ зной и въ тузѣ.

Эта подробность играла роль въ живыхъ разсказахъ о походѣ Игоревомъ, и, одна изъ немногихъ, она отчеканилась въ „Словѣ“, въ воззваніи Ярославны къ свѣтлому солнцу:

въ полѣ безводнѣ-жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Когда на третій день Русскіе дошли до воды, то враги, притиснувъ ихъ къ водѣ, брали въ плѣнъ, били и топили.

Этимъ притисненіемъ Русскихъ къ водѣ сѣверное сказаніе поясняетъ неудачу битвы. Въ общихъ выраженіяхъ говорится о гибели князей и дружины, а за тѣмъ слѣдуетъ воздыханіе и плачъ въ религіозномъ стилѣ съ текстомъ изъ книгъ пророческихъ.

Похвальбу побѣдителей Половцевъ (ихъ гордость велику, какъ сказано въ южномъ сказаніи) сѣверное сказаніе обрисовываетъ словами, сказанными ими Русскому проѣзжему гостю: „идите къ намъ за вашею братіею, а не то—мы пойдемъ къ вамъ за своею“. Узнавъ о Половецкой побѣдѣ и о намѣреніи враговъ идти на Русскую землю, Святославъ выступилъ противъ нихъ къ Каневу. Въ южномъ сказаніи Святославъ не доходитъ до Канева, а только до Триполья. Когда-же Половцы, по слухамъ, дошедшимъ до Святослава, бѣжали за Донъ, великій князь возвратился въ Кіевъ, а князья, ополчившіеся на Половцевъ, разошлись по домамъ. Сказаніе не знаетъ или не хочетъ знать о которѣ, происшедшей между Русскими князьями, не сомнѣвавшимися въ томъ, что Половцы уже воюютъ по Семи и Сулѣ. Половцы, по сказанію, провѣдавъ о томъ, что, князья разошлись по своимъ мѣстамъ, тайно погнали къ Переяславлю и взяли города по Сулѣ.—Въ Словѣ о Полку Игоревѣ объ этомъ: **Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ Переяславлю...** У Переяславля бились весь день. Володиміръ Глѣбовичъ выѣхалъ изъ города „въмалѣ дружинѣ“ и враги бились съ нимъ крѣпко и обступили князя злѣ. Горожане, увидавъ своихъ, изнемогающихъ въ битвѣ, вырвались изъ города и бились съ врагами крѣпко и одва изотяща князя, боденого тремя копьи.. и вбѣгоша въ городъ и затворишася. Половцы

же воротились въ свои вѣжи „со многимъ полономъ". Такихъ подробностей объ осадѣ Переяславля, объ участіи горожанъ въ битвѣ и о самой ранѣ Глѣбовича въ южномъ сказаніи нѣтъ. Сѣверное же ничего не говоритъ о дальнѣйшихъ событіяхъ войны и отъ осады Переяславля прямо переходитъ къ бѣгству Игоря изъ плѣна и упоминаетъ объ этомъ глухо, какъ мы это видѣли изъ приведеннаго нами выше заключительнаго мѣста сказанія.—Такимъ образомъ сѣверное сказаніе отличается отъ южнаго обычными свойствами Суздальскихъ словесныхъ произведеній: сухостью, краткостью и церковнымъ характеромъ. Въ немъ замѣтно недружелюбное чувство къ южнымъ князьямъ, предпринявшимъ походъ съ гордостью и самоувѣренностью. Независимость этого сказанія отъ южнаго видна еще и въ томъ, что въ послѣднее, не смотря на его обширность, не вошли нѣкоторыя подробности, какъ напримѣръ, мученіе жаждою Русскаго войска и другія черты въ описаніи осады Переяславля Половцами. Южное сказаніе упоминаетъ о злополучной заночевкѣ въ полѣ и въ медленности движенія Русскихъ видитъ причину нашихъ неудачъ. Сѣверный же писатель, не входя въ подробности ратнаго движенія, разсказываетъ, что Русскіе потеряли время потому, что три дня, послѣ первой побѣды надъ Половцами, веселились, празднуя побѣду и строя блестящіе планы въ будущемъ, а не вѣдуще Божья строенія.

Отъ Слова о Полку Игоревѣ сѣверное сказаніе отличается болѣе чѣмъ южное. Въ толпѣ Ольговичей пропадаетъ Игорь и только его удачное бѣгство изъ плѣна заставляетъ автора упомянуть объ этомъ князѣ наставительно, какъ о праведникѣ, котораго Богъ не оставилъ въ руку грѣшничю.

Въ эпоху появленія Слова о Полку Игоревѣ лѣтописные

разсказы уже утратили свой первоначальный простодушный характеръ. И если на сѣверѣ они окрашивались однообразнымъ колоритомъ предвзятой мысли и официальности, то и на югѣ сказанія стремятся стать на высоту повѣстей и по образцу этихъ послѣднихъ драматизируютъ событія, опуская жизненныя подробности. На почвѣ лирическихъ обобщеній и устная поэзія могла наконецъ сблизиться съ литературной школой, развивавшей лирическое впечатлѣніе въ ущербъ эпической правдѣ. Духъ отваги въ борьбѣ съ невѣрными, подвиги князей, повторявшихъ доблести Мономаха, стремленіе къ единству Русскихъ силъ, негодованіе на усобицы и крамолы—вотъ что было общимъ мотивомъ какъ въ устной княжеской поэзіи высокаго пошиба, такъ и въ повѣстяхъ о борьбѣ съ невѣрными. И вотъ на этихъ то мотивахъ и создалось въ письменности цѣльное поэтическое произведеніе, гдѣ форма живой устной народной поэзіи побѣдила заимствованную, искусственно-поэтическую форму повѣсти.

Однако же не смотря на свою поэтическую форму Слово о Полку Игоревѣ не есть произведеніе народно-эпическое. Воспѣваемое современное событіе представляется тамъ въ исторической наготѣ, безъ всякой примѣси чудеснаго. Это не замышленіе и не вымыселъ и вмѣстѣ не цѣльная, возникшая въ духѣ цѣлаго цикла эпическихъ представленій, былина. Въ „Словѣ“ видна опытность человѣка испытующаго событія и стоящаго на высотѣ книжнаго образованія. Въ „Словѣ“ осязательна атмосфера княжескихъ преданій и памятей. Самый языкъ „Слова“ не чуждъ языку литературныхъ памятниковъ. Мы не разъ старались отмѣтить—правда изрѣдка проблескивающее—вліяніе устной самородной поэзіи на памятники повѣствовательной литературы. Другія же подобныя поэтическія выраженія лѣто-

писей были гораздо ранѣе насъ отмѣчены [132]). Складъ дружинной поэзіи, прославлявшей князей, весьма вѣрно обозначенъ въ „Задонщинѣ“ выраженіемъ: „гусельныя словеса“ [133]). У автора Слова о полку Игоревѣ это—старыя словеса: мы де поемъ и славимъ князей по своему, по старому, не по книжному.

Обработка гусельныхъ словесъ, при образованности пѣвцевъ, стала письменною; явились люди, передавшіе перомъ складки и погудки гусельной поэзіи. Но они вносили новый элементъ въ литературу, доселѣ далекую отъ живой, устной поэзіи и потому-то и авторъ Слова о полку Игоревѣ оговаривается по поводу своихъ „старыхъ словесъ“, своихъ не литературныхъ, не книжныхъ пріемовъ.

Названіе „Слова“ ближе подходитъ къ поэтическому произведенію о полку Игоревѣ, чѣмъ названіе Повѣсти. Слово въ народной рѣчи означаетъ цѣлое законченное выраженіе мысли:

То же бы ты слово, да не такъ бы молвилъ;
Ты бы молвилъ: дай вамъ Боже по сту на день,
По тысячѣ на недѣлю (Кирш. Даніл.).

Неимѣя въ виду въ нашемъ трудѣ „о повѣстяхъ и сказаніяхъ“ разбирать Слово о полку Игоревѣ, мы однакоже считаемъ необходимымъ остановиться на повѣствовательной сторонѣ этого памятника, прославившаго событіе, изображенное въ двухъ сказаніяхъ.

---

[132]) См. Задонщина—чтеніе И. И. Срезневскаго 5 вып. VI т. Изв. Втор. Отд. Академіи, первое примѣчаніе.

[133]) „Азъ-же восхвалю пѣсньми и гусленьми словесы господина Русскаго, господина князя Дмитрія Ивановича (по списку Ундольскаго).

Первое существенное отличіе „Слова“ отъ „Сказаній“ заключается въ томъ, что авторъ его не ставитъ себя судьею Игоря и не ищетъ въ христіанскихъ понятіяхъ объясненія какъ бѣдъ, такъ равно и счастливыхъ обстоятельствъ. Игорь у него не несетъ кары за свою прежнюю вину передъ Богомъ и не покаянная молитва способствуетъ его бѣгству изъ плѣна. Первая побѣда Игоря надъ Половцами, его пораженіе, плѣнъ, и наконецъ бѣгство изъ плѣна, все это передается непосредственно, безъ предразсужденій и ставится въ связь только съ таинственными силами природы.

Свободный отъ авторитетныхъ поясненій книжниковъ авторъ Слова ищетъ подтвержденіе своимъ мыслямъ объ усобицахъ не въ текстахъ св. писанія, а въ прежде бывшихъ событіяхъ Русской жизни. Онъ не только знаетъ исторію княжескихъ отношеній старыхъ годовъ, но и въ читателѣ предполагаетъ тоже знаніе. Отъ того-то онъ и говоритъ намеками, вспоминая различныя событія, какъ напримѣръ, битву на Нѣжатиной нивѣ, или смерть потонувшаго въ водахъ Стугны брата Мономахова, Ростислава, или черты изъ жизни Всеслава Полоцкаго и его отношенія къ Кіеву и Мономаху.

Событіе, составляющее предметъ „Слова“, воспроизведено въ немъ то же довольно бѣгло, размашисто, а не эпически образно. Воспроизведеніе это скорѣе можно назвать лирическимъ, чѣмъ эпическимъ.

Все то, что мы знаемъ изъ двухъ сказаній, сѣвернаго и южнаго, о походѣ и плѣнѣ Игоря, встрѣчаемъ и въ „Словѣ“, но съ опущеніемъ нѣсколькихъ подробностей, которыя по свойству поэтическаго произведенія замѣнены общими красками. Даже такое обстоятельство какъ подвигъ Игоря, когда онъ, уже раненый, снявъ шеломъ, возвращалъ Ковуевъ на поле

битвы, вспомянуто однимъ намекомъ: **Игорь плъки заворочаетъ.** И тутъ видно, что авторъ знаетъ объ этомъ обстоятельствѣ по слуху и по собственной догадкѣ говоритъ, что Игорь заворачиваетъ полки потому, что ему жаль мила брата Всеволода. Неправдоподобностью отличается и распря Кзы и Кончака. Мы знаемъ, что разногласіе этихъ двухъ хановъ имѣло своимъ слѣдствіемъ два различныхъ направленія, по которымъ Половецкія полчища отправились на разореніе Русской земли. Въ „Словѣ“ же Кза споритъ съ Кончакомъ о судьбѣ Володиміра Игоревича. Черезъ три года послѣ похода возвратился Володимеръ Игоревичь съ женою Кончаковною изъ плѣна, и тогда умѣстно было говорить о соколичѣ, опутанномъ красною дѣвицею [134]). Слава, пропѣта Володиміру Игоревичу въ концѣ „Слова“, подтверждаетъ то, что похвальное произведеніе въ честь Игоря составилось по возвращеніи изъ плѣна и сына его.

Мы уже замѣтили, что „Слово“ не упоминаетъ о находившейся съ Игоремъ въ плѣну дружинѣ его, его конюшемъ, тысяцкомъ и духовникѣ.

„Слово“ не знаетъ и не доискивается причины неудачи въ медленности ратнаго движенія, или въ неудобствѣ мѣстности. Оно укоряетъ Игоря слегка за самонадѣянность и укоръ этотъ переноситъ съ него на другихъ князей, которые не вступились „**за раны Игоря, бусого Святъславича**“.

Такимъ образомъ ясно, что пѣснопѣвецъ Игоря не принималъ участія въ самомъ походѣ и не находился съ Игоремъ

---

[134]) Подъ 6696 (1187) г. приде Володимеръ изъ Половець съ Коньчаковною и створи Игорь свадбу сынови своему, и вѣнча его и съ дѣтятемъ. (П. С. Р. Л. т. II, стр. 136).

въ плѣну, ибо въ „Словѣ“ нѣтъ чертъ, переданныхъ очевидцемъ. „Слово“ не дополняетъ сказаній живыми подробностями. Заклинанія Ярославны даютъ только общія черты событія и сама княгиня эта не введена въ дѣйствіе. Она плачетъ не то на Дунаѣ, гдѣ она могла быть у отца своего Галицкаго Ярослава, не то въ Путивлѣ, гдѣ она провожала мужа. Впрочемъ имена Ярославны и Глѣбовны, жены Всеволода, вотъ все, что добавлено „Словомъ“ къ сказаніямъ, если считать за общее поэтическое мѣсто упоминаніе добычи (чрленъ стягъ бѣла хорюговь, чрвлена чолка, сребреное стружіе храброму Святъславичю) доставшейся Игорю послѣ первой его битвы съ Половцами.

Основная мысль автора—прославить походъ на невѣрныхъ и изречь строгій судъ усобицѣ. Эта мысль отвѣчаетъ мысли повѣстей, прославлявшихъ преимущественно походы на невѣрныхъ и выражаетъ то же негодованіе на усобицы, которое лежало въ основѣ нравственныхъ приговоровъ и сужденій о князьяхъ у всѣхъ древнихъ писателей нашихъ, начиная съ авторовъ повѣстей объ убіеніи Бориса и Глѣба.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ, какъ произведеніи княжескомъ, хвалебномъ, участь князя занимаютъ автора болѣе чѣмъ самое событіе. Въ XIII столѣтіи и повѣсти получаютъ такой же хвалебный характеръ, и личности князей поглощаютъ въ нихъ интересъ къ землѣ, городу, событію, имѣющему народное значеніе. Это конечно отразилось и въ лѣтописяхъ, гдѣ всѣ интересы наконецъ сосредоточились по описаніи дѣятельности одного какого либо князя. Личность подчинила себѣ событія и интересы повѣствователя слились съ жизнью и интересами одного лица. Таковы и повѣствованія т. н. Волынско-Галицкой лѣтописи, послѣднія произведенія до-Татарской эпохи.

Цѣна 1 р. 80 к.

[4p-]